

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

2 (57)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 2 (57), 2023

Научный журнал. Издается с 1968 г.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

2 (57)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 2 (57), 2023

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Прасолов Д.Н.</i>	Общественно-политическое лидерство в практиках окружного самоуправления в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX в.	7
<i>Дзуганов Т.А.</i>	Операторы «особого рода промышленности»: о торговле зерном в Нальчикском округе в начале XX в.	16
<i>Кешева З.М.</i>	Музыкальная культура Кабардино-Балкарии во второй половине 1940-х – 1950-х гг.	27

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>АфІэунэ А.А.</i>	XXI лІэщІыгъуэм и пэм кыдэкІа адыгэбзэ (къэбэрдей-шэрджэсыбзэ) псалъальгэхэр (2000–2015 гъгъ.) I Пыхъэ	36
<i>БищІо Б.Ч.</i>	Адыгэбзэм и хьэл псалъэ зэпхахэм я нэшэнэ-гъэлыгъуэ	46
<i>Токъмакъ М.Хъ.</i>	Адыгэбзэм и синтагматикэ зэхушытыкІэкІэ зэпха лексико-семантикэ гуп	54
<i>Хежева З.Р.</i>	Функция модальных образований в системе инфинитных конструкций адыгских языков	67
<i>Шэру Н.Гъу.</i>	Адыгэбзэм и псалъэуха зэхэль-зэпхахэхэр хэт-хэмыт проблемэр адыгэ бзэщІэныгъэлІхэм я къэхутэныгъэхэм зэрыщызэпкърыхар	74

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Алхасова С.М.</i>	«И я – Кавказ, и я оттуда...». Воплощение образа малой родины в лирике Инны Кашежевой	81
<i>Кажарова И.А.</i>	Образы света и тьмы в поэзии Зарифа Гучаева	89
<i>Гутов А.М.</i>	Проблемы атрибуции жанровых разновидностей адыгского (черкесского) эпоса	97
<i>А.М. Гутов, Л.А. Гутова</i>	Песни, не имеющие ясной локализации	106

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Prasolov D.N.</i>	Socio-political leadership in the practices of district self-government in the Kabarda (Nalchik) district in the second half of the XIX century	7
<i>Dzukanov T.A.</i>	Operators of a “special kind of industry”: on the grain trade in the nalchik district in the early xx century	16
<i>Kesheva Z.M.</i>	Formation and development of musical culture of the peoples of kabardino-balkaria in the 1920–1930-s.	27

LINGUISTICS

<i>Afaunova A.A.</i>	Adyghe (Kabardino-Circassian) dictionaries, Published in the first half of the XXI century (2000–2015). I part	36
<i>Bizhoev B.Ch.</i>	Characteristics of varieties of adverbial phrases in the Kabardian-Circassian language	46
<i>Tokmakova M.H.</i>	lexical syntagmatics of the kabardino-circassian language	54
<i>Khezheva Z.R.</i>	the function of modal formations in the system of infinite structures of the adige languages	67
<i>Sherieva N.G.</i>	The problem of the presence or the absence of complex sentences in the kabardino-circassian language in the works of linguists-adygovs	74

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Alkhasova S.M.</i>	“And I am the Caucasus, and I am from there...”. The embodiment of the image of a small homeland in the lyrics of Inna Kashezheva	81
<i>Kazharova I.A.</i>	Images of light and darkness in the poetry of Zarif Guchaev	89
<i>Gutov A.M.</i>	Problems of attribution of genre varieties of the Adyghe (Circassian) epic	97
<i>Gutov A.M., Gutova L.A.</i>	Songs without a clear localization	106

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-7-15

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ПРАКТИКАХ ОКРУЖНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КАБАРДИНСКОМ (НАЛЬЧИКСКОМ) ОКРУГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dmpрасолов@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© Д.Н. Прасолов, 2023

Аннотация. Рассматриваются особенности проявления общественно-политического лидерства в Кабарде, обозначившиеся в условиях проведения административных и социальных преобразований российских властей в традиционном кабардинском обществе. На основе архивных материалов выявлены факторы и тенденции трансформации поведения представителей социальной элиты в связи с принятием общественно-значимых решений. Определено, что реализация лидерских функций в 1860-х гг. стала связываться с возможностью мобилизации общественного мнения, осуществляемой через народные сборы, выступавшие средством согласования условий и порядка реализации реформ с представителями сельских обществ на окружных съездах доверенных. Показаны формы инструментализации традиционного лидерства коронными властями для организации общественного принятия реформ и преодоления сопротивления их мероприятиям.

Ключевые слова: кабардинцы, Кабардинский округ, Нальчикский округ, Терская область, местное самоуправление, съезд доверенных

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Общественно-политическое лидерство в практиках окружного самоуправления в Кабардинском (Нальчикском) округе во второй половине XIX в. // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 7–15. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-7-15

Original article

SOCIO-POLITICAL LEADERSHIP IN THE PRACTICES OF DISTRICT SELF-GOVERNMENT IN THE KABARDA (NALCHIK) DISTRICT IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Dmitry N. Prasolov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dmpрасолов@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© D.N. Prasolov, 2023

Abstract. The article deals with the peculiarities of social and political leadership in Kabarda, which emerged in the conditions of administrative and social transformations of the Russian authorities in the traditional Kabarda society. On the basis of archival materials, the factors and tendencies of transformation of behavior of representatives of the social elite in connection with the adoption of socially significant decisions are revealed. It is determined that the implementation of leadership functions in the 1860s began to be associated with the possibility of mobilizing public opinion, carried out through public gatherings, which acted as a means of coordinating the conditions and order of implementation of reforms with representatives of rural societies at district congress of entrusted. The forms of instrumentalization of traditional leadership by imperial authorities for organization of public acceptance of reforms and overcoming resistance to their measures are shown.

Keywords: Kabardians, Kabarda district, Nalchik district, Terskaya Oblast, local self-government, congress of trustees

For citation: Prasolov D.N. Socio-political leadership in the practices of district self-government in the Kabarda (Nalchik) district in the second half of the XIX century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 7–15. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-7-15

Проблема политического лидерства в традиционном кабардинском обществе в пореформенный период имеет неоднозначную интерпретацию в современной историографии. В монографии Ю.Д. Анчабадзе политическая культура адыгов во второй половине XIX – 1920-х гг. рассматривается как крестьянская, преимущественно сельско-общинная [Анчабадзе 2012: 3]. Правомерность такого подхода для избранных хронологических рамок поддержал и рецензент книги С.А. Арутюнов. Он отмечает что «только в этот период предмет исследования – т.е. политическая культура адыгского крестьянства – реально и существовал»: если до окончания Кавказской войны политическая культура адыгов отличалась дифференцированностью политических функций господствующих феодальных сословий крестьян, отчужденных от власти, то с 1860-х гг. «доминирование феодально-элитарных норм в политической культуре данного этноса резко потеряло свою актуальность» [Арутюнов 2013: 227]. Действительно, исследователями отмечается «всеохватывающее «окрестьянивание» кабардинских дворян» после реформ 1860-х гг. [Кажаров 2014: 331–338; Жанситов 2014: 24]. При этом имелись в виду прежде всего социально-экономические аспекты положения аристократии. По данным Канцелярии главноначальствующего гражданской части на Кавказе, в середине 1880-х гг., «несмотря на пятидесятилетнее бездействие кабардинского народа и его вождей, не найдется и одного туземца, который бы осмелился оспаривать первенство сословия пши» [Сборник... 2003: 83].

Исследователями отмечается как статусная девальвация, так и различные формы адаптации традиционной элиты кабардинцев и балкарцев к меняющимся социально-политическим условиям. При этом большинство авторов приводят сведения о сохранении значительной роли традиционной элиты во многих сферах жизни пореформенного кабардинского и балкарского общества [Бабич 1995: 26–83; Дышеков 2001: 76–126; Кушхов 2013; Жанситов 2014: 15–32; Гедгафова 2019: 48–100]. «Окрестьянивание» существенно не затронуло престижность и общественную значимость статуса князей, дворян и таубиев в практиках, связанных с осуществлением власти, прежде всего в сельских обществах.

Элитарность, изменившаяся, но не отменённая в силу традиции, оставалась определяющим критерием права на представительство общественных интересов во взаимоотношениях с российскими властями. Практики съездов доверенных позволяют внести определенные уточнения в интерпретацию общественного-политического лидерства княжеско-дворянских сословий. Реализуемые ими роли опирались на сохраняющуюся, хотя и поблекшую статусность, которая вместе с тем усиливалась действием новых социальных лифтов, реализуемых в рамках

российского государственно-политического порядка: военной и административной службой, получением образования, особенно высшего, а также материальным преуспеванием, достигнутым в экономической деятельности. В 1860-х гг. важным символическим капиталом общественного влияния, подкрепленного доверием и местной коронной администрации, становятся факты личного участия в депутациях к императору или мероприятиях общеимперского уровня.

Представители привилегированных сословий, прошедшие военную службу, стали кадровым ресурсом при комплектовании местной администрации и интеграции выходцев из коренного населения в систему управления Российской империи на Северном Кавказе. Даже в реалиях позднесоветской эпохи Г. Дерлугьян находит основания проводить параллели: «Старая кабардинская культура феодальной лояльности неплохо вписалась в этику государственно-бюрократической и военной службы, в силу чего кабардинцы в советском офицерском корпусе оказались представленными значительно выше процентной доли народа в населении СССР» [Дерлугьян 2010: 417]. Промежуточную эволюцию этот принцип претерпел в имперский период и до окончательного установления советской власти некоторое время сохранялся в годы Гражданской войны [Жанситов 2014: 33–59].

С учреждением военно-народного управления капитан Темиркан Шипшев в 1860–1861 гг. занимал должность начальника Черекского участка Кабардинского округа [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 28]. В чине майора в 1863–1864 гг. он возглавлял Шапсугский округ. С 1880-х гг. Т. Шипшев активно участвовал в общественно-политической жизни Нальчикского округа претендуя на то, чтобы выступать «общим кабардинским поверенным» [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 500. Т. 2. Л. 591]. После выхода в отставку с чином генерал-лейтенанта Т. Шипшев неоднократно использовал воинское старшинство среди соотечественников для мобилизации и консолидации социального капитала других земляков, имеющих нижестоящие офицерские звания [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1318. Л. 13об.]. Ходатайства и комиссии во главе с генералами Т. Шипшевым, Т. Алтадуковым и Ж. Джембековым, санкционированные съездами доверенных, использовались для постановки и решения актуальных общественных вопросов имели широкий резонанс в Терской области [Дышеков 2000].

Престижность российских воинских статусов некоторое время проявлялась в делопроизводстве съездов доверенных. В 1860–1890-х гг. многие из общественных приговоров первыми подписывали офицеры в порядке старшинства, а затем уже представители знати, не имевшие званий [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1265. Л. 12; Д. 1279. Л. 2], хотя официально это не оговаривалось как бюрократический стандарт. Подполковник Атажуко Атажукин – первый в списке доверенных лиц кабардинского общества, подписавших акт 20 августа 1863 г. об объявлении кабардинской земли общественной [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 13об.–14]. Прошение балкарских доверенных М.Т. Лорис-Меликову по земельному вопросу 22 июня 1863 г. сначала было подписано офицерами из таубиев, но без обозначения сословного статуса, а затем таубиями, не имевшими воинских званий [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 2–2об.]. О превращении такого иерархического принципа в бюрократическую традицию в формальных процедурах съездов доверенных свидетельствуют общественные приговоры разных лет: об искоренении воровства 1862 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 452. Л. 15], об установлении порядка взноса государственной подати 1869 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 33. Л. 13], в ходатайстве о восстановлении агрономической культуры в Атажукинском саду 1872 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 134а. Л. 4об.], в 1880-х гг. при назначении стипендий кабардинцам и балкарцам, обучающимся за пределами Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85. Л. 81; ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 594. Л. 18–18об.], в предложениях о разграничении территориальной компетенции основного и горского отделений Нальчикского

горского словесного суда [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 96. Л. 62–62об.] и прошения о дополнительном финансировании из Кабардинской общественной суммы судебных должностей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1279. Л. 1] и т.п. Такой делопроизводственный прием использовался для придания общественным постановлениям большей весомости фактом участия в их принятии наиболее высокопоставленных и влиятельных офицеров из кабардинцев и балкарцев.

Сопричастность к общероссийской военной культуре, статусность в этой среде, выступали значимыми факторами стратификации формальных властных позиций в практиках окружного местного самоуправления. Многие из военнослужащих российской армии неоднократно взаимодействовали в своей служебной деятельности и частной жизни с окружным самоуправлением Нальчикского округа. Во взаимоотношениях с коронными властями приговоры съездов доверенных являлись формальным средством легитимации представительских полномочий общественных лидеров. В оформлении приговоров съездов доверенных, как коллективной воли народа, власть аристократии зачастую нивелировалась. Ее голос в перечислении фамилий сельских доверенных превращался в часть перечня имен, представлявших общественное мнение не по сословному старшинству, а по территориальной принадлежности к определенным сельским обществам. И тогда возрастало значение тех, кто был способен влиять на формирование солидарного мнения изнутри народных сборов, либо извне. Это обстоятельство легитимизировало их лидерство в практиках общественного самоуправления еще и потому, что способных на убеждение поддерживала коронная администрация, использовавшая ресурсы военно-народного управления в продвижении необходимых решений и преобразований. Наиболее критичные современники высказывались о стремлении властей Терской области использовать съезды доверенных для общенародного одобрения собственной корыстной политики [Цаликов 1913: 74–75]. Современные исследователи подтверждают, что в 1860-х гг. народные сборы использовались «при проведении в жизнь заведомо непопулярных административных решений» [Административная практика... 2012: 55]. Однако предназначение съездов доверенных состояло не только в преодолении неприятия реформ, но и в достижении общественного согласия по поводу жизненно необходимых изменений. Нередко осуществление социальных и земельных преобразований в Кабардинском округе осуществлялось с опорой на солидарное общественное мнение, мобилизованное через собрания представителей, убеждаемых в необходимости изменений словом и примером влиятельных соотечественников.

В 1850–1860-х гг. значительным общественным влиянием обладал кабардинский князь полковник Атажуко Атажукин. В 1858 г. он был включен в делегацию представителей народов Кавказа на коронации Александра II [АКАК. Т. IX. 1884. С. 706]. Современник освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1866–1867 гг. о нем писал: «Только в фамилии Атажукина есть еще один представитель древнего типа кабардинского князя, измененный, впрочем, влиянием своего времени» [Привилегированные... 1870: 12]. Его пример способствовал осуществлению преобразований в Кабардинском округе. Многие обращения, ходатайства, докладные записки «выборных представителей» Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ начинались с подписи полковника Атажукина [Кокиев 2005: 665, 667, 671, 734]. В переписке, сопровождавшей разрешение острой ситуации с протестами части кабардинских владельцев против освобождения зависимых сословий в конце января 1867 г., начальник округа А. Нурид рассчитывал на общественное влияние и силу убеждения майора Кайсын Анзорова и А. Атажукина, обозначая последнего «алий», т.е. «валий» – верховным князем, согласно вышедшей уже к тому времени из административного употребления иерархической политической традиции [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1968. Л. 42]. Очевидно, что его авторитет, опиравшийся на традиционное статусное старшинство,

рассматривался как важный фактор управления реформами, проведения решений и получения уступок ввиду не популярности некоторых преобразований.

С 1865 г. началось осуществление болезненного для многих аульных владельцев укрупнения селений, вслед за которым должны были последовать и другие мероприятия земельной, административной и податной реформы. Распоряжение Кавказского наместника об этом лично объявил начальник Терской области «представителям и старшинам всех сословий и аулов Кабарды и Горских обществ», созванным 8 января 1865 г. в Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 739. Л. 3]. На этом же окружном «собрании депутатов» коронным властям удалось добиться подписания формального согласия от кабардинских представителей. Председатель Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области Д. Кодзоков описал таким образом ситуацию: «Хотя протокол подписан всеми депутатами, но только трое из них разделяют необходимость и пользу многолюдных аулов – это полковник князь Атажукин и подполковник князь Касаев и [майор Кайсын] Анзоров. Все же прочие депутаты решились подписать протокол вследствие моей настойчивости и того, что трое названных лиц подали тому пример. Остальные депутаты по малодушию и тщеславию своему, желая потворствовать упорству владельцев передали в народ, что они старались всеми силами противодействовать расселению, а что всему виною названные выше лица и Председатель Комиссии, старающиеся уничтожить привилегии высшего их сословия...» [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Т. 2. Л. 248–248 об.].

В этой же ситуации Т. Шипшев проявил показательную нелояльность, ввиду несоответствия проводимой реформы его фамильным сословным интересам: укрупнение аулов лишало Шипшевых статуса аульных владельцев. В секретном распоряжении начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова начальнику Кабардинского округа от 14 марта 1865 г. сообщалось: «Проживающий ныне в Большой Кабарде состоящий по кавалерии майор Шипшев толками, распускаемыми им в населении Кабарды, старается возбудить в народе недоверие к правительственным распоряжениям и неповиновение приказаниям власти по переселению аулов». В качестве меры по нейтрализации нежелательного влияния Т. Шипшева было предложено, по согласованию со статским советником Д. Кодзоковым, организовать его служебный вызов во Владикавказ. При этом отмечалось: «Вообще между владельцами аулов в Кабарде есть несколько личностей, старающихся возбудить в народе противудействие к расселению и склоняющих его к уходу в Турцию». Согласно распоряжению, этим лицам могло быть разрешено переселение только при условии, что им «воспрещено будет не только брать с собою холопов, но даже и продавать или дарить их кому бы то ни было, но что холопы таких лиц будут освобождены и только по освобождении их владельцы получают разрешение и билет на следование в Турцию» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 739. Л. 18–19].

Решая задачи общественного убеждения коронная администрация использовала традицию авторитета, а несоответствие его критериям не всегда перевешивалось новыми маркерами общественного лидерства. Первый кабардинец с высшим образованием и бюрократическими регалиями статского советника Д. Кодзоков возглавлял Терско-Кубанскую сословно-поземельную Комиссию, осуществлявшую организацию и проведение земельных, административных и сословных преобразований. Он неоднократно созывал сборы доверенных для получения солидарного общественного согласия: от Акта 20 августа 1863 г., до совещаний по согласованию условий освобождения зависимых сословий. Для выходца из семьи незнатных кабардинских дворян несоответствие критериям традиционного лидерства ограничивало возможности общественного влияния. В этом состояла одна из причин того, что, несмотря на высокопоставленный должностной статус, он не во всем добился успеха. Например, в апреле 1865 г. Д. Кодзоков не смог убедить сбор доверенных Малой Кабарды составить приговор об отказе от

переселения в Турцию, аналогичный полученному им ранее в Большой Кабарде [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 743. Л. 24–24об].

Социально-статусное первенство могло оборачиваться и приоритетом в ответственности за неудачи. В январе 1867 г., когда часть «рабовладельцев» попыталась протестовать против освобождения зависимых сословий, начальник Кабардинского округа А. Нурид предполагал, что полученные им сведения о неповиновениях «бросают некоторую тень на имя полковника князя Атажукина». Парадоксально, что основанием для подозрений стал общественный авторитет влиятельного князя: «Чтобы довести народ до подобного сумасбродства нужно пользоваться его уважением», и иметь достаточно «сведений и ума», чтобы «заставить целые сотни людей идти, наперекор рассудку, к недостижимой цели» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 11. Т. 1. Л. 65, 72об.]. В то же время А. Нурид избегал открыто привлекать полковника к участию в событиях на стороне властей, опасаясь, что протестующие заподозрят его в подкупе и «тогда он потеряет всякое влияние на настоящее дело» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1968. Л. 18об.]. Однако сам подозреваемый князь А. Атажукин выразил решительное неприятие целей протестантов, подчеркнув при этом личную обиду подлинного общественного предводителя: «Несколькими незначительными лицам подано Его Высочеству от имени всего народа прошение о переселении в Турцию, что никто из действительных представителей Кабарды не знали этого и не разделяют желаний негодяев, осмелившихся действовать именем народа, что он считает себя оскорбленным, как человек, с которым народ всегда советовался во всех своих предприятиях» и предложил «назначить для разъяснения дела формальной следствие, а его самого депутатом» от народа [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 11. Т. 1. Л. 66 об.].

В этом протесте владельцев был использован прием фальсификации общественного доверия, демонстрирующий значимость окружных собраний в легитимации общественно-политического лидерства. В декабре 1866 г. протестующие, представившиеся уполномоченными представителями кабардинского общества, обратились к Кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу с просьбой остановить освобождение, либо разрешить всем желающим переселиться с подвластными в Османскую империю. К тексту своего обращения протестующие приложили лист с печатями и подписями общественного приговора. Однако, как впоследствии было установлено, подписной лист был использован из другого общественного приговора об условиях освобождения зависимых сословий, который был оформлен на «общем народном сборе» в июле 1866 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 11. Т. 1. Л. 1]. Подлог был раскрыт, а виновные, «предвидя неизбежность строгой за это ответственности», организовали в январе-феврале 1867 г. сбор протестующих владельцев на р. Шалушка. Однако, не получив поддержки наиболее влиятельных и лояльных реформам коронных властей князей и дворян, вскоре прекратили сопротивление освобождению крепостных.

Протестный консерватизм, так ярко проявившийся в ходе освобождения зависимых сословий, продемонстрировал ограниченные возможности новаций в поведении традиционных общественно-политических лидеров на общественных собраниях. В конце 1860-х гг. эту тенденцию отмечал Н. Грабовский – современник реформ, один из наиболее компетентных чиновник управления Кабардинского округа. Сообщая о неудачной попытке пересмотреть на народном сборе «местные материальные условия вступления в брак, то есть уменьшить плату калыма», он писал: «Задумают они какое-нибудь изменение древнего обычая в форму, более соответствующую духу настоящего времени, как смотрят – авторитетные старцы уже напустились на смельчаков, обозвали их гяурами, изменщиками религии и народности». В его характеристике общественных постановлений 1860-х гг. отмечался патриархальный консерватизм, созвучный желанию доверенных поступать с учетом мнения старших представителей высших сословий, в свою очередь

не желавших менять традиции, «веруя в то, что предки их настолько были умные люди, что обеспечили навсегда своими мудрыми постановлениями должный порядок в Кабарде» [Грабовский 1870: 77]. Причем отмечалась консервативная оппозиция «недавним» попыткам уменьшения калыма, оказанная влиятельными представителями привилегированных сословий, «которые и нами-то считаются за более цивилизованных», почему им «поручали даже приручение кабардинцев» к новым условиям жизни [Грабовский 1870: 78].

Таким образом, в ходе реализации социально-экономических преобразований проведения в регулярной деятельности съездов доверенных произошла трансформация общественно-политического лидерства. Привилегированные сословия – кабардинские князья и дворяне, балкарские таубии сохранили значительное влияние на формирование общественного мнения, но их авторитет на окружных съездах определялся теперь более сложным набором статусных маркеров. Важным символическим капиталом общественного влияния, подкрепленным доверием и местной коронной администрацией, становятся факты личного участия в депутациях к императору или в мероприятиях общеимперского уровня. Достижение лидерских позиций было обусловлено действием новых социальных лифтов, реализуемых в рамках российского государственно-политического порядка, прежде всего военной и административной службой. Трансформация общественно-политического лидерства в кабардинском и балкарском обществе обуславливалась способностями мобилизовать общественное мнение сельских доверенных, влиянием на народные сборы. Формализация их доверия в виде общественного приговора являлась наиболее достоверным для коронных властей, легитимным для представительства общественных интересов и особенно престижным способом подтвердить лидерскую роль.

Список источников

Административная практика... 2012 – Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Составление, вступительная статья, комментарии Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 399 с.

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского.

Анчабадзе 2012 – *Анчабадзе Ю.Д.* Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX – 1920-е годы). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. 340 с.

Бабич 1995 – *Бабич И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995. 129 с.

Гедгафова 2019 – *Гедгафова К.А.* Социальная структура кабардино-балкарского общества в исторической динамике 60-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Нальчик, 2019. 286 с.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.* Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе // ССКГ. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1870. Вып. IV. Отд. I. С. 1–72.

Дерлугьян 2010 – *Дерлугьян Г.* Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в мировосystemной перспективе / Авторизованный перевод с английского. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 560 с.

Дышеков 2000 – *Дышеков М.В.* Общественно-политическая деятельность генерал-лейтенанта Т.А. Шипшева в Кабарде (80–90-е гг. XIX в.) // Сборник научных трудов молодых ученых Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик: КБГУ, 2000. С. 241–245.

Дышеков 2001 – *Дышеков М.В.* Трансформация традиционной элиты Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Нальчик, 2001. 204 с.

- Жанситов 2014 – *Жанситов О.А.* Межсословные отношения в Кабарде в контексте революционных процессов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 67 с.
- Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 904 с.
- Кокиев 2005 – История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сост. Г.Х. Мамбетов. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 904 с.
- Кушхов 2013 – *Кушхов Х.С.* Традиционная сословная структура Кабарды и модернизационные процессы во второй половине XIX – начале XX в. // Известия КБНЦ РАН. 2013. № 6–1 (56). С. 169–176.
- Привилегированные... 1870 – Привилегированные сословия Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. Вып. III. Горская летопись. С. 1–12.
- Сборник... 2003 – Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Т.1. 1793–1897 гг. Сост. Х.М. Думанов и др. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 348 с.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.
- Цаликов 1913 – *Цаликов Ах.* Кавказ и Поволжье: очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. Москва: М. Мухтаров, 1913. 184 с.
- ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

References

- Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII v. do 1870 g.* [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the end of the 18th century to 1870] (na materiale Osetii): Sbornik dokumentov. Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, kommentarii E.I. Kobakhidze. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. 399 p. (In Russian)
- Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]: In 12 volumes. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo. (In Russian)
- ANCHABADZE YU.D. *Politicheskaya kul'tura adygov: traditsionnye instituty i ikh evolyutsiya (vtoraya polovina XIX – 1920-e gody)* [Political culture of Adygs: traditional institutions and their evolution (second half of XIX – 1920s)]. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 2012. 340 p. (In Russian)
- BABICH I.L. *Narodnye traditsii v obshchestvennom bytu kabardintsev* [Folk traditions in the social life of Kabardinians]. M., 1995. 129 p. (In Russian)
- GEDGAFOVA K.A. *Sotsial'naya struktura kabardino-balkarskogo obshchestva v istoricheskoi dinamike 60-kh gg. XIX. – 30-kh gg. XX* [Social structure of the Kabardino-Balkar society in the historical dynamics of the 60s of the XIX c. – 30s of the XX]: diss. ... kand. istor. nauk. Nal'chik 2019. 286 p. (In Russian)
- GRABOVSKII N. *Ocherk suda i ugovolnykh prestuplenii v kabardinskom okruge* [Sketch of court and criminal offenses in the Kabarda district]. IN: Collection of information on Caucasian mountaineers. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1870. Vyp. IV. Otd. I. P. 1–72. (In Russian)
- DERLUG'YAN G. *Adept Burd'e na Kavkaze: Eskizy k biografii v mirosistemnoi perspective* [Bourdieu's Adept in the Caucasus: Sketches for a Biography in a World System Perspective]. M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2010. 560 p. (In Russian)
- DYSHEKOV M.V. *Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' general-leitenanta T.A. Shipsheva v Kabarde (80–90-e gg. XIX v.)* [Social and political activity of Lieutenant General T.A. Shipshev in Kabarda (80-90th of the XIX)]. IN: Sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. Nal'chik: KBGU, 2000. P. 241–245. (In Russian)
- DYSHEKOV M.V. *Transformatsiya traditsionnoi elity Kabardy i Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Transformation of the traditional elite of Kabarda and Balkaria in the second half of XIX – early XX]: diss. ... kand. istor. nauk: 07.00.02. Nal'chik, 2001. 204 p. (In Russian)

ZHANSITOV O.A. *Mezhsoslovnye otnosheniya v Kabarde v kontekste revolyutsionnykh protsessov* [Interlord relations in Kabarda in the context of revolutionary processes]. Nal'chik: Izdatel'skii otдел KBIGI RAN, 2014. 67 p. (In Russian)

KAZHAROV V.KH. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected works on the history and ethnography of the Adygs]. Nal'chik: ООО «Pechatnyi dvor», 2014. 904 p. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva [History of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev]. Ed. by G.Kh. Mambetov. Nal'chik: El'-Fa, 2005. 904 p. (In Russian)

KUSHKHOV KH.S. *Traditsionnaya soslovnaya struktura Kabardy i modernizatsionnye protsessy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX*. [Traditional estates structure of Kabarda and modernization processes in the second half of the XIX – early XX]. IN: *Izvestiya KBNTs RAN*. 2013. № 6–1 (56). P. 169–176. (In Russian)

Privilegirovannye sosloviya Kabardinskogo okruga [Privileged estates of the Kabarda district]. IN: Collection of information on Caucasian mountaineers. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1870. Vypusk III. Gorskaya letopis'. P. 1–12. (In Russian)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza [Collection of documents on the estates law of the peoples of the North Caucasus]. T. 1. 1793–1897 gg. Collected by Kh.M. Dumanov i dr. Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2003. 348 p. (In Russian)

TSALIKOV A. *Kavkaz i Povolzh'e: ocherki inorodcheskoi politiki i kul'urno-khozyaistvennogo byta* [The Caucasus and the Volga Region: Essays on Alien Politics and Cultural and Economic Life]. Moskva: M. Mukhtarov, 1913. 184 p. (In Russian)

TsGA RSO-A – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии.

Information about the authors

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History), Head of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-16-26

**ОПЕРАТОРЫ «ОСОБОГО РОДА ПРОМЫШЛЕННОСТИ»:
О ТОРГОВЛЕ ЗЕРНОМ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В НАЧАЛЕ XX в.**

Тимур Аликович Дзуганов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2022

Аннотация. Статья посвящена изучению одного из наиболее актуальных вопросов экономической истории Кабардино-Балкарии – формам организации промышленной торговли зерном в Нальчикском округе. Изучается специфика данного вида предпринимательства, его отличительные черты и общие принципы функционирования. Освещается история формирования устойчивой сети учреждений торговли зерном, их специализация и особенности функционирования. В работе анализируются структура и многообразие методов реализации коммерческой инициативы в зерно торговой отрасли Нальчикского округа. Показано, что уже к началу XX в. в округе происходит оформление собственной устойчивой системы зерноторговых заведений, налаживание механизмов ее деятельности. На основе архивных материалов и данных периодической печати устанавливаются этнический и социальный состав предпринимателей, задействованных в этой отрасли. Определены отличительные черты предпринимательского сообщества Нальчикского округа. Выявлены формы участия горского населения Кабарды и Балкарии в развитии промышленной торговли зерном в округе.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XX в.; Нальчикский округ; предпринимательство торговля зерном; хлебная торговля; ссыпка зерна; организация торговли

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Операторы «особого рода промышленности»: о торговле зерном в Нальчикском округе в начале XX в. // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 16–26. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-16-26

Original article

**OPERATORS OF A “SPECIAL KIND OF INDUSTRY”:
ON THE GRAIN TRADE IN THE NALCHIK DISTRICT
IN THE EARLY XX CENTURY**

Timur A. Dzughanov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Dzughanov, 2023

Abstract. The article is devoted to the study of one of the most topical issues of economic history of Kabardino-Balkaria – forms of organization of industrial grain trade in Nalchik

district. The specifics of this type of entrepreneurship, its distinctive features and general principles of functioning are studied. The history of formation of a stable network of grain trade institutions, their specialization and features of functioning is covered. The paper analyzes the structure and variety of methods of commercial initiative implementation in the grain trading industry of the Nalchik district. It is shown that already by the beginning of the XX century in the district there is the formation of its own stable system of grain trading establishments, the establishment of mechanisms of its activity. On the basis of archival materials and data of periodicals the ethnic and social composition of entrepreneurs involved in this industry is established. The distinctive features of the entrepreneurial community of the Nalchik district are defined. The forms of participation of the mountain population of Kabarda and Balkaria in the development of industrial grain trade in the district are revealed.

Keywords: North Caucasus; XX century; Nalchik district; entrepreneurship; grain trade; bread trade; grain piling; trade organization

For citation: Dzuganov T.A. Operators of a “special kind of industry”: on the grain trade in the Nalchik district in the early XX century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 16–26. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-16-26

Процесс возникновения новых форм предпринимательства во второй половине XIX – начале XX вв. в Нальчикском округе, как и на всем Северном Кавказе, неразрывно связан с интегрированием традиционного хозяйства горцев в сферу общероссийских рыночных отношений. Модернизационные процессы, охватившие все стороны экономической жизни населения края, взламывали его патриархальный уклад, вынуждали искать пути наиболее оптимальной интеграции в капиталистический рынок.

В условиях Терской области, особенно с открытием в 1875 г. движения по Владикавказской железной дороге, наиболее быстрые темпы развития демонстрировало товарное земледелие. В регионе заметно увеличиваются объемы посевных площадей, отводимые под зерновые культуры, растет специализация производства. Нальчикский округ также не остался в стороне. В 1892 г. Е. Максимов, в связи с этим отмечал: «Потребность в зерновом хлебе, с одной стороны, выгодность посевов хлеба сравнительно с скотоводством – с другой, наконец, близость удобных путей сообщения, а потому значительный спрос на продукты хлебопашества, все это вместе взятое побудило кабардинцев несколько лет тому назад расширить площадь посевов» [Максимов 1892: 172]. Ближайшие к Кабарде железнодорожные станции располагались в углу, образуемом двумя железнодорожными линиями (Ростов – Прохладная – Владикавказ и Прохладная – Баку), пересекающимися на станции Прохладная.

По подсчетам Г.Х. Мамбетова, посевная площадь в Нальчикском округе за 21 год увеличилась более чем в 5 раз. В 1893 г. в округе было засеяно 20 тыс. десятин, в 1900 – 34491 десятина, в 1905 – 65826 десятин, а в 1914 – 100642 десятины [Мамбетов 1961: 117]. Вывоз зерна за период с 1893 по 1900 гг. возрос почти в три раза по всем станциям округа. Вывоз только через Котляревскую в 1913 г. достиг 1848 тыс. пудов, т.е. возрос по сравнению с 1891 в 14 раз.

По данным 1914 г. через станцию Муртазово было вывезено кукурузы – 630 тыс., ячменя – 205 тыс., овса – 54 тыс., пшеница – 53 тыс., пшеницы – 8,7 тыс. пудов [Мамбетов 1961: 117]. Немаловажное значение имела также и специализация земледелия, усилившая обмен между Кабардой и другими районами России, а также между различными селами самого Нальчикского округа [Крикунов 1953: 28]. Развитие товарного зерноводства неумолимо втягивало в свою орбиту крестьянские хозяйства, естественно, что кратно увеличивалось и число посредников-скупщиков, желавших заработать на посреднических услугах при продаже зерна на рынке. Именно расширение торговых операций с зерном обусловило появление в крае нового вида предпринимателя, специализирующегося на

посреднических услугах между производителем и рынком, спекулирующего на разнице закупочных и отпускных цен на эту сельскохозяйственную продукцию.

Практиковавших данный вид предпринимательства в периодической печати того времени чаще всего именовали «ссыпщиками зерна», подчеркивая тем самым «паразитический» характер их деятельности, так как методы и ухватки новоявленных коммерсантов, часто балансировали на грани нарушения закона [Терские ведомости 1884: 3]. Сами себя эти коммерсанты предпочитали нейтрально называть «торговцами зерновым хлебом». Первые негативные публикации посвященные деятельности «ссыпщиков» в Терской области начинают появляться в периодической печати в первой половине 80-х гг. XIX вв. В 1884 г. июльский вестник Терских Ведомостей обрушился гневной статьей в адрес местных представителей нового для Северного Кавказа вида предпринимательства. Анонимный автор фельетона констатировал появление «особого рода промышленности», выступил с резкой критикой деятельности «саранчи, пожирающей труд земледельца». Материал фельетона помогает реконструировать некоторые особенности и характер финансовых сделок по зерну. Субъектами недобросовестных, по мнению журналиста, операций выступал, с одной стороны, «станичник», «сильно нуждающийся в деньгах», безропотно «соглашающийся на все условия», с другой – «саранча», т.е. «местные кулаки» и пришлые из «евреев и греков» [Терские ведомости 1884: 3].

Деятельность «операторов» заключается в скупке «на базарах в городах, станицах, селах» зернового хлеба. В дальнейшем, товар по железной дороге доставлялся в Ростов. Скупка зерна носила сезонный характер, вся торговля осуществлялась в течении осени. О доходности предприятия свидетельствует следующее замечание автора: «ссыпщики, на полученные за такое короткое время барыши, живут припеваючи целый год» [Терские ведомости 1884: 3].

Высокая доходность обеспечивалась полукриминальными методами ссыпщиков, суть которых заключалась в разного рода технических манипуляциях, имевших конечной целью обвес и обсчет «станичника». «В конце концов самый честный ссыпщик из ста мер украдет наверное десять... Начнутся денежные расчеты и здесь ссыпщик тоже постарается очистить продавца, менее всего опытного в счете» [Терские ведомости 1884: 4]. Часто практиковалось кредитование производителя под кабальные условия, что тоже приносило значительные барыши при конечном расчете.

Базами, откуда скупщики предпочитали вести свои дела, помимо Моздока и Георгиевска, являлись большие станицы, преимущественно по р. Тереку. Со временем, они превратились в главные пункты ссыпки зерна в Терской области.

В специальной кавказоведческой литературе, посвященной изучению экономической истории народов Кабарды и Балкарии, данный феномен не получил достойного освещения. Исследователи, затрагивавшие проблему деятельности «ссыпщиков зерна» [Кумыков 1965: 307; Мамбетов 1961: 145], ограничивались ретрансляцией тезисов дореволюционной региональной переодики, настроенной крайне негативно по отношению к новоявленным «торговцам зерновым хлебом» тем более, что они оказались созвучны советской историографической традиции. Любой предприниматель, если это не мелкий ремесленник – кустарь, поступательно проигрывающий мануфактурному производству, однозначно рассматривался как «кулак» и «мироед», наживающий «несметные барыши» на обмане. В большей степени ученых занимали вопросы, связанные производством товарного зерна, пути его попадания на рынок. В своем обобщающем труде Кумыков Т.Х., отметив появление «на Нальчикском рынке» «кабардинца, сбывающего продукты сельскохозяйственного производства, в частности кукурузу, пшеницу и т.д.» [Кумыков 1965: 268], подчеркивал, что «роль кулацких хозяйств в хлебном рынке возрастала», но в дальнейшем сосредоточил все внимание на происхождении товарного зерна [Кумыков 1965: 270].

Таким образом, роль «ссыпщика зерна», как регионального посредника, важного связующего элемента между мелким производителем и рынком, степень его участия в модернизационных процессах происходивших в Терской области, в целом, на рубеже XIX–XX вв. остается не изученной. Данные только периодической печати не способны пролить свет на обширную историческую лакуну в этом вопросе. Сказанное выше можно отнести и к ситуации по Нальчикскому округу. Неизвестными остаются география и характер деятельности местных «ссыпщиков», методы и особенности функционирования их предприятий. В этой связи, важное значение имеет детальное изучение материалов региональной периодической печати, продолжительное время остававшихся вне исследовательского внимания кавказоведов. Большое значение имеет также введение в научный оборот комплекса документов, выявленного нами в архивохранилищах КБР и имеющего непосредственное отношение к деятельности местных предпринимателей – ссыпщиков. Новые материалы, по нашему мнению, позволят глубже понять особенности функционирования этой отрасли экономики Нальчикского округа, дополнят общую картину социально-экономической истории народов Кабарды и Балкарии в XIX–XX вв.

Определенные трудности для исследователя вопроса может представлять сохраняющаяся обезличенность предпринимателя – «ссыпщика». Анонимный автор Терских ведомостей в качестве таковых называет «местных кулаков» и «пришлых евреев и греков» [Терские ведомости 1884: 3]. Вместе с тем, выявленные нами данные периодической печати за первое десятилетие XX в. рисуют совершенно иную картину. В этой связи, большим подспорьем для ученых могут стать материалы, которые можно условно обозначить как «рекламную периодику». Помимо газет к ним следует отнести различные адрес-календари, включавшие в себя рекламу коммерческих услуг и предложений предпринимателей. Наиболее ценным источником в этой группе является справочник «Вся Донская область и Северный Кавказ», выходивший в первые годы XX в. [Вся Донская...] и содержащий обширный материал о финансовых, торговых учреждениях и частных предпринимателях Юга России. Эти сведения, помимо прочего, способны пролить свет на состояние дел в зерно торговой отрасли Нальчикского округа. Выявленный нами список «ссыпщиков» для удобства сведен в общую таблицу (Таблица № 1) по географическому признаку.

Таблица № 1

н/п	Торговцы зерном
Аргудан	Кажаров Н.Х.
Атажукино	Кошеломов Б.А. Шоршоров С.С.
Баксанское	Либарский А.М. Кацеров Ц. Кауфов И. Мелков М.С.
Бороково	Безчинский С.Н. Сойко А.А.

Боташево	Хапажев Х. Хатухов Х. Цараев К.
Исламово	Паченцов П.К. Пихинов Х. Шохов Э.А.
Кайсын-Анзорово	Гяургиев Х.У. Кабылаев Лаков Д.Н. Самгуров М.Ш.
Касаево	Губжоков М. Кузнецова В.Н. Шабалоков М.
Коголкино	Коголкин П.Ж. Танашев Б.И. Тлебзухов А.Х. Тлебзухов О.М.
Куденетово	Абазов Т. Б. Ортабаев К. Шаков Ж. Шебзухов К.У.
Кучмазукино	Гугов М. Карскулов М.Б. Бешев А.
Солдатская	Либарский А.М.
Мургазово	Аганезов М.Л. Амиров Юсуп Арзанов С.И. Ахсаров Х. Вараев К. Духиев Аб.-Хаджи Иргож Х. Кудалиев Ю.

	<p>Кудашев И. Лазарев Л.Н. Мещеряков И.Н. Мещеряков П.К Мещеряков Д. Паченцов К.И. Сурковы В. и М. братья Тажев К. Цараев К.</p>
Хату-Анзорово	<p>Архестов К. Закаонов Х.К. Шерегов К.А. Османов М.</p>

[Вся Донская... 1901: 235; 1902: 314; 1903: 298; 1904: 143; 1908: 268; 1909: 128; 1910: 81; 1911: 155; 1912: 184–185].

Не смотря на вполне ограниченный характер опубликованных сведений, они дают возможность составить некоторое представление о численном и национальном составе зерно торговцев. Нами выявлено 55 «ссыпщиков зерна», подавляющее большинство из которых кабардинцы. Их заготовительные конторы располагались в 14 населенных пунктах Нальчикского округа, по-видимому, в местах постоянного проживания или в временного пдислоцирования торговцев. Наиболее высокая концентрация «ссыпщиков» замечена в Муртазово – 21 торговец, наименьшая в Аргудане и ст. Солдатская – по одному торговцу. В отдельном случае – Либарский А.М., фиксируется перенос конторы из одного населенного пункта в другой. Нельзя не отметить также наличие среди торговцев-мужчин, занимающихся ссыпкой зерна в Нальчикском округе предприятия Кузнецовой В.Н., располагавшегося в сел. Касаево.

Выявленные данные характеризуют ситуацию с положением дел в торговле зерном в Нальчикском округе в 1900–1912 гг., но эти сведения заметно расходятся с картиной, описанной в региональной печати Терской области конца XIX в. Судя по представленному списку, процент «пришлых» «ссыпщиков» ничтожно мал, эта отрасль рынка преимущественно в руках местных кабардинцев. Открытым остается вопрос о «местных кулаках», но скудость данных упомянутого издания не позволяет ответить на него.

В определенной мере дополняют общую картину сведения, выявленные в фондах УЦГА АС КБР, содержащие переписку жителей Нальчикского округа и Терского областного начальства за 1900–1915 гг. по вопросу выдачи документов на ношение оружия. При составлении прошений применялись специальные правила деловой переписки, требующие указания происхождения, благонадежности, судимости просителя. В обязательном порядке требовались данные по месту проживания и роде занятий просителя, в отдельных случаях указывался возраст и социальный статус соискателя. Несмотря на неполную сохранность материалов

переписки, выявленный комплекс документов значительно дополняет общую картину, расширяет географию распространения отрасли торговли зерном в округе, позволяют сделать определенные выводы по социальной и профессиональной дифференциации «ссыпщиков».

Выявленные данные в обобщенном виде представлены в таблице ниже (Таблица № 2). Она также составлена по географическому признаку.

Таблица № 2

н/п	Торговцы зерном
Абаево	Емкужев Б. Хутов Х. Шекихачев И. Шерегов М.
Аргудан	Дудаев и.Ш.
Астемирово	Гидов А.У. Ирюгов Х.К. Карашаевы С. и Х. Кудаев С.
Ахлово	Барагунов И. Фашмухов Д.
Боташево	Кудалиев А. Кудалиев И. Кудашев А. Кудашев И.
Бороково	Абаноков Х.
Булатово	Кодзоков Б. Кодзоков К.
В.-Аул	Шакманов К.
Докшокова	Пшуков Х.
Кайсын-Анзорovo	Габачиев А.А. Георгиев Х. Кабалоев М.Г.
Котляревская	Гучинов Б.У. Шукаев С.О.
Куденетово	Псанокон Т. Шаваев А.-Х. М.

Лафишево	Катханов Г.
Лескенское	Совкуев Х.
Мисостово	Кумахов М.
Муртазово	Тажев К.Б. Тлеужев Г.
Н.-Клишбиево	Аджигериев К. Пшибиев Х. Шурухов И.
Н.-Кожоково	Балкаров Б.
Ново -Николаевское	Гадзаов Г.Г.
Хату-Анзорovo	Ошноков М

Как становится ясно из приведенной таблицы, география дислокации торговцев зерном оказалась значительно шире, по сравнению с результатами, полученными нами на основе изучения данных периодической печати. Наличие предпринимателей – «ссыпщиков» установлено в 20 населенных пунктах Нальчикского округа. Как видно из документов, выдачи оружия в разное время добывалось 39 торговцев зерном. Нельзя не отметить ощутимые социально-имущественные и профессиональные различия «ссыпщиков». Для подавляющего числа выявленных нами предпринимателей «торговля зерновым хлебом» является основным занятием, а скорее сопутствующим. сопутствующая торговля. В качестве основного скупку и перепродажу хлеба указали всего 8 торговцев, из которых 2 специализировались исключительно на кукурузе, как например, житель сел. Муртазово Герандока Тлеужев, который в 1906–1907 гг. занимался «покупкой и продажей зернового хлеба, имел «свой амбар» на железнодорожной станции Муртазово». [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 2. Л. 74 об.]. Его одно селец Канита Биццевич Тажев, 27 лет, в 1909 г. «имел на станции Муртазово хлебную торговлю с находящимся там амбаром вместимостью до 100 вагонов зерна» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 2. Л. 123–123 об.]. Наличие промышленных зернохранилищ, сушек зерна и прочей инфраструктуры, владельцами которых, судя по документам, являлись Тлеужев Г., Тажев К. и другие члены этой группы, можно сделать заключение, что именно они выступали в качестве основных экспортеров хлеба из Края.

Концентрация большого числа промышленных хранилищ зерна со временем становится отличительной чертой железнодорожных станций округа. Появились значительного размера хранилища товарного зерна, а также зерносушилки в ст. Прохладная, Солдатская, Котляревская, Муртазова [Мамбетов 1961: 117]. По описанию Христиановича В.П., подъезжая к станции Муртазово, путешественник сразу обращает внимание на необычно длинные ряды огромных пакгаузов. Одни только склады бывших частных ссыпщиков вмещают в себя 189 тыс. пудов. Склады эти наполнялись преимущественно зерном, собиравшимся в южной части Малой Кабарды. Северная часть питала своим зерном Моздок, Прохладную, Котляревскую [Христианович 1929: 284].

Несколько больше торговцев, совмещали занятие ссыпкой зерна с традиционной для региона торговлей скотом. Таких удалось выявить 11 человек, причем из них 6 являлись крупными землевладельцами и имели собственное фермерское хозяйство. Таубий Келемет Шакманов, проживавший в Вольном Ауле, помимо торговли скотом вполне удачно занимался и скупкой зерна [УЦГА АС КБР. Ф. И-6.

Оп. 1. Д. 769. Т. 1. Л. 96]. Уздень Хажумар Шурухов, «сын поручика» – как он отрекомендовался в прошении, землевладелец из сел. Нижне Клишбиевское, также занимался торговлей скотом и скупкой хлеба, кроме того, являлся владельцем собственной мелочной лавки в селении [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 1. Л. 113–114]. Исуф Кудалиев из сел. Боташево в 1910 г. занимался торговлей мануфактурно-бакалейным товаром, имел 350 десятин, собственный амбар для ссыпки зерна на ст. Муртазово [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 1. Л. 107–107об.]. Сельский казначей сел. Куденетово Андул-Хаба Хаджи Муссаевич Шаваев имея «огромное хозяйство», также вел активную скупку зерна у местных жителей [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 2. Л. 9].

Самая большая по численности группа установленных нами «ссыпщиков» – 20 человек, совмещала эту практику с лавочной торговлей. Пятеро имели собственные лавки, остальные занимались развозной торговлей «красным товаром». Совкуев Х., из сел. Лескенское в 1901 г. являлся владельцем «собственной мануфактурно-бакалейной лавки», и занимался ссыпкой хлеба на ст. Котляревской. Имел промысловое свидетельство 2 разряда [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 1. Л. 71; 109 об.]. Хазеша Каспотович Ирюгов из сел. Астемирово также совмещал занятие торговлей со скупкой кукурузы [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 765. Л. 54]. Батоко Умарович Гучинов из сел. Шалушка в 1910 г. осуществлял торговлю мануфактурным и мелочным товаром, имел бакалейно-мануфактурную лавку, промысловое свидетельство II разряда на торговлю, полученное им из Нальчикского слободского правления. Вел ссыпку кукурузы на станции Котляревской [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 2. Л. 93; 96 об.]. По-видимому, эта часть «ссыпщиков» являлась первичным звеном заготовителей, перепродававших заготовленный хлеб дальше крупным коммерсантам, располагавшим свои конторы на железнодорожных станциях. Заготовленное «ссыпщиками» зерно отправлялось дальше в Ростов и другие города Российской империи. Описывая род своих занятий Батырбек Балкаров из сел. Н.-Кожоковское указывал в 1909 г., что занимается торговлей и «скупкой кукурузы и прочих хлебов для отправки в большие города империи» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 3. Л. 110–112]. Некоторые, как Кайсин Кодзоков из сел. Булатово, сообщавшего в 1915 г. в своих документах, что «сдавал зерно Интенданту» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 3. Л. 113–114], реализовывали его на месте, т.е. сдавали крупным экспортерам на станциях.

Можно сделать вывод, что уже в первом десятилетии XX в. в Нальчикском округе складывается разветвленная торговая сеть, специализирующаяся на заготовке и перепродаже зерна. Она состояла из низовых заготовителей и крупных экспортеров, имевших в своем арсенале развитую промышленную инфраструктуру, состоящую из пунктов первичного приема «ссыпок», промышленных сушек и складов-зернохранилищ. Один только «амбар» Тажева К.Б. на ст. Муртазово имел вместимость до 100 вагонов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 2. Л. 123–123об.].

Как видно из приведенного выше материала, «ссыпная торговля зерном» в начале XX в. оставалась одним из популярных в среде местных предпринимателей видов коммерции. В нее были вовлечены представители самых разных слоев населения. Применительно к Нальчикскому округу, большинство «ссыпщиков» составляли зажиточные крестьяне. В основном, ссыпка являлась сопутствующим видом предпринимательства, возможно это объясняется ее сезонным характером, потому многие «ссыпщики» имели возможность в остальное время года заниматься иной коммерцией – лавочной и развозной торговлей и проч. Вместе с тем, из общей среды выделилась небольшая группа, сделавшая «ссыпку» основным родом деятельности. Они обзавелись собственными ссыпными конторами, складами и хранилищами зерна. Их предприятия приобретают промышленные масштабы.

В ходе исследования нам не удалось подтвердить данные Терской периодической печати о засилии в этой отрасли «пришлых» элементов. Как видно из документов, в Нальчикском округе в этой отрасли рыночных отношений преобладали местные предприниматели, что является особенностью округа. В обоих случаях нам не удалось выявить достоверных свидетельств о наличии «ссыпщиков» в административном центре округа слободе Нальчик.

Список источников

Вся Донская область... – Вся Донская область и Северный Кавказ: Учреждения и должностные лица. Промышленные и торговые предприятия. Ростов-на-Дону. Вып.: 1901; 1902; 1903; 1904; 1905; 1908; 1909; 1910; 1911; 1912.

Крикунов 1953 – *Крикунов В.П.* К истории социально-экономического развития Кабарды в период Мировой империалистической войны // Ученые записки КБНИИ. Т. VIII. Кабардинское книжное издательство. Нальчик, 1953. С. 19–49.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 419 с.

Максимов 1892 – *Максимов Е.* Кабардинцы. Терский сборник. Вып II. Кн. 2. Владикавказ, 1892. 183 с.

Мамбетов 1961 – *Мамбетов Г.Х.* К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX веков // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. IX. Нальчик: Эльбрус, 1961. С. 110–148. Терские ведомости. 1884. № 53.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

Христианович 1929 – *Христианович В.П.* Сельско-хозяйственные районы Кабарды. Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. Т. III. Воронеж. 1929 // Сельское хозяйство и промыслы Кабарды. С. 107–318.

References

Vsya Donskaya oblast' i Severnyi Kavkaz: Uchrezhdeniya i dolzhnostnye litsa. Promyshlennye i torgovye predpriyatiya [The entire Don region and the North Caucasus: Institutions and officials. Industrial and commercial enterprises]. Rostov-na-Donu. Iss.: 1901; 1902; 1903; 1904; 1905; 1908; 1909; 1910; 1911; 1912. (In Russian)

Krikunov V.P. *K istorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kabardy v period Mirovoi imperialisticheskoi voiny* [Toward the History of Socio-Economic Development of Kabarda during the World Imperialist War]. IN: Uchenye zapiski KBNII. T. VIII. Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Nal'chik. 1953. P. 19–49. (In Russian)

Kumykov T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the XIX century]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 419 p. (In Russian)

Maksimov E. Kabardintsy [Kabardinians]. IN: Terskii sbornik. Vyp II. Kn. 2. Vladikavkaz, 1892. 183 p. (In Russian)

Mambetov G.X. *K voprosu o proniknovenii kapitalisticheskikh otnoshenii v ekonomiku Kabardy i Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov* [On the penetration of capitalist relations in the economy of Kabarda and Balkaria in the second half of the XIX – early XX centuries] IN: Sbornik statei po istorii Kabardino-Balkarii. Vyp. IX. Nal'chik: El'brus, 1961. P. 110–148. (In Russian)

Terskie vedomosti. 1884. № 53. (In Russian)

УЦГА АС КБР – Управление Тсентрал'ного Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Христианович В.П. *Sel'sko-Khozyaistvennye raiony Kabardy. Trudy po estestvenno-istoricheskomu i ekonomicheskomu obsledovaniyu Kabardy* [Rural-economic regions of Kabarda. Works on natural-historical and economic survey of Kabarda]. Т. III. Voronezh. 1929. IN: Sel'skoe khozyaistvo i promysly Kabardy. P. 107–318. (In Russian)

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Ancient History and Archeology.

Статья поступила в редакцию 12.06.2023; одобрена после рецензирования 25.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 12.06.2023; approved after reviewing 25.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-27-35

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1950-х гг.

Зарема Мухамедовна Кешева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, kesheva10@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9296-9967>

© З.М. Кешева, 2023

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные развитием музыкальной культуры народов КБР во второй половине 1940–1950-х гг. В сложный послевоенный период партия продолжала использовать культуру как пропагандистский рычаг, о чем свидетельствовали постановления ЦК КПСС 1946–1948 гг., в частности, Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели от 10 февраля 1948 г. Однако выступление Хрущева на XX съезде КПСС и последовавшее за ним Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. стали толчком к началу периода «оттепели», выразившейся в либерализации общественной жизни и позитивно сказались на развитии культуры национальных республик. Положительным фактором явилась реабилитация ряда народов, в том числе и балкарцев, пополнивших художественные коллективы и внесших вклад в развитие национального искусства. Значительную роль в развитии профессиональной музыкальной культуры народов КБР сыграли российские специалисты, создавшие целый ряд произведений с использованием национальных мелодий. Важным фактором указанного периода явилось открытие кабардинской оперной студии при Ленинградской консерватории, выпустившей первых в республике национальных специалистов с высшим образованием в области культуры. Сделан вывод о том, что музыкальная культура народов КБР указанного периода достигла высоких результатов, особенно в области профессионального искусства, о чем свидетельствует создание первой национальной оперы.

Ключевые слова: музыкальная культура, Кабардино-Балкария, советская культура, народы КБР, композиторы, оперная студия.

Для цитирования: Кешева З.М. Музыкальная культура Кабардино-Балкарии во второй половине 1940-х – 1950-х гг. // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 27–35. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-27-35

Original article

FORMATION AND DEVELOPMENT OF MUSICAL CULTURE OF THE PEOPLES OF KABARDINO-BALKARIA IN THE 1920-1930-s.

Zarema M. Kesheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, kesheva10@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9296-9967>

© Z.M. Kesheva, 2023

Abstract. The article examines the issues related to the development of the musical culture of the peoples of the CBD in the second half of the 1940s–1950s. In the difficult post-war period, the party continued to use culture as a propaganda lever, as evidenced by the resolutions of the CPSU Central Committee of 1946–1948, in particular, the Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b) on the opera “The Great Friendship” by V. Muradeli dated February 10, 1948. However, Khrushchev’s speech at the XX Congress of the CPSU and the subsequent Resolution of the CPSU Central Committee “On overcoming the cult of personality and its consequences” dated June 30, 1956. They became the impetus for the beginning of the “thaw” period, which was expressed in the liberalization of public life and had a positive impact on the development of the culture of national republics. A positive factor was the rehabilitation of a number of peoples, including Balkars, who joined art collectives and contributed to the development of national art. A significant role in the development of the professional musical culture of the peoples of the KBR was played by Russian specialists who created a number of works using national melodies. An important factor of this period was the opening of the Kabardian Opera Studio at the Leningrad Conservatory, which produced the first national specialists in the republic with higher education in the field of culture. It is concluded that the musical culture of the peoples of the CBD of this period achieved high results, especially in the field of professional art, as evidenced by the creation of the first national opera.

Keywords: musical culture, Kabardino-Balkaria, Soviet culture, the peoples of the KBR, composers, opera studio.

For citation: Kesheva Z.M. Formation and development of musical culture of the peoples of Kabardino-Balkaria in the 1920–1930-s. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 27–35. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-27-35

Период 1940–1950-х гг. был сложным для народов СССР. Великая Отечественная война и тяжелый восстановительный период оказали влияние на развитие всех областей культуры и, в частности, музыкальной. Однако послевоенное десятилетие было отмечено подъемом творческой активности талантливых композиторов многонациональной страны, общим поступательным движением советской музыки. Именно в это десятилетие были созданы Шестая и Седьмая симфонии, оратория «На страже мире» С. Прокофьева; Девятая и Десятая симфонии, Первый скрипичный концерт, оратория «Песнь о лесах» Д. Шостаковича; И. Мясковский выступил с тремя последними симфониями; А. Хачатурян написал балет «Спартак» и т.д. Между тем культура, являясь идейным рупором и средством пропаганды, не избежала политического влияния. Хотя после победоносной войны, которая привнесла некоторый фронтовой демократизм и свободу, ожидалось, что произошла трансформация взглядов лидера страны, и «железный занавес», приоткрытый перед лицом угрозы общемирового масштаба, больше не опустится. Однако кампанию по борьбе с формализмом сменила кампания по борьбе с «космополитизмом и низкопоклонством перед западом». Эти процессы не могли не отразиться на развитии советской музыкальной культуры.

Проблемы государственного контроля над советской музыкальной культурой отражены в ряде исследований. В статье К. Юдина анализируются некоторые аспекты культурной политики СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Исследуется одна из ведущих идеологических кампаний по борьбе с «формализмом» в советской музыке, которая рассматривается как «репрезентативная иллюстрация усиленного применения контрольно-репрессивных и административно-регулятивных технологий «позднего сталинизма» [Юдин]. Прослеживается ход кампании на основе воспроизведения информационно-политической, аппаратной подготовки, осуществляется внутренняя периодизация и корреляция с другими аналогичными акциями того времени. В статье Н. Чепниан «Музыкальная культура Адыгеи 1920–1950-х годов в контексте основных парадигм культурной революции» рассматривается процесс становления и развития музыкальной культуры в Адыгее в период 1920–1950-х гг. Анализируется один из важнейших его векторов – художественная самодеятельность. Отмечается, что именно она явилась основой

и питательной средой для формирования профессионального музыкального искусства в регионе. В процессе анализа и с помощью сравнительно-исторического метода установлено, каким образом существовавшие в советскую эпоху единые для всех народов идеологические установки государственной культурной политики влияли на формирование и развитие музыкального искусства [Чепниан].

Подробно развитие музыкальной культуры народов КБР исследовал Хавпачев Х.Х. в монографии «Профессиональная музыка Кабардино-Балкарии» [Хавпачев]. Он отмечает: «В зарождении и развитии профессиональной музыки народов Кабардино-Балкарии выдающуюся роль сыграли деятели русской музыки, которые уже с начала XIX века использовали в своем творчестве мелодическое богатство и разнообразный ритмический строй народной музыки кабардинцев и балкарцев. Необычно богато звучание народных инструментов, великолепны красочные танцы, замечательно многообразие народных песен, начиная с песен из нартского эпоса. Все это, вместе взятое – целый музыкальный мир» [Хавпачев 1999: 11]. В работе Х.И. Хутуева «Становление и развитие социалистической культуры Кабардино-Балкарии» [Хутуев] есть раздел, где исследуется развитие музыкальной культуры народов КБР обозначенного периода. В работах Хутуева и Хавпачева содержится значительный фактологический материал по развитию музыкальной культуры народов КБР периода 1940–1950-х гг.

Неизменной закономерностью развития советской музыки рассматриваемого периода была сложная взаимосвязь национального и интернационального. Жизнь обусловила новые признаки национального стиля в каждой отдельной культуре, содействовала дальнейшему сближению, взаимообогащению их на общесоветской интернациональной основе. 10 февраля 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». Неоправданной критике подверглись Шостакович, Прокофьев, Мурадели, Хачатурян и другие композиторы за то, что в их музыкальных произведениях не было ни единой мелодии, которую мог бы насвистывать простой рабочий. Одновременно провозглашалось, что русская классическая опера – лучшая в мире. В музыке предписывалось черпать вдохновение исключительно из наиболее распространенных народных мелодий [Ратьковский, Ходяков]. Таким образом, тема превосходства всего советского над иностранным являлась приоритетной, а космополитизм и формализм были объявлены двумя сторонами низкопоклонства перед Западом. Повсеместно принимались жесткие меры к тем, кто мог быть заподозрен в аполитичности и непонимании остроты момента. Об этом, например, свидетельствует приказ № 62 по управлению по делам искусств при Совете Министров КАССР от 19 августа 1948 г. В нем отмечается: «В соответствии с историческими решениями ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства и постановлением ЦК ВКП(б) от 10/2–48 г. об опере «Великая дружба» В. Мурадели, Кабардинский ансамбль песни и пляски (главным образом хоровая группа), в процессе своей перестройки и пересмотра репертуара добилась улучшения идейно-художественного качества исполняемого репертуара – так например за первое полугодие разучены 31 произведение из которых 15 являются песнями советских композиторов и 5 кабардинских песен на современные темы.

Однако в целом работу ансамбля песни и пляски нельзя считать удовлетворительной, так как за последнее время в работе ансамбля выявились серьезные недостатки и ошибки, выразившиеся в ... отсутствии плановой учебно-воспитательной работы, идейно-политической подготовки. В результате слабой борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, слабой работы политико-массовой работы, в Ансамбле имела место хулиганские выпады и аполитичное поведение, граничащее с шовинистскими выпадами отдельных артистов» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 7. Л. 162]. Далее следовали оргвыводы: «В целях укрепления художественно-творческой работы ансамбля и очищения его от профнепригодных работников,

а также очищения Ансамбля от нарушителей дисциплины и дезорганизаторов: А. Освободить от занимаемой должности балетмейстера Аталикова А.Г., оставив его на работе в ансамбле в качестве исполнителя... Предупредить артистов хора Соковую и Циндревич о недопустимом недобросовестном отношении к изучению национального репертуара» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 7. Л. 163].

Начавшийся после смерти Сталина и разоблачения его культа личности на XX съезде КПСС период «оттепели», ознаменовал начало нового периода в истории страны. Существенное, пусть и временное ослабление тоталитарного контроля государства, общая относительная демократизация способов управления культурой в значительной степени оживили творческий процесс.

Музыкальная жизнь в Кабардино-Балкарии, как и в других автономных республиках Северного Кавказа развивалась во второй половине 1940–1950-х гг. поступательно, не избегая общесоюзных тенденций. В послевоенный период начинается новый этап в развитии профессиональной музыкальной культуры народов республики. Он был связан с открытием Кабардинской оперной студии в старейшем высшем музыкальном учебном заведении страны – ордена Ленина Ленинградской государственной консерватории имени Римского-Корсакова. В общей сложности в 1946–1956 гг. в кабардинской оперной студии при Ленинградской консерватории обучались 38 студентов, заложивших фундамент кабардино-балкарской профессиональной музыки.

В 1952 г. состоялся первый выпуск студии. По окончании студии выпускниками были получены следующие специальности: Хавпачев Х. (оперный режиссер), Эркенов Л. (оперный режиссер), Бленаова Б. (дирижер хора), Карданов Х. (композитор), Хасанов М. (преподаватель теории музыки), Керевов Х. (тенор, солист радио), Сокурова В. (сопрано), Секреков Х. (музыкальный редактор радио), Куашева В. (сопрано), Шериева И. (сопрано), Кокова М. (меццо-сопрано), Нефляшев Н. (дирижер симфонического оркестра), М. Балов (композитор) и другие [Хавпачев 1999: 45].

Одним из самых талантливых профессиональных композиторов, стоявших у истоков профессиональной музыкальной культуры республики был М.Ф. Балов (1923–1984). Он явился автором более трехсот музыкальных произведений – от песен до опер и симфоний. В 1946 г. в составе Кабардинской оперной студии он начал обучение по классу композиции в Ленинградской консерватории. В 1946–1947 гг. М. Балов написал ряд песен для вокалистов студии – «Колыбельную», «Песню комбайнера», «Весна», «Иду к тебе», «Скажите имя этой девушки», а также марш для духового оркестра. В 1949 г. М. Балов был арестован как находившийся в плену и несколько лет проработал на шахтах Караганды. После смерти Сталина он смог закончить обучение в консерватории и вернулся на родину, где активно начал реализовывать себя в песенном жанре. Во второй половине 1950-х гг. совместно с Х. Кардановым М. Балов написал первую национальную оперу «Мадина» по мотивам поэмы А. Шогенцукова [Хавпачев 1999: 116].

В конце 1950-х гг. М. Балов заявил о себе как композитор, который может работать во всех музыкальных жанрах. Им были написаны увертюры для симфонического оркестра, музыка для театральных постановок, камерные сочинения. В 1959 г. прозвучала его симфоническая сюита «Кызбурун» на основе музыки к одноименной пьесе З. Аксирова, посвященной борьбе кабардинского народа против нашествия крымских татар в XVII в. Сюита состоит из трех частей: марш, песня и заключительный танец «Исламей». Через все части проходит лейтмотив, интонационно родственными народно-героическим песням Кабарды. В последующие годы М. Балов выступил со второй сюитой – «Канамат и Касбулат», симфонической картиной «На Аргуданских полях» и циклом симфонических танцев на темы народов Северного Кавказа.

Следует отметить, что в рассматриваемый период наблюдался естественный процесс саморазвития национального искусства, изменявшегося благодаря широким и плодотворным контактам с музыкальными течениями современности. Без этих неизбежных изменений, обусловленных общей тенденцией интернационального взаимообмена культур, музыка любого народа остановилась бы в своем развитии, законсервировалась бы в привычных стандартизированных формах [История музыки народов СССР 1956–1967: 22].

Композитор Х.Я. Карданов всю войну прошел в составе действующей армии, а в 1947 г. стал студентом Кабардинской оперной студии по классу вокала и композиции. В 1954 г. Карданов вернулся в Нальчик и начал активно работать в песенном жанре, где в полной мере проявил свой талант. Композитор использовал в своих песнях ритмы кабардинских национальных танцевальных мелодий. Знаменитая песня «Белая голубка» на стихи А. Кешокова считалась лучшим произведением, созданным в песенном жанре в 1950-е гг. Этномузыковед Л. Кумехова отмечает, что практически все профессиональные композиторы пробовали себя в жанре популярной песни. В исполнении профессиональных певцов их сочинения остались образцами национальной классики. М. Балов и Х. Карданов были замечательными мелодистами и мастерами лирической песни, представляющей собой своеобразный сплав элементов национальной и советской массовой песни [Кумехова 2004: 103].

В 1951 г. в Кабардинской АССР республике работал композитор Н.И. Пейко, сочинивший праздничную увертюру для симфонического оркестра на две кабардинские темы. Эта увертюра часто звучала на концертной эстраде. В течение 1954–1955 гг. Г.П. Фельдман написал Кабардинскую увертюру для симфонического оркестра, симфонические сюиты и «Кафу».

В середине 1950-х гг. над созданием симфонических произведений на кабардинские темы работал А.В. Мосолов. Ему принадлежали три симфонических танца, в которых были использованы танцевальные мелодии гармонистки Блицы Ивановой и симфоническая Сюита «Сказ о нартах» на материале древнего героического эпоса.

Ряд хоровых песен и инструментальных произведений написали в 1951–1955 гг. А.Ф. Титов и Д.А. Прицкер. Заслуживают упоминания фортепианные сюиты и вариации на кабардинские темы Д. Прицкера, лирические песни Э.М. Диментман на слова А.Кешокова и Ф. Балкаровой.

Среди композиторов, которых с уверенностью можно назвать национальными композиторами Кабардино-Балкарии, хотя они и не являлись представителями коренных национальностей, но внесли весомый вклад в развитие профессиональной музыкальной культуры республики, были композиторы Н.С. Османов, Т.К. Шейблер и А.Г. Шахгалдян. Они длительное время проживали в республике, и источником их творчества стала национальная музыкальная культура.

После возвращения в Нальчик из ссылки в 1947 г. Т.К. Шейблер написал сюиту «Хазраил» в 3-х частях, посвященную бывшему ученику музыкальной школы Хазраилу Алцагирову, погибшему во время Великой Отечественной войны. В 1949 г. композитор работал над камерными произведениями на народные темы. В Скрипичной сюите «Кабардинские мелодии», состоящей из шести частей («Джегуаклуэ», «Девичий танец», «Частушка», «Адиюх», «Удж», «Молодежная кафа») и фортепианной сюите в четырех частях («Заздравная», «Удж», «Героическая песня», «Свадебная песня») композитор активно использовал характерные ладо-гармонические и метро-ритмические особенности кабардинской музыки [УЦГА АС КБР. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 215. Л. 12].

Одно из лучших произведений крупной формы «Кабардинская рапсодия» для фортепиано и симфонического оркестра было написано Шейблером в 1951 г. и впервые было исполнено в день 30-летия автономии республики симфоническим оркестром филармонии [Кодзоков 1992: 39].

В 1950-е гг. композитор создал ряд вокальных сочинений, включавших обработки народных песен. Это песенно-хореографическая сюита «Праздник урожая» на стихи Б. Куашева, обработка для хора кабардинской народной песни «Псы-хэгъ» («Плач над водой»), обработка для солиста-вокалиста народной песни «Накулен». Песни «Таужан», «Песня горской девушки», «Приезжайте в гости» (слова А. Кешокова), «Призывники» (слова Б. Куашева), «Колыбельная» (слова А. Шوماхова) завоевали признание и популярность у слушателей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 112. Л. 5].

В 1952 г. Т.К. Шейблер написал 24 музыкальных номера к спектаклю «Даханаго» драматурга З. Аксирова, в 1956–1957-х гг. доработал музыку к спектаклю и новая постановка «Даханаго» состоялась в Москве во время Декады литературы и искусства Кабардино-Балкарской АССР, получив высокую оценку в центральной прессе.

В 1950-е гг. Т.К. Шейблер работал над созданием крупных форм в национальной симфонической музыке. Им была написана симфоническая картина «Мадина» по мотивам поэмы А. Шогенцукова. В 1956–1957 гг. Т.К. Шейблер написал одноактную оперу-балет «Нарты» на либретто Б. Куашева, состоящую из пятнадцати законченных музыкально-хоровых и музыкально-хореографических сцен. Таким образом, в музыкальной культуре республики зародился новый жанр: опера и балет одновременно.

Опера-балет «Нарты» в исполнении ансамбля песни и пляски «Кабардинка» была показана на сцене Большого театра в Москве 1 июля 1957 г. Постановщик – А. Рудник, балетмейстеры – С. Корень, Х. Дашуев, Г. Гальперин, дирижер – Д. Тюлин [УЦГА АС КБР. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 31. Л. 4].

За большие заслуги в развитии музыкального искусства в 1951 г. Т.К. Шейблеру было присвоено звание заслуженного деятеля искусств республики, а в 1957-м он получил звание «Заслуженный деятель искусства РСФСР».

А.Г. Шахгалдян (1910–1985) – композитор и видный музыкальный деятель Кабардино-Балкарской республики сыграл заметную роль в процессе развития профессиональной музыкальной культуры республики. А.Г. Шахгалдян активно участвовал в создании репертуара ансамбля песни и пляски «Кабардинка», а также Кабардинского и Балкарского хоров. Работая музыкальным редактором на радио, он организовывал выступления на радио народных певцов и музыкантов, впоследствии сделанные им записи старинных песен и наигрышей были записаны на пластинку и вошли в фонотеку республиканского радио. В 1936–1941 и 1948–1958 гг. А.Г. Шахгалдян как главный дирижер возглавлял симфонический оркестр республики. В 1950-е гг. А. Шахгалдяном был написан ряд популярных песен: «Си нэ дахэ» и «Фаризат», «Университетский вальс», «Пусть он знает» (стихи А. Кешокова), «Влюбленный бригадир» (стихи Ф. Балкаровой) [Хавпачев 1999: 214].

Шахгалдян активно работал и в жанре духовой музыки. Его марши для духового оркестра часто исполнялись музыкальными коллективами республики. Он был инициатором ряда масштабных музыкальных мероприятий. Будучи председателем республиканского хорового общества, он постоянно проводил городские и республиканские праздники песен [УЦГА АС КБР. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 2. Л. 7]. За заслуги в развитии музыкальной культуры республики в 1949 г. А.Г. Шахгалдяну было присвоено звание заслуженного деятеля искусств, а в 1967 – народного артиста Кабардино-Балкарской республики.

Активное участие в развитии профессиональной музыкальной культуры Кабардино-Балкарской республики принимал композитор и общественный деятель В.И. Мурадели. В 1950-е гг. им был написан ряд песен на стихи кабардинского поэта Б. Куашева, унисон для ансамбля скрипачей на народные темы. Обработанная В.И. Мурадели народная песня «Кабардинка» заняла прочное место в репертуаре хоровых коллективов, а «Песня кабардинских всадников» и «Песня о мире» стали широко

популярны в народе и часто транслировались в радиозфире. Мурадели являлся музыкальным руководителем показа художественных коллективов КАССР в Москве, приуроченном 400-летию присоединения Кабарды к России в 1957 г.

Весомый вклад в развитие хорового и вокального искусства Кабардино-Балкарии внес хор ансамбля песни и пляски Кабардино-Балкарии «Кабардинка». В июле 1951 г. с целью укрепления учреждений искусств республики художественно-руководящими кадрами, Комитет по делам искусств при Совете Министров РСФСР направил на работу в Кабардинский государственный ансамбль А.Г. Орлова-Шузъм, заменившего на посту художественного руководителя А.М. Покровского. На должность хормейстера была принята Б.Ж. Бленаова, окончившая в 1951 г. Ленинградскую консерваторию по специальности хоровой дирижер [УЦГА АС КБР. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 29. Л. 11]. Б.Ж. Бленаова долгие годы работала с хором ансамбля «Кабардинка» и была первой женщиной-кабардинкой, получившей образование дирижера-хоровика.

В конце октября 1956 г. Мурадели просмотрел программу хоровой группы и провел беседу с руководством ансамбля. Он заявил, что он не удовлетворен состоянием коллектива, что хор еще не укомплектован, женские голоса заглушают мужские голоса, и в данное время нельзя приступать к работе над крупными вокальными произведениями – над ораторией и кантатой. Он рекомендовал довести состав хора: мужчин – до 35–40 человек, а женщин – до 60–65 человек

Этапным событием для творческого развития хора стало участие в праздновании 400-летия присоединения Кабарды к России в Москве в июне 1957 г. Репертуар хора наряду с классическими произведениями, составляли песни, прославляющие современный быт, социалистическое строительство. В период подготовки к празднованию 400-летия присоединения Кабарды к России, художественный руководитель показа композитор В.И. Мурадели, неоднократно выступал с критикой репертуара хора. «Имеем ли мы право, отдавая дань уважения легендарной истории из прошлой жизни кабардинского народа, забывать о настоящей советской Кабарде?! Нам надо сосредоточить все усилия на создании произведений, которые достойно отражали бы трудовые подвиги кабардинского народа, многонационального советского народа! Нам стоит еще более настойчиво работать над созданием новых современных вокальных произведений» [Мидов 1995: 79].

В итоге репертуар хора составили песни «Слава русскому народу» А. Орлова-Шузъм «Песня о Таркане Тамазове», в обработке Т. Шейблера, «Светлый путь» З. Дышекова, «Светлый край» Х. Карданова. «Весна» М. Балова. По тематике песенного репертуара можно сделать вывод о том, какое значение придавалось содержательной части исполняемого материала.

После знакового выступления Хрущева на XX съезде КПСС и принятия постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г., активизировался процесс возвращения на родину балкарского народа, что положительно сказалось на развитии искусства республики. В 1957 г. на базе Кабардинского ансамбля был создан Государственный Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца, пополнившийся балкарскими исполнителями С. Бепшаевым, З. Алтуевой, артистами И. Огурлиевым и В. Чеченовым.

С 20 по 30 июня 1957 г. в Москве состоялись Дни литературы и искусства Кабардино-Балкарской АССР. В них принимало участие 600 артистов, танцоров, певцов, писателей, художников, музыкантов, композиторов. В Днях литературы и искусства приняли участие объединенный драматический театр, ансамбль песни и танца, государственная филармония, писатели, композиторы, художники, самодеятельные коллективы промышленных предприятий и колхозов.

За заслуги в развитии музыкально-хореографического искусства Кабардино-Балкарии Президиум Верховного Совета республики присвоил почетное звание заслуженного деятеля искусств КБАССР поэтам А.П. Кешокову и А.К. Шомахову,

художественному руководителю государственной филармонии А.Г. Шахгалдяну; звание заслуженного артиста КБАССР – хористам М.Х. Мамышевой, М.Х. Панежеву, М.Ф. Шикову. Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР были награждены семь певцов хора.

В столице выступали самодеятельный хор сельской молодежи (под руководством Н. Пахомова, хормейстеры Х. Карданов и М. Кунижев), танцевальный коллектив сельской художественной самодеятельности (руководители А. Никаев и А. Аталиков), ансамбль кабардинских народных инструментов (руководитель С. Ахметов); музыкально-хореографический коллектив горняков Тырнаузского комбината (руководители – заслуженный артист РСФСР, хормейстер Л. Ярьско и балетмейстер Г. Егоров). Композитор В. Мурадели особо отметил выдающееся мастерство самодеятельных коллективов республики – ансамбля горняков Тырнаузского комбината и объединенного коллектива сельской художественной самодеятельности Баксанского, Нагорного, Советского, Чегемского, Эльбрусского районов.

Выдающимся событием в культурной жизни республики явилась декада русского искусства и литературы в 1957 г. В Кабардино-Балкарии выступили мастера русского советского искусства и литературы: артисты МХАТа, Большого и Малого академических театров Союза ССР, Государственный русский народный хор им. Пятницкого, Государственный русский народный оркестр им. Осипова, Государственный академический русский хор. Среди исполнителей были деятели советской культуры, такие, как Э. Гилельс, А. Огневцев, Л. Коган, Н. Казанцева, А. Грибов многие другие. Декада русского искусства литературы в Кабардино-Балкарии, выступления творческих коллективов республики в Москве способствовали развитию музыкальной культуры республики, дали толчок к дальнейшему взаимодействию профессиональных и самодеятельных коллективов республики.

Таким образом, музыкальная культура Кабардино-Балкарии во второй половине 1940-х–1950-х гг. развивалась достаточно активно, не избежав политического влияния. В области профессионального искусства значимым событием явилось открытие Кабардинской оперной студии в Ленинградской консерватории имени Римского-Корсакова, выпускники которой внесли весомый вклад в развитие культуры Кабардино-Балкарии. Появилась плеяда талантливых, высокопрофессиональных композиторов, создавших сотни произведений в самых разных жанрах музыкального искусства. Совершенствовались свою работу Кабардино-Балкарская госфилармония, симфонический оркестр, хор. Осуществляли активную творческую деятельность самодеятельные музыкальные коллективы, народные ансамбли песни и танца, народные певцы и музыканты. Значительную роль сыграли советские специалисты, которые помогали в развитии профессионального музыкального искусства Кабардино-Балкарии.

Список источников

История музыки... 1970 – История музыки народов СССР. М.: Сов. композитор, 1970. Т. V. 381 с.

Кодзоков 1992 – *Кодзоков В.К.* Певцы земли родной. Нальчик: Эльбрус, 1992. 86 с.

Кумехова 2004 – *Кумехова Л.В.* О трех пластах в кабардинской музыкальной культуре // Южно-российский альманах. 2004. № 1. С. 102–105.

Мидов 1995 – *Мидов Х.Х.* Кабардино-Балкарский государственный ансамбль песни и пляски. Нальчик: Эльбрус, 1995. 112 с.

Ратьковский, Худяков – *Ратьковский И.С., Худяков М.В.* История Советской России [Электронный ресурс]. URL: <https://constituthttp://www.bibliotekar.ru/sovetskaya-rossiya/77.htm>

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-517. «Министерство Культуры

Кабардино-Балкарской АССР»; Ф. Р-695. «Кабардино-Балкарский государственный ансамбль танца «Кабардинка»; Ф. Р-787. «Шахгалдян Артем Григорьевич»; Ф. Р-819. «Шейблер Трувор Карлович».

Хавпачев 1999 – *Хавпачев Х.Х.* Профессиональная музыка Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1999. 221 с.

Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры Советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 450 с.

Чепниан 2017 – *Чепниан Н.* Музыкальная культура Адыгеи 1920–1950-х годов в контексте основных парадигм культурной революции // Вестник АГУ. 2017. № 4. С. 204–211.

Юдин 2019 – *Юдин К.* Борьба с «формализмом» в советской музыке (вторая половина 1940 – начало 1950-х гг.) // Россия XXI. 2019. № 5. С. 122–139.

References

Istoriya muzyki narodov SSSR. [History of music of the peoples of the USSR]. М.: Sov. kompozitor, 1970. Т. V. 381 p. (In Russian)

KODZOKOV V.K. *Pevcy zemli rodnoj.* [Singers of the native land]. Nal'chik: El'brus, 1992. 86 p. (In Russian)

KUMEKHOVA L.V. *O trekh plastah v kabardinskoj muzykal'noj kul'ture.* [About three layers in Kabardian musical culture] . IN: YUzhno-rossijskij al'manah. 2004. № 1. P. 102–105. (In Russian)

MIDOV H.H. *Kabardino-Balkarskiy gosudarstvennyy ansambl pesni i plyaski.* [Kabardino-Balkarian State Song and Dance Ensemble]. Nal'chik: Elbrus, 1995. 112 p. (In Russian)

RAT'KOVSKIJ I.S., HODYAKOV M.V. *Istoriya Sovetskoj Rossii* [History of Soviet Russia]. [Elektronnyj resurs]. URL. <https://constitut> <http://www.bibliotekar.ru/sovetskaya-rossiya/77.htm> (In Russian)

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki (UCGA AS KBR). [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. R-517. «Ministerstvo Kul'tury Kabardino-Balkarskoj ASSR»; F. R-695. «Kabardino-Balkarskiy gosudarstvennyj ansambl' tanca «Kabardinka»; F. R-787. «SHahgaldyan Artem Grigor'evich»; F. R-819. «Shejbler Truvor Karlovich». (In Russian)

HAVPACHEV H.H. *Professionalnaya muzyka Kabardino-Balkarii.* [Professional music of Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: Elbrus, 1999. 221 p. (In Russian)

HUTUEV H.I. *Stanovlenie i razvitie socialisticheskoj kultury Sovetskoj Kabardino-Balkarii.* [Formation and development of the socialist culture of Soviet Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: Elbrus, 1984. 450 p. (In Russian)

CHEPNIYAN N. *Muzykal'naya kul'tura Aдыgei 1920–1950-h godov v kontekste osnovnykh paradigmy kul'turnoj revolyucii.* [The Musical culture of Adygea of the 1920s–1950s in the context of the main Paradigms of the Cultural Revolution]. IN: Vestnik AGU. 2017. № 4. P. 204–211. (In Russian)

YUDIN K. *Bor'ba s «formalizmom» v sovetskoj muzyke (vtoraya polovina 1940 – nachalo 1950-h gg.).* [The struggle against “formalism” in Soviet music (the second half of the 1940s – early 1950s)]. IN: Rossiya XXI. 2019. № 5. P. 122–139. (In Russian)

Информация об авторе

З.М. Кешева – кандидат исторических наук, зав. сектором новейшей истории

Information about the author

Z.M. Kesheva – Candidate of Science (History), Head of the Department of modern history.

Статья поступила в редакцию 11.06.2023; одобрена после рецензирования 23.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 11.06.2023; approved after reviewing 23.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-36-45

XXI ЛЭШЦЫГЪУЭМ И ПЭМ КЪЫДЭКИА АДЫГЭБЗЭ (КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭ) ПСАЛЪАЛЬЭХЭР (2000–2015 ГЪГЪ.)

I Гыхъэ

АфIэунэ Анджелэ Анэтолэ инху

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрым» и филиал, Къэбэрдей-Балъкъэр республикэ, Налшык къалэ, Урысей, martazei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7560-6985>

© АфIэунэ А.А., 2023

Аннотаци. XXI-нэ лIэшыгъуэм и еIуанэ Iыхъэм къыдэкиа адыгэбзэ псалъальэхэр шызэпкърыхыныр статьям и мыхъэнэ нэхъышхъэу хуоувыр. Материалыр зэрыным кыхэкIкIэ, текстыр тIу ищIыкIащ, мы лэжыгъэм кышчыгъэлыгъуар япэ Iыхъэрщ. Къэхутэныгъэр 2000–2015 гъэхэм и кIуэцIым адыгэбзэр лъабжэ хуэхъуауэ дунейм къытехъа псалъальэ псоми топсэлъыхыыр, я теплър, я ухуэкIэр, зэрызэщхъэщыкIыр, ехъулIэныгъэ, шхъэхуэныгъэ яIэхэр убзыхуауэ, адыгэ бзэщIэныгъэми еджэныгъэми ахэр шхъэпэ зэрахуэхуныр гъэбелджылауэ. Лэжыгъэм хэтщ еджапIэхэм папщIэ къыдэкиа псалъальэхэри, шIэныгъэ унэтIыныгъэ зиIэ къыдэкиагъуэхэри. Къэхутэныгъэм и мурад нэхъышхъэр – кызэщIэкъуауэ псалъальэхэм тетыхынырщ, я къалэныр зэхэгъэкинырщ. Зэпкърыхыныгъэм кызэригъэлыгъуэмкIэ, я унэтIыныгъэкIэ ахэр зэмылIэужыгъуэщ: зы бзэу зэхэтхэр (псалъэгъэнахуэ), бзэ зыбжанэу зэхэгъуавахэр (зэыцзэкI), псалъафэхэр, къэдмыгъэсэбэпыж хъуа, шIыпIэбзэ-псэлъэкIэ псалъэхэр шызэхуэхъэсахэр, пэжырытхэм, этимологием хуэунэтIахэр.

Урысыбзэки адыгэбзэки мы темэм теухуа тхыгъэ хэха зэрышчымыIэм кыхэкIкIэ мыпхуэдэ зэпкърыхыныгъэм япэ дыдэу зешчыгынырщ шIэуэ лэжыгъэм шыхэпльагъуэр. КышчинэмышIауэ тхыгъэм и ехъулIэныгъэ нэхъышхъэхэм ящыщ филологие шIэныгъэхэмкIэ доктор БищIо Борис адыгэбзэм хузэхилъхъа бзэщIэныгъэ фIэшыгъэцIэщIэхэр кызырыгъэсэбэпар.

Статьяр гъэхъзырыным сэбэп хъуащ бзэщIэныгъэ къэхутэныгъэ методхуэ кIэлыпылIыныгъэ, тетыхыныгъэ, зэхэхуныгъэ, зэыгъапщэ-зэпэзыгъэуэв зэпкърыхыныгъэхэр.

Къэхутэныгъэм кърыкIуахэр шыхъэт тохъуэ адыгэбзэр лъабжэ хуэхъуэ къэгъэлыгъуа лIэшыгъуэм къыдагъэкиа псалъальэхэр шIэныгъэ илъэныкъуэкIэ, ухуэкIэкIэ, псалъэ бжыгъэкIэ, я зэкIэлыыхыкIэкIэ нэхъ нэгъэсауэ зэрышчытыр. ГурыIуэгъуэщ, апхуэдэ ехъулIэныгъэр зэбгъэгъуэтын папщIэ, ипэкIэ къыдэкиа псалъальэхэр, зэхуэхъэсауэ шIэIэ картотекэхэр къагъэсэбэпащ, ахэр абыкIэ лъабжээфI хъуащ икIи авторхэм я тхыгъэхэм зыужыныгъээфI ирагъэгъуэтащ. Убзыхуащ статьям кышчыхъа псалъальэхэр лексикографие тхыгъэхэм кыхъуагъэуэв хабзэхэм тегу зэрызыхагъэувар, адыгэ бзэщIэныгъэм зегъэужыным илъэныкъуэкIэ мыхъэнэшхуэ зэриIэр, адыгэбзэм ирипсалъэхэм кышчинэмышIаи, ар зэыгъэщIэну хуейхэм я бзэр нэхъ шэрыуэ, къулей хъуным зэрытелэжъэнур.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, грамматикэ, лексикографие, псалъальэ, гуэшыныгъэ

Цитатэ кьызырэхпхыгур: АфІэунэ А.А. XXI лІэшЦыгъуэм и пэм кьыдэкІа адыгэбзэ (къэбэрдей-шэрджэсыбзэ) псалгальэхэр (2000–2015 гъгъ.) I Ыхьэ // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 36–45. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-36-45

Original article

**ADYGHE (KABARDINO-CIRCASSIAN) DICTIONARIES,
PUBLISHED IN THE FIRST HALF OF THE XXI CENTURY (2000–2015)
I part**

Angela A. Afaunova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, martazei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7560-6985>

© A.A. Afaunova, 2023

Abstract. The main purpose of the article is to analyze the dictionaries of the Kabardian-Circassian language published in the first half of the 21st century. Due to the fact that the material is large, the work is divided into two parts. The first part of the study describes all the dictionaries of the Kabardino-Circassian language published during 2000–2015: highlights their merits, content, structural, typical features; their significance for both scientific and general educational activities is assessed. The task of the work is to collect all the dictionaries of the Kabardino-Circassian language of this period, give a general overview, analyze and determine their meaning. As the analysis shows, they are diverse in direction: monolingual (interpretative), multilingual (translated), phraseological, archaic, dialectal, spelling, etymological.

Since there are no significant works on the topic either in Kabardino-Circassian or in Russian, there is an urgent need for research on this topic, which is the novelty of the presented work. In addition, one of the main innovations is the use of B.Ch. linguistic terms of the Adyghe languages.

To prepare the work, such methods of philological research as observation, description, analysis and comparative method were used.

With the help of the obtained results, the following conclusions can be drawn: the dictionaries published on the basis of the Kabardino-Circassian language in the presented period are the most developed, improved both in scientific orientation, and in construction, and in the number of words. It is clear that in order to obtain such high results, previously published dictionaries, collected card indexes were used, they became a good help and the authors seriously developed the existing material. It is proved that the analyzed books are compiled in accordance with all the requirements for lexicographic publications, that they are of great importance for the development of the Adyghe grammar, thus, in the future, they will provide good assistance for enriching and expanding the vocabulary for both native speakers and students. Kabardino-Circassian language.

Keywords: Kabardino-Circassian language, grammar, lexicography, dictionary, typology

For citation: Afaunova A.A. Adyghe (Kabardino-Circassian) dictionaries, Published in the first half of the XXI century (2000–2015). I part. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 36–45. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-36-45

Научная статья

**АДЫГСКИЕ (КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИЕ) СЛОВАРИ,
ИЗДАНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI ВЕКА (2000–2015 гг.)
I часть**

Анджелла Анатольевна Афаунова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-

Балкарский научный центр Российской академии наук», Кабардино-Балкарская республика, Нальчик, Россия, martazei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7560-6985>

© А.А. Афаунова, 2023

Аннотация. Главная цель статьи – подвергнуть анализу словари кабардино-черкесского языка, изданные в первой половине XXI века. По причине того, что материал большой, работа разделена на две части. В первой части исследования описываются все словари указанного языка, выпущенные в течение 2000–2015 годов: освещаются их достоинства, содержательные, структурные, типовые особенности; оценивается их значимость как для научной, так и для общеобразовательной деятельности. Задача работы – собрать все словари кабардино-черкесского языка данного периода, дать общий обзор, проанализировать и определить их значение. Как показывает анализ, по направленности они разнообразны: одноязычные (толковые), многоязычные (переводные), фразеологические, архаичные, диалектные, орфографические, этимологические.

Так как значительных трудов по теме ни на кабардино-черкесском, ни на русском языках не существует, возникает острая необходимость исследований по данной теме, в чем и заключается новизна представленной работы. Кроме того, одним из главных нововведений является использование разработанных доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч. лингвистических терминов адыгских языков.

Для подготовки работы были использованы такие методы филологических исследований как наблюдение, описание, анализ и сравнительно-сопоставительный метод.

С помощью полученных результатов можно сделать следующие выводы: опубликованные на основе кабардино-черкесского языка словари в представленный период наиболее проработаны, улучшены и по научной направленности, и по построению, и по количеству слов. Понятно, что для получения таких высоких результатов были использованы ранее изданные словари, собранные картотеки, они стали хорошим подспорьем и авторы серьезно развили имеющийся материал. Показано, что проанализированные книги составлены в соответствии со всеми требованиями, предъявляемыми к лексикографическим изданиям и имеют большое значение для развития адыгской грамматики. Они также способствуют обогащению и расширению словарного запаса как носителей языка, так и всех, кто изучает кабардино-черкесский язык.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, грамматика, лексикография, словарь, типологизация

Для цитирования: Афаунова А.А. Адыгские (кабардино-черкесские) словари, изданные в первой половине XXI века (2000–2015 гг.). I часть // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 36–45. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-36-45

XXI лэщыгъуэм адыгэбзэм и жыгэгуэхэр шызэхуэхьэса псалъалъэ куэд дунейм кыгтехьащ. Ахэр бзэщцэныгъэр егъэфцэжлэуэным, абы адэкцэ зиужьыным щхьэпэ хуэхуащ: лексикографие щцэныгъэм куэдкцэ нэхь зиубгъуащ, лэжыгъэхэри нэхь купщцэфцэ хьуащ. Апхуэдэхэщ еджакцэуэхэм хуэунэтцэхэри щцэныгъэ мыхьэнэ зиэ тхыльхэри.

Мы лэщыгъуэм еджапцэхэм папщцэ ягъэхьэзыращ кыдэкцэгуэуэ зыбжанэ. Псалъэм папщцэ, 2001 гъэм **Бэрбэч Б.Ч., Бищцэ Б.Ч., Иутыж Б.Къу.** сымэ зэхагъэуващ «**Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалъалъэ**»-р [Бэрбэч, Бищцэ, Иутыж 2001]. Тхылым щцэныгъэ редактор хуэхуащ филологии щцэныгъэхэмкцэ доктор Бищцэ Борис. Псалъалъэм шызэпкърыхэщ псалъафэу 2300-м щцигъу.

Псалъафэхэр, зэцэщцэпч мыхьу псалъэ зэпхэхэр псалъэкцэр нэхь дахэ, шэрыуэ, щцэшыгъуэ зыщцэ цэмалщ. Ахэр зэхуэхьэсынымкцэ лэжыгъэшхуэ ирагъэкцэуэжлэщ Къардэн Б., Емуз А., Табыхьу Хь. сымэ. Абы нэмышцэ, гуманитар къэхутэныгъэхэмкцэ Къэбэрдей-Балъкъэр институтым и адыгэбзэ къудамэм и лэжыгъуэхэм зэрагъэпэща картотекэ мыщцэуэ шыцэщ. А псор дэцэпыкъуэгъу къахуэхуащ авторхэм тхыльыр шагъэхьэзырым.

Япэрэй кыдэкцэгуэуэхэм къащхьэщызыгъэжцэ нэщэнэ зыбжанэ мыбы дыболъагъу. Япэрауэ, псалъафэ гурыуэгъуэм и гъунапкъэм кърымгубыдэхэр –

псалъэжьхэр, псалъэ зыбжанэу зэхэт фІэщыгьэцІэхэр – хамыгьэхьэну хуцІэкьуащ. ЕтІуанэрауэ, авторхэр яужь итащ еджапІэ программэм ипкь иткІэ яджын хуей тхыгьэхэм узыщрихьэлІэ псалъафэхэр псори кьызэщІаубыдэнэу. Ещанэрауэ, псалъафэхэр зэрытха бзэр еджакІуэ ныбжь псоми папщІэ гурыІуэгьуэу щытыным елэжьащ. ЕплІанэрауэ, адрей псалъафэ псалъалъэ лІэужьыгьуэу щыІэхэм (зэзыдзэкІ псалъалъэхэм) кьащхьэщыкІыу, мыбы адыгэ псалъафэхэм я мыхьэнэр адыгэбзэм и ІэмалхэмкІэ щыгьэнэхуащ, шапхьэхэри адыгэ литературэм кьыхэхаш, н.ж. тхылъыр псалъафэхэмкІэ япэ адыгэ лъэпкь псалъалъэу дунейм кьытехьащ.

Псалъалъэ статьяхэммыпхуэдэухуэкІэяІэщ: езыпсалъафэзанэр; стиль, бзэхабзэ ильэныкьуэкІэ абы иІэ нэщэнэхэр; мыхьэнэр зыгьэнахуэ Іыхьэр; шапхьэхэр. Ахэр тхыпкьыльэкІэ зэкІэлъокІуэ, абы кьыхалыгьтэркьым лэжыгьэцІэ зыхэт псалъафэхэм япэ кьииуэ еигьэ лъабжьэгьусэр – апхуэдэхэр тхыхь зэпэллімэм дэтщ. Псалъафэр зэрызэхэт псалъэхэм я лексикэ лІэужьыгьуэхэр, языныкьуэ псалъафэхэм езы занэм щымыщу, ауэ дэщІыгьуу кьакІуэ нэхь зи хабзэ псалъэхэр тхыхьхэм дагьэуащ.

Псалъафэхэм я нэщэнэу кьыхэгьэщаш жьы хьуахэр, щыпІэбзэ узыщрихьэлІэхэр, стиль ильэныкьуэкІэ зыхыхьэр.

Мыхьэнэбэ псалъафэхэм кьарыкІ мыхьэнэхэм щыщу япэу игьэуащ нэхьыбэрэ кьагьэсэбэпыр, кьыкІэлъыкІуэхэр бжыгьэкІэ зэкІэлъыхьащ. Зэмыхьэнэгьу псалъафэхэм ящыщу зыр ягьэнахуэ, адрейхэр а гьэнэхуам ягьаплъэ.

КьыдэкІыгьуэм, шэчыншэу, бзэщІэныгьэм папщІэ мыхьэнэшхуэ иІэщ, ар кьыкІэлъыкІуэ лексикографии лэжыгьэхэм и щІэгьэкьуэн яхуэхьуащ.

2005 гьэм **Табыхьу Хь.Кь.** игьэхьэзыращ «**Толковый русско-кабардино-черкесский словарь**»-р («Урыс-адыгэ псалъэгьэнахуэ псалъалъэ») [Табухов 2005]. Псалъалъэм ихуащ иджырей урысыбзэм щыщу 5000-м щІигьу псалъэхэр, убгьуауэ бзэм кьыщагьэсэбэп жьыІэгьуэхэр, псалъэ зэпхахэр, псалъафэхэр. Ахэр кьыщыхихым гулыгьтэ нэхь зыхуищІар бзэм папщІэ мыхьэнэшхуэ зиІэ, нэгьуэщІ псалъэхэм дэщІыгьуу псалъэ зэпха, псалъэ зэхэль кьэзыгьэхьуф, псалъэщІ Іэмал нэхьыбэ зиІэхэрщ.

Псалъэхэр урысыбзэ тхыпкьыльэм ипкь иткІэ зэкІэлъыхьащ, урысыбзэ хабзэм тету грамматикэ дамыгьэ хуэкІуэхэр кьахуэхьащ, пычыгьуэ зыбжанэ хьу псалъэхэм текьузэхэр тегьэуащ. Мыхьэнэ зыбжанэ зиІэхэр, ІукІэзэщхьхэр бжыгьэкІэ зэщхьэщыхащ, псалъэм кьэпсэлъыкІэ, тхыкІэ, псалъэщІ, гьэпсыкІэ лІэужьыгьуэ зыбжанэ иІэмэ, ахэр щыубзыхуащ. Псалъащхьалъэм хыхьащ щыІэцІэхэри, пльыфэцІэхэри, лэжыгьэцІэхэри, цІэпапщІэхэри, бжыгьэцІэхэри, кьэхьукІэцІэхэри, псалъэужьхэри, псалъэзэпыщІэхэри, псалъэкІапэхэри.

Гуэльхьэну псалъалъэм хыхьащ урысыбзэм и псалъафэ, зэмыхьэнэгьу, зэпэщыт псалъэхэм я псалъалъэхэр, пэжырыпсалъэ псалъалъэ кІэщІыр, адыгэбзэкІэ зэдзэкІауэ урысыбзэм и фонетикэм, морфологием тепсэлъыхь Іыхьэ кІэщІыр.

2005 гьэм **Урыс Хь.Щ., Зэхьуэхьу Л.Хь.** сымэ я «**Адыгэбзэ пэжырытхэмрэ нагьыщэ гьэувыкІэмрэ я хабзэхэр**» тхылъыр етІуанэу кьыдэкІыжащ, зэгьэзэхуэжыныгьэхэр хэльхьэжауэ [Урыс, Зэхьуэхьу 2005]. Абы хуэзыгьэхьэзырар Гуманитар кьэхутэныгьэхэмкІэ институтым и адыгэбзэ кьудамэм и унафэщІ, филологии щІэныгьэхэмкІэ доктор БищІо Борисщ. Мы тхылъыр япэрейми хуэдэу хуэунэтІащ адыгэбзэ пэжырытхэмрэ нагьыщэ гьэувыкІэмрэ егьэфІэкІуэным.

Хабзэхэм я бжыгьэми, я зэкІэлъыкІуэкІэми зэхьуэкІыныгьэ зыри игьуэтакьым, кьэрал унафэншэу абыхэм уахэлэбэ зэрымыхьунум кьыхэкІкІэ. БищІом нэхьыбэу зэригьэзэхуар мыхэрщ: урыс литературэм кьыхахауэ зэрадзэкІа шапхьэхэр хигьэкІащ; хабзэр кьызэрыІуэта бзэм и стилим хэлэжьыхьащ, нэхь гурыІуэгьуэ, шэрыуэ хьун папщІэ; идеологии бгьэдыхьэкІэ зыгьуэта, тэмэму кьэлэуэта мыхьуа пэжырытхэ хабзэ закьуэтІакьуэхэм я мыхьэнэр нобэрей дунейм кьезэгь ищІащ.

Тхылъым и гуэльхъэн Псалъальэми зихъуэжаш: зи тхыкІэм гугъуехъ гуэрхэр зыхэль псалъэхэр куэдкІэ гъэбгъуаш, псалъальэм хэмътми хъуну япэрей къыдэкІыгъуэм и нэщэнэу шыта, иджы бзэм къимыгъэсэбпыж совет властым, коммунист идеологием епха псалъэхэр хигъэкІаш; Къэбэрдей адыгэхэм ямыщІыхуу шэрджэс адыгэхэм къагъэсэбп псалъэ гупышхуэ хигъэхъаш, абыхэм я къуажэцІэхэр езыхэм я тхэкІэ хабзэм тету къэхъаш. ЕтІуанэ къыдэкІыгъуэм текъузэхэр зытегъувар ар темытмэ тэмэму укызыэмьджэф закъуэтІакъуэрщ. КъэпсэлъыкІитІ, тхыкІитІ зиІэ псалъэхэу литературэбзэм къищтахэр «//» дамыгъэкІэ зы сатырым шызэкІэлъыхъаш.

Пэжырытхэм и параграфхэм шапхъэу къышыхъа псалъэхэм нэмыщІ, псалъальэм хэтщ цІэ унейхэу, цІэ зэдайхэу, псалъэ зэпыщІахэу, н. зэхуэхъэса хъуахэр. Тхылъым къызэщІеубыдэ псори зэхэту псалъэу мин 12-м нэблагъэ. ЦІэхэр цІэиуэ псалъэзешэм итщ, кІэухыр пымыту, лэжыгъэцІэхэр (пэжырытхэм шапхъэу къышыхъахэм нэмыщІ) инфинитив гъэпсыкІэм игъэуващ. Псалъэхэр зыщыщ лъэпкъыгъуэхэр шыгъэбелджылар зыщыщ лъэпкъыгъуэмкІэ абыхэм я тхыкІэр шызэхэкІым дешщ.

2005 гъэм **Тау Хь.Т.** и къарукІэ дунейм къытехъаш «**Адыгэбзэм и диалектхэм, говорхэм я псалъальэ**»-р [Тау 2005]. Мыр адыгэ щІыпІэбзэхэм, псалъэкІэхэм (нэгъуэщІ къэралхэм шыпсэу адыгэхэм я бзэри хыхъэу) къыщагъэсэбп псалъэхэр шызэхуэхъэса япэ дыдэ къыдэкІыгъуэщ. Лэжыгъэм псалъэ бжыгъэу 1400-м нэблагъэ хыхъаш.

Тхылъым хэт жыІэгъуэхэр къыхэхаш ипэкІэ къыдэкІа тхыгъэхэм, адыгэ диаспорэр шыпсэу къэралхэм (Сирием, Йорданием, Търкум, США-м) езы зэхэльхъакІуэм шызэхуихъэса материалхэм, щІыпІэбзэм и тхыдэ, псалъэтх лэжыгъэ шыІэхэм.

Адрей псалъальэхэм хуэдэу, псалъэхэр тхыпкъыльэкІэ зэкІэлъыхъаш. ЖыІэгъуэхэм урысыбзэкІэ псалъэгъэнахуэ етащ икІи литературэбзэм къащыпэхуэ псалъэхэр къахуэхъаш. Апхуэдэ къимыгъуэтмэ, щІыпІэбзэ псалъэм къышигъэлыагъуэ мыхъэнэр игъэнэхуаш. Псалъэхэр къызыхэкІа щІыпІэбзэхэр, псалъэкІэхэр гъэбелджылащ.

2005 гъэм **Абазэ И.А.** Анкара къыштытригъэдзаш «**Търку-адыгэбзэ псалъальэ**»-р [Абазэ 2005]. Мыр търкубзэр адыгэбзэкІэ (къэбэрдейбзэкІэ) зэзыдзэкІ япэ лэжыгъэщ. Хамэ хэгъуэгухэм шыпсэу адыгэхэм я бзэр гъэлышын, бзэр ящымыгъушщэжын, кІуэдыжыпэным хуэгъунэгъу хъуа псалъэхэр бзэм къыхэнэн папщІэщ авторым псалъальэ зэхэгъуэвэным зыщІрипщытар, анэдэльхубзэр зыщІэ щІалэгъуалэр кІуэтэху нэхъ мащІэ зэрыхъум иригузавэу.

Мыбы хыхъаш Търкум ис адыгэхэр зыщымыгъуазэу къэкІыгъэхэм, псэушхъэхэм, хьэпІацІэ-хьэпщхушщхэм я фІэщыгъэ куэд. КъыщинэмыщІауэ, нобэкІэ бзэм шыземыкІуэж, е хамэбзэм шыщу къыхыхъа псалъэхэр, адыгэ фІэхъусхэр, шхыныгъуэхэм я цІэхэр, пшыналъэ Іэмэпсымэхэр, адыгэ къафэхэм я цІэхэр, адыгэ шы лъэпкъ нэхъ цІэрыуэхэр, адыгэ псалъэжхэр, н. къыштыгъэлыгъуаш.

Псалъальэм и ухуэкІэ хъуар мыраш: япэщІыкІэ търкубзэ псалъэр, абы тІуанитІкІэ пэщІахуэ мыхъэнэкІэ пэхуэ адыгэбзэ жыІэгъуэр къэхъаш. Мыхъэнэ зыбжанэ иІэмэ, ахэр хъэрып бжыгъэкІэ зэхэгъэкІаш. Търку псалъэм и лъэбжэгъухэр (псалъэ зэпхахэр, псалъэ зэхэлхэр) нэзым мащІэу ІугъэкІуэтауэ къышчокІуэр, ахэри адыгэбзэ тэрмэшкІэ гъэбелджылащ. Псалъэхэр търку тхыпкъыльэм ипкъ иткІэ зэкІэлъыхъаш. Тхылъым търку псалъэу 22000-рэ, адыгэбзэ псалъэу 35000-рэ хэхуаш.

ПщыхъэщІэ Л.И., Тымыжъ Хь.Т. сымэ я къарукІэ 2006 гъэм гъэхъэзыра хъуаш «**Адыгэбзэм къыхыхъа хъэрып псалъэхэр**» псалъальэр [ПщыхъэщІэ, Тымыжъ 2006]. Абы хыхъаш 400-м нэблагъэ псалъэ бжыгъэ. ЩІэныгъэ редактор хуэхъуаш филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор БищІо Борис.

Мы кьыдэкIыгьгьэр хамэбзэм (урьсыбзэм нэмыщI) кьыхэкIыу адыгьбзэм кьыгьэсэбэп хьуа псалгьэхэр щьзэхуэхьэса япэ псалгьалгьэщ. Авторхэр яужь итащ льэхьэнэ зэхуэмыдэхэм хьэрыпыбзэм кьыхэкIахэм щьщу иджырей адыгьбзэм жьдджеру кьыгьэсэбэп жьIэгьгьуэхэр, диньм, IэщIагьэ щьхьэхуэхэм, щIэныгьгьэ унэтIыныгьгьэхэм, щьIыпIэцIэхэм ехьэлIа фIэщыгьгьэцIэхэр, н.кь. зэгьгьуIуным. Абыхэм гу льыдагьатэ апхуэдэ жьIэгьгьуэхэм адыгь псалгьэ гьэпсыкIэм и хабзэхэр кьаштауэ ди бзэм зэрыщылажьэм.

Мыпхуэдэ псалгьалгьэм льэпкь бзэщIэныгьгьэр хуэныкьуэт, ар икьукIэ щьхьэпэ кьахуэхьунуш тхакIуэ-усакIуэхэми, диньм, щэнхабзэм я лэжьакIуэхэми, тхьдэтххэми, этнографхэми, социологхэми, адыгьбзэм и гуащIэр зыхэзыщIэну хуей дэтхэнэми, льэпкь зэхуэмыдэхэр адыгьхэм кьазэрыдэгьгьуэгурыкIуар яубзыхун папщIэ.

Тхьлбым кьыщхьэщыкIыныгьгьэу иIэщ ар псалгьэгьэнахуэу зэрыщытыр. Псалгьалгьэр иджырей лексикографии лэжьыгьгьэхэм хуагьгьуэв хабзэм тету зэхэлгьхьащ. Псалгьэхэр тхьпкьыльгьэкIэ зэкIэлыгьхьащ, зы псалгьэм мыхьэнэ зыбжанэ иIэмэ, ахэр зэхэгьгьэщхьэхуэлащ. ЖьIэгьгьуэ кьэсыху щIэгьгьэбыдэну гьуазджэ, документ тхьыгьгьэхэм, публицист, дин лэжьыгьгьэхэм щьщ шапхьэхэр кьахуэхьащ. Хьэрыпыбзэм и фIыгьгьэкIэ нэгьгьуэщIыбзэхэм (кьэжэр, тырку, журт, алыдж, н.) кьыхэкIа псалгьэхэу ди бзэм кьыщтахэри гьэбелджылащ. Хьэрыпыбзэм щалэ кьэпсэлгьыкIэр тхьыхьхэм дэту кьэхьащ, урьсыбзэкIэ я мыхьэнэри щIыгьгьуащ.

Тхьлбым ирилэжьэныр кьыбдигьгьэпсынщIэу цIэ-унэцIэхэм, фIэщыгьгьэцIэхэм, псалгьэ гьэкIэщIахэм, тегьэщIапIэ хьуа лэжьыгьгьэхэм я кьэтхэкIхэр кьыхуахьащ.

Апажэ М.Л., КIуэкIуэ Дж.Н. сымэ 2008 гьэм зэхалгьхьа «**Адыгь-урьс псалгьалгьэ**»-р лексикографием хэлгьхьэныгьгьэшхуэ хуэхьуа лэжьыгьгьэщ [Апажэ, КIуэкIуэ 2008]. Ар бзитIу зэхэгьгьуэва псалгьалгьэ лIэужьыгьгьуэхэм щьщщ. ЖьIэгьгьуэ 27000-м нэблагьэ итщ. Шэчыншэу, псалгьалгьэщIэр и ухуэкIэкIи, и зэхэлгьыкIэкIи, кьагьгьэсэбэпа псалгьэхэмкIи нэхь егьгьфIэкIуащ. Псалгьалгьэм и кьалэн хуэхьуар IуэхушIафэ зэхуэмыдэхэм епхауэ литературэбзэм иужьрей ильгьэхэм зыужьыныгьгьэ, зэхьуэкIыныгьгьэ игьгьуэтахэр кьэгьгьэлыгьгьуэнырщ.

Тхьлбым псалгьэхэр адыгьбзэ тхьпкьыльгьэм тету щьзэкIэлыгьхьащ. Псалгьалгьэ статьям мыпхуэдэ зэхэлгьыкIэ игьгьуэтащ: адыгьбзэ жьIэгьгьуэр пэщIэдзэ гьэпсыкIэм итщ, лэжьыгьгьэцIэмэ, ещанэ щьхьэм, закьуэ бжыгьгьэм, ит зэманым игьгьуэващ; псалгьэм зыгьгьэбелджылы тхьэбзэ зэмылIэужьыгьгьуэхэр (псалгьэ льэпкьыгьгьуэ, стиль ильгьэныкьуэкIэ) дэщIыгьгьуш, мыхьэнэр урьсыбзэкIэ гьэнэхуащ.

IуэкIэзэщхь зэхуэхьу псалгьэхэр статья щьхьэхуэу кьэхьащ, рим бжыгьгьэкIэ зэхэгьгьэкIащ. ЩьIэцIэм зыгьгьэбелджылы тхьэбзэ дэщIыгьгьукьым. Терминьм и гьусэу псалгьафэ кьэхьамэ, ткIуанэрэ IуантIэкIэ зэпэщIэхуэу зы статья занэм хохьэр, псалгьафэр IэрытхкIэ кьэщыпащ. Абы мыхьэнэ зыбжанэ щьIэм хьэрып бжыгьгьэкIэ зэщхьэщыгьгьэкIауэ зы статьям кьыщокIуэ, мыхьэнэхэр ткIуанэрэ IуантIэкIэ зэкIэщIах. И закьуэу кьамыгьгьэсэбэп псалгьэхэр, псалгьафэхэм хэтхэр, ткIуанитI нэужьым кьыщахь.

Псалгьалгьэхэр зэраухуэ хабзэмкIэ псалгьэпэ, псалгьалгьэм и гьэпсыкIэ, псалгьэ гьэкIэщIахэм я кьэтхэкIыр, адыгь тхьпкьыльгьэр кьыхуэхьащ. Псалгьалгьэм гуэдзэну дэщIыгьгьуш «Географием ехьэлIа адыгьгьэцIэхэм я псалгьалгьэ кIэщI» КIуэкIуэ Дж.Н. игьгьэхьзырар. А Iыхьэм хьыхьащ Кьэбэрдейм, абы пэгьгьунэгьгьуэ щьIыпIэхэм яIэ иджырей адыгьбзэ фIэщыгьгьэцIэхэр, урьсыбзэ кьэпсэлгьыкIэмрэ щьIыпIэкIэ здэщыIэмрэ гьэбелджылауэ. ЩьIыпIэцIэ псалгьалгьэм фIэщыгьгьэ 400-м нэс хьыхьащ.

КьыщинэмыщIауэ, Апажэ М.Л. адыгь лексикографием и тхьдэр щьзэфIигьгьуэвэж тхьыгьэ и гьусэщ.

Шэрджэс А. и IэдакьэщIэкIыу 2009 гьэм дунейм кьытехьащ «**Яхуэмыфашэу лэныкьуэ едгьэза псалгьэхэр**» тхьлгыр, адыгь псалгьэгьэнахуэм щьIыгьгьуыкьхьэу кьылгьытэ материалыр иту [Шэрджэс 2009].

Псалъалгър зытеухуар адыгэбзэм и кьулеиггэхэр хьумэн зэрыхуейрщ. Абы хыхьащ бзэм хэкуэдэдыкыжыпа, е кьуэдэдыжыным нэса псалъэу 2000-м нэблаггэ. Абыхэм яхэтщ зы псалъалгыи зэи имыхуа, е зи мыхьэнэр тэмэму ямыггэбелджылыфа жыггэгуэхэр. Цыхум, Гэщым я Гэпкьльэпкь пкыггэгуэхэм я цгэхэр; цгэ зиГэ узыфэхэр; гьущгхэкгхэр; мывэхэкгхэр; Гэщхэр, шыхэр я ныбжыкгэ зэрызыхаггэкгхэр; Гэпслгэпсхэм я цгэхэр; гьукгэ, пхьащгэ, фащгэ Гэмэпсымэхэм зэреджэхэр, н. щхьэхуэу кьэхьащ. Ахэр псалъэ 1000-м щгегу.

А псом кыыхэкгы, тхылгыр икьукгэ кьахуэщхьэпэнущ ди блэкап кьэзыхутэж тхыдэтххэми, этнологхэми, бзэрылажгэхэми, кьызэрыгуэкгэ цыгхуэхэми.

Псалъалгэ хабзэм тегу псалъэхэр тхыпкыльгэкгэ зэкгэлгыхьащ. Жыггэгуэм адыгэбзэкгэ гурыгуэныггэ етащ икги урысыбзэкгэ зэдзэкащ. Кьызыхэкап щыггэбзэмэ, е макгыщгэм, псалъэзэпыщгэм, н. щыщмэ, абыхэм хуэкуэу тхьэбзэхэмкгэ ггэбелджылащ.

Япгэрей ззыдзэкгэ кьыдэкгыггэгуэхэм яга щыщгэныггэ псори кьалгытгэри **Бищгэ Б.Ч., Кьумыкьу Д.М., Тьымыжь Хь.Т.** сымэ зэхаггэуващ «**Еджапгэхэм папщгэ урыс-адыгэ псалъалгэ**» («**Учебный русско-кабардино-черкесский словарь**») [Бижоев, Кумыкова, Тимижев 2013]. Мыбы адрей псалъалгэхэм кьащхьэщызыггэкгэ нэщэнэ зыбжанэ игэщ: япгэрауэ, псалъэу куэдкгэ нэхьыбэ кьызэщгэубыдэ; еггуангэрауэ, псалъэхэр нэхь тэмэму зэдзэка хьуащ; ещангэрауэ, урыс псалъэ псоми, ахэр адыгэбзэкгэ зэрызэдзэкал нэмыщгэ, грамматикэ ильгэныкьуэкгэ я нэщэнэ зэмылгэужыггэгуэхэр яггэнгэгуащ. Апхуэдэуи жыггэпхьэщ, мы тхылгытм и авторхэм адыгэбзэм кьыпэхьу зимыгэ урыс псалъэхэмрэ псалъафэхэмрэ Гэщгыб зэрамыщгэп. Щапхьэу кьэтхьынщи, *винегрет, борщ, лапта, косоворотка, балалайка, бить баклуши, из мухи слона делать*, нэггэуэщгэхэри, псалъалгэм хаггэхьащ, абыхэм я мыхьэнэр адыгэбзэм и Гэмалхэмкгэ убзыхуауэ. Кьыпэхьу зимыгэ занэхэм я зэдзэкгыкгэ Гэмалхэр теорие и лгэныкьуэкгэ щызэпкьрыхаш авторхэм я тхыггэ зыбжанэм [Кумыкова 2010; Кумыкова, Дзуганова 2015; Кумыкова 2017].

Мы псалъалгэм итщ псалъэ статьяуэ мин 24-м нэс. Курыт еджапгэм кьышаггэсэбэп псалъалгэхэр я инаггэ, хьэлыгаггэкгэ мардэ гуэрхэм фгэбггэкгэ зэрымыхьум кыыхэкгкгэ, псалъэхэр зэдзэкгыным гуэхур нэхь теухуауэ, адрей информатгэ лгэужыггэгуэхэр (грамматикэ ильгэныкьуэкгэ псалъэ лгэпкыггэгуэхэм я нэщэнэхэр, шапхьэхэр) ггэмэщгэуэ щытщ.

Псалъэхэр кьыщыхахым авторхэм япэ ираггэщащ нобгэрей гьащгэм, псом хуэмьдэу еджэныггэ гуэхум, нэхь узыщыхуейхэр. Псалъэм папщгэ, кьэкгыггэхэмрэ псэушхьэхэмрэ, тхыдэмрэ этнологиэмрэ, бзэщгэныггэмрэ литературэмрэ ехьэлга фгэщыггэцгэхэр.

Псалъэхэр тхыпкыльгэкгэ зэкгэлгыхьащ. Мыхьэнэ зыбжанэ зиГэхэр щхьэхуэу зэхэггэкащ. Псалъафэхэмрэ зэкгэщгэпч мыхьу псалъэхэмрэ псалъалгэ занэм и кгэм кьыщыхьащ, ромб (♦) дамыггэ япэм иту. Гукгэзэщхь псалъэхэр статья щхьэхуэурэ кьэхьащ, ахэр рим бжыггэхэмкгэ зэщхьэщыхащ. Псалъэ кьэсыху ахэр зыггэбелджылы, грамматикэкгэ зыщыщыр нагуэ зыщгэ тхьэбзэхэр дэщгыггэуш (*м., ж., с., сов., несов., нареч., междом., вводн. сл., н.*), псалъэр кьышаггэсэбэп Гэнатгэри кьэггэлыггэгуащ (*анат., биол., хим., н.кь.*). Урысыбзэми адыгэбзэми я зэхуэдэ политикэ, щгэныггэ, нэггэуэщгэ фгэщыггэу зыкьомыфгым, зэрызэдзэкал кьыдэкуэу, я мыхьэнэхэр адыгэбзэкгэ ггэнгэгуащ.

Псалъалгэр кьахуэсэбэпынуш, еджапгэуэхэм ямызакьуэу, колледжхэмрэ лицейхэмрэ щеджэхэм, еджапгэ нэхьыщхьэхэм щгэс студентхэм, апхуэдэуи щгэныггэлгэхэмрэ Гэщгаггэ зэмылгэужыггэгуэхэм пэрытхэмрэ.

2015 ггэм **Бищгэ Б.Ч.** еджапгэхэм папщгэ иггэхьэзыращ «**Адыгэбзэм и псалъэггэнахуэ**» тхылгыр [Бищгэ 2015]. Фгэщыггэцгэм кьызэриггэлыгаггэуэщи, псалъалгэм и кьалгэныр псалъэхэм я мыхьэнэр ггэнгэхуэнырщ, ауэ адрейхэм кьащхьэщыкгы мыбы жыггэгуэхэм кьарыкгыр адыгэбзэм и Гэмалхэмкгэ

щыбзыхуаш. Нэхьыбэу псалгальгэр зыхуэунэтIар жьы хуа е бзэм хэкIуэдыкIу хуежьа псалгэхэр, кьэкIыгьэхэм, псэушхьэхэм я цIэхэр, н. бзэм кьыхэна хьунырщ. Псалгэ щхьэхуэхэм кьадэкIуэу псалгальгэм гулгытэ лей щыхуэщIащ псалгафэхэми, жьIэгьуэхэми. Псори зэхэту тхылтым статьяуэ мини-7-м щигьу щызэхуэхьэсащ.

Мыр лексикографием и мардэхэм тету адыгэбзэм япэу хузэхэгьэува псалгэгьэнахуэ псалгальгэщ. Игьэналуэ жьIэгьуэхэр тхыпкьылгьэкIэ зэкIэлгыхьащ. Андрей псалгальгэхэм ещхуэ IукIээщхь псалгэхэр рим бжыгьэкIэ, мыхьэнэбэ псалгэхэр хьэрып бжыгьэкIэ зэщхьэщыхащ. ЦIэхэр цIэйлуэ псалгэзешэм, закьуэ бжыгьэм иту, лэжыгьэцIэр инфинитив шытыкIэ иIуэ кьэхьащ, ар ешанэ щхьэм, ит зэманым игьэувауэ тхыхьхэм дэту кьыкIэлюкIуэ. Псалгэхэр кьызыхэкIа щIэныгьэр, щыпIэбзэр, псалгэцIэр зыгьэналуэ псалгэ гьэкIэщIахэмкIэ гьэбелджылащ (*биол., зоол., этн., миф, жьы, к.-з., н.*). Щапхьэхэр художественнэ литературэм, Iуэрыуатэм, нэгьуэщI тхыгьэхэм кьыхэхаш.

Псалгальгэр еджакIуэхэм хуэгьэзащ, ауэ анэдэльхубзэр нэхь куууэ зэзыгьэщIэну, абы иIэ кьулеягьэм, бзэ Iэмалхэм щыгьуазэ зызыщIыну, щытхэкIи щыпсалгэцIи шэрыуэ бзэм и Iэмалхэр кьыгьэсэбэпыфу зэзыгьэсэнэ хуэй дэтхэнэми кьахуэщхьэпэнуш.

2015 гьэм **Иуанокьуэ Н.Р.** и тхыгьэхэр щызэхуэхьэса тхыл дунейм кьытхьащ [Иванокьов 2015]. АбыкIэ сэбэп хуащ, лэжыгьэми и редактор хуэхуащ филологие щIэныгьэхэмкIэ доктор, Гуманитар кьэхутэныгьэхэмкIэ институтым и адыгэ кьудамэм и унафэщI БищIо Борис.

КьыдэкIыгьэм и зы Iыхьэу хыхьащ «Этимологический анализ некоторых адыгских (черкесских) слов» зи фIэщыгьэцIэ этимологии псалгальгэр. Мыбы зэпкьрыха щыхуащ адыгэбзэ льябжэ зиIэ щыпIэцIэхэр, псыцIэхэр, Iуэрыуатэм кьыхэщ цIыхуцIэхэр, нартхэм зэрахьэу шыта, адыгэхэм кьагьэсэбэп хьэпшыпхэм я фIэщыгьэхэр, адыгэ льяпкьыщIэхэр. Кьэхутэныгьэр егьэкIуэцIащ этимологием и хабзэхэм тету: адыгэбзэм и IуэцIкIэ псалгэм хыхьэ морфемэхэм я мыхьэнэр, псалгэм игьуэта гьэпсыкIэр убзыхуащ, гьэнэхуащ.

ЖьIэгьуэ псоми я зэхэлгыкIэм, я ухуэкIэм, морфемэхэм, фонемэхэм Иуанокьуэм езым и епльыкIэ хуэйжэщ икIи и гупсысэхэр уи фIэщ ищIу кьеуатэ. Зыщигьэгьупшэркьым нэгьуэщI епльыкIэ зиIэ щIэныгьэлхэри. Этимологии зэпкьрыхыныгьэ кьэсыху и кIэм деж авторым кьыгьэсэбэпа тхыгьэхэм я кьэтхэкIыр кьыщхьэ.

Апхуэдэу езы щIэныгьэлтым кьигупсыса методыщIэхэр кьыгьэсэбэпурэ псалгальгэм щызэпкьрыхащ псалгэ 60-м щигьу.

Шэчыншэу Иуанокьуэ Нурбий и лэжыгьэхэр адыгэ бзэщIэныгьэм хэлхьэныгьэшхуэ хуэзыщI щIэныгьэ тхыгьэхэщ.

ТегьэщIапIэхэр Список источников

Бэрбэч, БищIо, IутIыж 2001 – *Бэрбэч Б.Ч., БищIо Б.Ч., IутIыж Б.К.* Адыгэбзэ фразиологизмэхэм я псалгальгэ. Налшык: Эльбрус, 2001. 235 н.

Табухов 2005 – *Табухов Х.К.* Толковый русско-кабардино-черкесский словарь. Налчык: Эдь-Фа, 2005. 768 с.

Урыс, Зэхуэухьу 2005 – *Урыс Хь.Щ., Зэхуэухьу Л.Г.* Адыгэ пэжырытхэмрэ нагьышэ гьэувыкIэмрэ я хабзэхэр. ЕтIуанэ кьыдэкIыгьуэ / Зэзыгьэзэхуар, дэзыщIыгьуар БищIо Б.Ч. Налшык: Эльбрус, 2005. 284 н.

Тау 2005 – *Тау Хь.Т.* Адыгэбзэм и диалектхэм, говорхэм я псалгальгэ. Налшык: КБГУ, 2005.

Абазэ 2005 – *Абазэ Ибрахим Алыхьэс.* Тырку-адыгэбзэ псалгальгэ. Анкара. 2005.

ПщыхьэщIэ, Тьымыж 2006 – *ПщыхьэщIэ Л.И., Тьымыж Хь.Т.* Адыгэбзэм кьыхыхьа хьэрып псалгэхэр. Псалгэ 400 хуэдиз мэхьу. Налшык: Издательство КБНЦ РАН, 2006. 76 н.

- Апажэ, КІуэКІуэ 2008 – *Апажэ М.Л., КІуэКІуэ Дж.Н.* Адыгэ-урис псалъальэ. Налшык: Эльбрус, 2008. 704 с.
- Шэрджэс 2009 – *Шэрджэс А.* Яхуэмыфашцэу лъэныкъуэ едгъэза псалъэхэр. Налшык: Изд. КБИГИ. 2009. 172 н.
- Бижоев, Кумыкова, Тимижев 2013 – *Бижоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т.* Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2013. 848 с.
- БищІо 2015 – *БищІо Б.Ч.* Адыгэбзэм и псалъэгъэнауэ. ЕджапІэхэм папщІэ: псалъэ 7000 нэс. Налшык: Эльбрус, 2015. 376 с.
- Иванокон 2015 – *Иванокон Н.Р.* Избранные труды. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. 360 с.
- Кумыкова 2010 – *Кумыкова Д.М.* Этнографические лакуны и способы их перевода // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. 2010. С. 216–218.
- Кумыкова, Дзуганова 2015 – *Кумыкова Д.М., Дзуганова Р.Х.* Стратегии элиминирования лексических лакун в русско-кабардино-черкесском словаре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-4 (54). С. 122–125.
- Кумыкова 2017 – *Кумыкова Д.М.* Лакунарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2017. № 1 (32). С. 71–76.

References

- BJERBJECH B.Ch., BISHHIO B.Ch., IUTIYZH B.K. *Adygjebzje fraziologizmjehjem ja psal'al'je*. [phraseological dictionary of the Kabardino-Circassian language]. Nalshyk: Jel'brus, 2001. 235 n. (In Russian and Kabardino-Circassian)
- TABUHOV H.K. *Tolkovyy russko-kabardino-cherkesskiy slovar'* [Explanatory Russian-Kabardino-Circassian Dictionary]. Nal'chik: Jed'-Fa, 2005. 768 s. (In Kabardino-Circassian)
- URYS H'.Shh. *Zjeh'ujeh'u L.G. Adygje pjezhrythjemrje nag'yshhje g'jewykIjemrje ja habzjehjer* [Rules of spelling and punctuation of the Kabardino-Circassian language]. Etluanje k'ydjekIyg'uje / Zjezyg'jezjehuar, djezyshhIyg'uar BishhIo B.Ch. Nalshyk: Jel'brus, 2005. 284 n. (In Kabardino-Circassian)
- TAU H'.T. *Adygjebzjem i dialekthjem, govorhjem ja psal'al'je* [Dictionary of dialects and dialects of the Kabardino-Circassian language]. Nalshyk: KBGU, 2005. (In Kabardino-Circassian)
- ABAZJE Ibrahim Al'h»jes. *Tyrku-adygjezbzje psal'al'je* [Turkish-Kabardino-Chekes Dictionary]. Ankara. 2005. (In Tyrku and Kabardino-Circassian)
- PSHHYH'JESHHIJE L.I., TIYMYZH' H'.T. *Adygjebzjem k'yhyh'a h'jeryp psal'jehjer* [Arabic borrowings in the Kabardino-Circassian language]. Psal'je 400 hujediz mjeh'u. Nalshyk: Izdatel'stvo KBNC RAN, 2006. 76 n. (In Kabardino-Circassian)
- APAZHJE M.L., KIJEKIJE Dzh.N. *Adygje-urys psal'al'je* [Kabardino-Circassian-Russian Dictionary]. Nalshyk: Jel'brus, 2008. 704 s. (In Kabardino-Circassian)
- SHJERDZHJES A. *Jahujemyfashhjeu l'jenyk'uje edg'jeza psal'jehjer*. Nalshyk: Izd. KBIGI. 2009. 172 n. (In Kabardino-Circassian)
- BIZHOEV B.Ch., KUMYKOVA D.M., TIMIZHEV H.T. *Uchebnyj russko-kabardino-cherkesskiy slovar'* [Educational Russian-Kabardino-Circassian Dictionary]. Nal'chik: Jel'brus, 2013. 848 s. (In Kabardino-Circassian)
- BISHHIO B.Ch. *Adygjebzjem i psal'jeg'jenahuje* [Explanatory dictionary of the Kabardino-Circassian language]. EdzhapIjehjem papshhIje: psal'je 7000 njes. Nalshyk: Jel'brus, 2015. 376 s. (In Kabardino-Circassian)
- IVANOKOV N.R. *Izbrannye Trudy* [Selected writings]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh, 2015. 360 s. (In Russian)
- KUMYKOVA D.M. *Etnograficheskie lakuny i sposoby ih perevoda* [Ethnographic gaps and methods of their translation]. IN: Lingvisticheskie osnovy mezkhul'turnoj kommunikacii. 2010. P. 216–218. (In Russian)
- KUMYKOVA D.M., DZUGANOVA R.H. *Strategii eliminirovaniya leksicheskikh lakun v russko-kabardino-cherkesskom slovare* [Strategies for eliminating lexical gaps in the Russian-Kabardino-Circassian dictionary]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 12-4 (54). P. 122–125. (In Russian)

KUMYKOVA D.M. *Lakunarnost' frazeologicheskikh edinic v kabardino-cherkesskom i russkom yazykah* [Lacunarity of phraseological units in the Kabardino-Circassian and Russian languages]. IN: Vestnik Instituta gumanitarnyh issledovanij Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoj Respubliki i Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2017. № 1 (32). P. 71–76. (In Russian)

Авторым теухуауэ

АфІэунэ А.А. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакІуэ нэхъыжъ.

Информация об авторе

А.А. Афаунова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка

Information about the author

A.A. Afaunova – Candidate of Science (Philology), Ricercatore senior of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 03.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 03.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-46-53

АДЫГЭБЗЭМ И ХЬЭЛ ПСАЛЪЭ ЗЭПХАХЭМ Я НЭЦЭНЭГЪЭЛЪАГЪУЭ

Биццо Борис Чэмал и къуэ

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шIэныгъэ ГуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрэм» и филиал, Налшык, Урысей, bizhoviev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© Биццо Б.Ч., 2023

Аннотаци. Мы лэжыгъэм и мурадц адыгэбзэм и псалъэ зэпхэхэм я зы лIэужыгъуэ – хьэл псалъэ зэпхэхэр грамматикэ илIэныкIэуэжIэ зэпкIэрихыну. Мы лIэужыгъуэр езыри гуп зыбжанэу бгуэшыж мэху икIи абыхэм ящыц дэтхэнэри убгъуауэ бзэм ириспалъэхэм къагъэсэбп. Къалэну зыхудогъэувыж апхуэдэ хьэл псалъэ зэпхэ гупихри зэрызэхэтынкIэ хьунухэр зэхэтхуну – сыт хуэдэ псалъэ лIэпкыгъуэхэм хьэл мыхьэнэ абыхэм къышагъэлыгъуэфрэ икIи сыт хуэдэ гъэпсыкIэхэр ягъуэтрэ абыхэм а къалэныр шагъэзащIэжIэ. Мыпхуэдэ къэхутэныгъэр шхьэпэ хьун хуейщ иджыпсту адыгэ бзэщIэныгъэм псалъэ зэпхэхэм шапыгъ увышIэм нэхьыфIкIэ зихуэжынымыкIэ, шхьэтечауэ жытIэмэ ахэр шIагъуэу джа зэрымыхьуарщ – а Гуэхугъуэр лIэпошхьэпо хуэхуэ адыгэбзэм хузэхалхьэ грамматикэхэр ныкъусаныгъэншэу къыдэкIыным. Абыхэм яхэтц псалъэ зэпхэм теухуауэ зыри зэрымыт, зэрытхэм я гугъу тIщIымэ, япэрауэ, псалъэ зэпхэхэм абыхэм гуэшыкIэ шаIэр ахэр зэрызэхэт Iыхьэхэм яку дэль мыхьэнэ зэхушытыкIэр аракъым зытешIыхар, атIэ а Iыхьэхэр зыщыц псалъэ лIэпкыгъуэхэрщ, етIуанэрауэ, псалъэ зэпхэ лIэужыгъуэхэм хагъэхьэ гъэзэщIэнрэ гъэзэщIагъуэу зэхэт зэпхыгъэхэр, апхуэдэ шIыкIэки псалъэ зэпхэ гурыIуэгъуэмрэ псалъэуха гурыIуэгъуэмрэ я зэхуаку гъунапкъэ дэмьлыж ящI. Къэдгъэлыгъуэхэм я закъуэкIым арэзы узытемыхуэ бгъэдыхьэжIэу абыхэм яIэр. Мы статьям и къалэн нэхьышхьэу шытыр хьэл псалъэухахэр къэхутэныр арами, абы къыдэкIуэ бзэмкIэ IэщIагъэлIхэм я пащхьэ къыдолхьэ мис а ГуэхугъуэмкIи ди ГуэхуеплIыкIэр.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: адыгэ бзэщIэныгъэ, псалъэ зэпхэ, хьэл, шIыпIэ, зэман, мурад, мардэ, шхьэусыгъуэ

Цитатэ къызрэхьэпхыну: Биццо Б.Ч. Адыгэбзэм и хьэл псалъэ зэпхэхэм я нэцэнэгъэлыгъуэ // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 46–53. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-46-53

Original article

CHARACTERISTICS OF VARIETY OF CIRCUS TERMS OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Boris Ch. Bizhoviev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bizhoviev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© B.Ch. Bizhoviev, 2023

Abstract. This work aims to conduct a grammatical analysis of one of the categories of phrases in the Kabardino-Circassian language, which is distinguished by a significant variety and wide use in the speech of native speakers. The task is to characterize in detail all 6 types of circumstantial phrases – place, time, mode of action, measure, cause and purpose in terms of their composition – which parts of speech can act as circumstances in them and in what form they acquire the appropriate meaning. Such a study should, to a certain extent, help improve the current situation in Adyghe linguistics regarding phrases, namely, their poor study, which negatively affects the quality of existing grammars of the Kabardino-Circassian language – in some of them phrases as a section are not presented, in those where they there are, firstly, their classification is carried out not according to the nature of the semantic relations between the components of the phrase, but according to the parts of speech, and secondly, they are dominated by the point of view, according to which the phrases include combinations of the subject with the predicate, thereby blurring the line between the phrase and offer. There are other points in them that raise objections, being controversial. This article, along with its main task, brings its position on them to the judgment of specialists.

Keywords: adyghe linguistics, phrase, circumstance, place, time, purpose, measure, reason

For citation: Bizhoeff B.Ch. Characteristics of varieties of adverbial phrases in the Kabardian-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 46–53. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-46-53

Научная статья

ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗНОВИДНОСТЕЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Борис Чамалович Бижоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bizhoeff1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© Б.Ч. Бижоев, 2023

Аннотация. Данная работа имеет целью провести грамматический анализ одного из разрядов словосочетаний кабардино-черкесского языка, отличающегося значительным разнообразием и широким употреблением в речи носителей языка. Ставится задача подробно охарактеризовать все 6 видов обстоятельственных словосочетаний – места, времени, образа действия, меры, причины и цели с точки зрения их состава – какие именно части речи могут выступать в них в роли обстоятельства и в какой форме они приобретают соответствующее значение. Подобное исследование должно в определенной степени способствовать улучшению нынешней ситуации в адыгском языкознании относительно словосочетаний, а именно их слабой изученности, что негативно отражается на качестве существующих грамматик кабардино-черкесского языка – в некоторых из них словосочетания как раздел не представлены, в тех же, где они имеются, во-первых, их классификация проведена не по характеру смысловых отношений между компонентами словосочетания, а по частям речи, во-вторых, в них доминирует точка зрения, согласно которой в состав словосочетаний входят сочетания подлежащего со сказуемым, тем самым стирая грань между словосочетанием и предложением. Имеются в них и другие моменты, которые вызывают возражения, являясь спорными. Настоящая статья, наряду с главной ее задачей, выносит на суд специалистов свою позицию по ним.

Ключевые слова: адыгское языкознание, словосочетание, обстоятельство, место, время, цель, мера, причина

Для цитирования: Бижоев Б.Ч. Характеристика разновидностей обстоятельственных словосочетаний кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 46–53. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-46-53

Псалъэ зэпхэхэр ящыщ адыгэ бзэщІэныгъэм гулытэ нэхь мащІэ зыхуищІа, арэзы укыищІу джа мыхъуа Іыхъэхэм. ЗэІубз и кІэм нэсу хуакъым езы псалъэ зэпха гурыІуэгъуэр зищІысырэ абы кызыщІІуубыдэр сыт хуэдэ бзэ къэхъугъэхэр арами. Апхуэдэ шытыкІэм къешэ псалъэ зэпхамрэ псалъэухамрэ зэхагъээрыхыныр, псалъэ зэпха лІэужыгыгуэу бзэм хэтхэм теухуауи зэдауэ шыІэныр. Зи гугъу тщІахэмкІэ дэ ди ІуэхуепллыкІэр нэхъапІуэкІэ къэдгъэлъэгъуащ [БищІо 2023]. А псом кытедмыгъэзэжми, мыбдеж кышыщыжыІэпхъуэ кыдолгытэ псалъэ зэпхэхэм щызэдауэу хэлхэмкІэ дэ ди ІуэхуепллыкІэр. Япэрауэ, абыхэм я гуэшыныгъэр абыхэм я Іыхъэхэр зыщыщ псалъэ лъэпкыгыгуэхэм темыщІыхъауэ а Іыхъэхэм яку дэль мыхъэнэ зэхушытыкІэхэмкІэ егъэкІуэкІыныр нэхь тфІэтэмэмщ, апхуэдэ бгъэдыхъэкІэм ди бзэм хэт псалъэ зэпхэхэр зыхуэдэр нэхь нэІурыт ищІу кыдолгытэри. Мы лэжыгыгъэми, мыбы ипэ итауэ ищхъэкІэ кышыцдгъэлъэгъуауи гуэшыныгъэ зрыщедгъэкІуэкІар апхуэдэ бгъэдыхъэкІэкІэщ. ЕтІуанэрауэ, дэ шэч кытедмыхъуэ кыдоштэ Шагъыр І. Къ. гъээщІэнрэ гъээщІакІуэу зэхэт зэпхыгъэхэр псалъэ зэпхауэ къэплытэныр шыуагъуэу кызыерилытэмкІэ [Шагириов 2003: 209]. Зи цІэ къитІуа щІэныгъэлІыр аращ адыгэбзэм и хьэл псалъэ зэпхэхэм япэу тетхыхъари. А лэжыгыгъэр Іэрытхыу езыр дунейм ехыжри дэ нэхь иужькІэ кыдэдгъэкІыжауэ шытащ [Шагириов 2004: 302–311]. Мы статьяишхуэ ІыхытІу дунейм кытехъар ди бзэщІэныгъэлІ пажэхэм ящыщ зым кытхуигъэна хъугъуэфІыгъуэхэм ящыщ, мыбы иужькІэ псалъэ зэпхэхэм теухуауэ лэжыгыгъэ щхъэхуэ зыми кытрыригъэдзакъым, апхуэдэ Іыхъэ хэтц 2006 гъэм кыдэкІа грамматикэм, ауэ ар зи ІэдакъэщІэкІым, ди жагъуэ зэрыхъунци, Шагъырым и къэхутэныгъэр гулытэнышэ ищІащ [КЧЯ: 371–378]. Ар гъээзкІуэжа шыхъунуц мы гъэм кыдэкІыну Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) грамматикэм – мыбы псалъэ зэпхэхэм ятеухуа Іыхъэм тегъэщІапІэ нэхьыщхъэ хуэтщІар Шагъыр Іэмин и ІэдакъэщІэкІырщ. Абы и презентацэ папщІэу къэплытэ хъуну кыщІэкІынщ мы статьяри. Хьэл псалъэ зэпхэхэм ящымыщми, мыбыхэм къапыдгъэуващ псалъэужь зыхэт псалъэ зэпхэхэри – ахэр лІэужыгыгуэу щхъэхуэ щІыпхъэу япэу къэзыгыгуэвари Шагъырырщ [Шагириов 2004: 311–313]. Мыпхуэдэ псалъэ зэпхэхэм я нэхъыбапІэр я мыхъэнэкІэ хьэл псалъэ зэпхауэ зэрыщытыр аращ мыхэри мыбдеж шызэпкырыхын хуейуэ кыщІэтлытар.

Хьэл псалъэ зэпхэхэр зэхэтц лэжыгыгъэцІэ Іыхъэ нэхьыщхъэрэ хьэл мыхъэнэ зиІэ пкыгыгуэу кІэрыдзэну. Хьэлхэри мыпхуэдэурэ гуэшащ: щІыпІэ, зэман, лэжыгыгъэм и къэхъукІэ, мардэ, щхъэусыгъуэ, мурад [Камбачоков 1997: 189]. Хьэлыр нэхьыбэрэ къэгъэлъэгъуа мэхъу къэхъукІэцІэрэ ІуэхудэкІуэкІэрэ. Іужьрейхэр я закъуэуи, псалъэ къепхэхэр ящІыгъуу ІуэхудэкІуэ зэхыхъэуи шытынкІэ хъунуц. Хьэл къалэн ягъэзащІэу мымащІэу къагъэсэбэп шыІэцІэхэм, ІуэхуцІэхэм, цІэпапщІэхэм я псалъэзешэ гъэпсыкІэхэри.

1. ЩІыпІэ хьэл зыхэт псалъэ зэпха

Мыпхуэдэ псалъэ зэпха лІэужыгыгуэм хэт Іыхъэ нэхьыщхъэм (лэжыгыгъэцІэм) щІыпІэ преверб пытынкІи, пымытынкІи хъунуц, еплъ: къалэм шы-псэун, унэм щІэ-хьэн, къуажэм псэлэн (телефонкІэ), мэзым шэн. Зи гугъу тщІы псалъэ зэпхэхэм хьэлыр кышыгыгъэлъэгъуа мэхъу: а) шыІэцІэ зэдай зыхъуэж псалъэзешэ гъэпсыкІэ зиІэкІэ (еплъ ищхъэкІэ кышыгыхъа щапхъэхэм); б) псалъэзешэ кІэух -м зыпыт е зыпымыт шыІэцІэ унейкІэ: Къэбэрдей-м шыхъэщІэн, Псыхуабэ дэтІысхъэн; в) къэхъукІэцІэкІэ: ауэ шы-зэтеувыІэн, адэ къи-псэлъыкІын, абы шы-лэжъэн; г) ІуэхуцІэкІэ: шы-лажъэм кышыгыгуэтын [Шагириов 2004: 304].

Щапхъэхэм яхэт хьэлхэм щІыпІи, унэтІыныгыи къэзыгъэлыгагуэхэр яхэтщ, ауэ унэтІыныгъэр инэхьыбэм къэІуэта зэрыхъур зыунэтІ псалъэзешэ гъэпсыкІэщ: мэзым-кІэ унэтІын, шылажъэм-кІэ Іухъэн.

ЗэрыкІуэ гуэгуур къэзыгъэлыгагуэу хьэл зыхэт псалъэ зэпхам и щапхъэщ мыхэр: гуэгуужыым-кІэ кІуэжын, хадэм-кІэ-рэ къэкІуэжын.

ЩІыпІэ хьэлым и гъэпсыкІэкІэ кытехуэнкІэ хъунуц зэман хьэлыр, псалъэм папщІэ, шылажъэм гъэпсыкІэм щІыпІэ шылажьи, зэман шылажьи къокІ, абыкІэ

кьафутэну зыхуейр гурыфугъуэ щыхур контекстырщ. Къэдгъэлъэгъуа нэцэнэм хуэдэ ядыболъагъуэ зыдэ-лъабжьэпэ зыпыт фуэхуцлэхэми: зыдэ-кфум гъэпсыкфэр кьыбгурыфунклэ мэху шыплэ мыхьэнэуи, зэман мыхьэнэуи: кьуажэ зыдэкфум – зыдэкфум (кфуэу гъуэгу здытетым).

2. Зэман хьэл зыхэт псалтэ зэпха

Зэман хьэлым фухугъуэр кьегъэлыгъуэ зэман пыухыкфам емыхауэ е епхауэ: дыгъуасэ, пщэдей, жэщым, ильэс лъандэрэ, иджыри кьэс. Мыхуэдэ зыхэт псалтэ зэпхэхэм, зэрыхабзэу, я фыхьэ нэхьыщхьэр (лэжьыгъэцфэр) щыкфэрыувщ (хьэлым и ужь кьитщ): нобэ кьэсыжын, тхьэмахуэкфэ кьэгувэн, мазэкфэ зыгъэпсэхун.

Зэман хьэл кьалэн адыгэбзэм щагъэзащфэ фухудэкфуэ закьуэхэмрэ фухудэкфуэ зэхыхьэхэмрэ, шы- (зы)дэ- лъабжьэгъусэхэр зыхэт фухуцлэхэмрэ фухуцлэ зэхыхьэхэмрэ, шыфэцлэхэм, зыгъэлыгъуэ цфэпапщфэхэм псалтэужьхэр кьащфыгъуу, зыхуэж псалтэзешэм ит шыфэцлэхэм псалтэужь кьащфыгъуу е кьащфымыгъуу, -кфэ лъабжьэужь зыпыт шыфэцлэ-кьэхьукфэцлэхэм (пщэдджыжь-кфэ) [Урыс 1994: 53].

Зэман зэхушытыкфэ зыхэт псалтэ зэпхэхэм псалтэужьхэр убгъуауэ зэрыхэтым кьыхэкфы абыхэм илъабжьэмкфэ пычыгъуэ щхьэхуэ щахухэхуауэ кьокфуэ.

Псалтэужь зыхэмыт псалтэ зэпха зэман мыхьэнэ зифэхуэ зи фыхьэ кфэрыдзэныр кьэхьукфэцлэхэр е кьэхьукфэцлэ кьалэн зыгъэзащфэ шыфэцлэхэр бзэм куэд дыдэу хэтщ: нобэ ежьэн, пщэдей нэсын, жэщкфэ лэжьэн, жэщым кьэплтыхьын, жэщу кьыдыхьэжын.

фухуцлэкфэ кьэгъэлыгъуа зэман хьэлхэм я щапхьэхэр ищхьэмкфэ кьыщыхьащ. Апхуэдэ фухудэкфуэ щапхьэщ мыр: гъуэлъыжахуэ нэсын.

Бжыгъэ-зэман мыхьэнэ зифэ псалтэ зэпхэхэм кфэрыдзэн фыхьэу яхоувэ зэман занэ кьэзыгъэлыгъуэ шыфэцлэхэр: гъэ, ильэс, мазэ, тхьэмахуэ, махуэ, щфымахуэ, бжыхьэ, н.кь. Мыхуэдэ шыфэцлэхэм кьащфыгъу хабзэщ зыгъэнахуэ псалтэхэр: мы гъэм мыбэлэрыгъын, кьэкфуну мазэм зыгъэпсэхун, бжыхьэ шыфэм шыхуэн, щфымахуэ псом сымэджен.

Зэман, лъэхьэнэ шыфэцлэхэм дапщэщи зыгъэнафуэ псалтэ я гъусэщ: пасэрэй зэманым, а лъэхьэнэм [Сакиев 1963: 28].

Зэман мыхьэнэ зифэ псалтэ зэпхауэ адэкфэ кьэбгъэлыгъуэ хьунуш махуэ псалтэм хуэдэхэмрэ зэрабж бжыгъэцлэхэмрэ зыхэт зэхэлъыкфэхэр: зы махуэкфэ ухын, махуиткфэ зэффэгъэкфын.

Бзэм хэтщ зэры-лъабжьэпэрэ-у лъабжьэужькфэ кьэхуэ лэжьыгъэцлэ гъэпсыкфэ зэман мыхьэнэ зифэ: зэры-нэсыж-у, кьы-зэры-уш-у: зэрынэсыжу гъуэлъыжын, кьызэрыушу жэфэн [Камбачоков 1997: 202]. Мы гъэпсыкфэхэр фухугъуэр зыгуэрэм ипэ кьызэритыр икфэ занщфэу зэрэкфукфыр кьэзыгъэлыгъуэ фухудэкфухэщ.

3. Лэжьыгъэм и кьэхьукфэ хьэл зыхэт псалтэ зэпха

Мыхуэдэ псалтэ зэпхам лэжьыгъэр зэрэкфукфэ щыкфэр кьэфуатэ. Мыбы и кфэрыдзэн фыхьэр (лэжьыгъэм и кьэхьукфэ хьэлыр) нэхьыбэу кьэгъэлыгъуа мэху кьэхьукфэцлэрэ фухудэкфурэкфэ: ффыуэ лэжьэн, псынщфэу тхэн, мыхьейуэ шытын, шысу жеин, шууэ ежьэн, лъэсу кьэкфужын. Кьэхьукфэцлэхэри, фухудэкфухэри -у//уэ лъабжьэгъусэкфэ кьохуэ, япэрейхэр кьатокфэ шытыкфэгъэлыгъуэ пльыфэцлэхэм (ффы, псынщфэ), етфунэрейхэр – лэжьыгъэцлэхэм (мыхьейн, шысын). Шууэ, лъэсу кьэхьукфэцлэхэм -у//уэ лъабжьэгъусэр шыпыуващ шыфэцлэ хьуа пльыфэцлэхэм: шу – шууэ, лъэс – лъэсу.

Лъабжьэгъусэ -у//уэ-м апхуэдэуи кьегъэхуэ цлэ гъэпсыкфэ, ар, хуэбгъэфашэ зэрыхьунумкфэ, псалтэзешэ гъэпсыкфэ мыхьуу предикат гъэпсыкфэщ: лъабжьэгъусэм инфинитив мыхьэнэ хэльщ. Ауэ щыхьукфэ мыр кьыгуэхьплэ имыфэу епхаш фухудэкфухэр кьэзыгъэщфэ -у//уэ-м, елыт: пщыуэ кьыщфэкфын, хьумафуэу увын. Шытыкфэгъэлыгъуэ пльыфэцлэхэм -у//уэ хэту: псэууэ кьэкфужын, пльыжуэ кьэщэхун.

Кьэхьукфэцлэ-фухудэкфуэ -у//уэ-м кьыпыувэнкфэ хьунуш -рэ лъабжьэужь, кфыхуэ екфукфыныгъэ, кьытегъэзэжыныгъэ мыхьэнэ ифэу: ффыуэ кьэтын –

фЫуэрэ кьэтын, хуэму псэлъэн – хуэмурэ псэлъэн, гьыуэ тхьэусыхэн – гьыуэрэ тхьэусыхэн, шхыдэу щІэкІын – шхыдэурэ щІэкІын.

КьэхьукІэцІэ гьэпсыкІэ -уэрэ, -урэ зыпытыр льябжьэгьусэм и япэ Іыхьэр зыхэмыт лэужьыгьуэуи шыІэщ. Мис нарт эпосым кьыхэхауэ абы и шапхьэ нэІурыт: Сосрыкьуэ жьэгум дэст дэным иридждэгуу, дэпыр кьыштэрэ зэм и Іэм иридзэу, зэм и жьэм жьэдидзэрэ ункыфІауэ кьыжьэдидзыжу [ГКЧЛЯ: 191].

Мы псалъэухам -рэ гьэпсыкІэ иІэу хэтхэр -урэ зыхэткІэ зэблэпхьу мэхьу: кьыштэрэ – кьыштэурэ, жьэдидзэрэ – жьэдидзэурэ.

Куэдагь кьэхьукІэцІэ зыхэт псалъэ зэпхэхэм Іуэхугьуэр зэрекІуэкІ жьыджэрагь, кІыхьагь, абы и кьытегьээжыныгьэ, мардэ с.ху. кьагьэлыагьуэ: икьукІэ ешын, хуабжьу гузэвэн, икьукІэ фЫуэ еджэн, ерагьыу (ерагькІэ) кьэтэджын, Іейуэ зыгьэтхьэмыщкІэн, куэдрэ сымэджен, фЫуэ кьэтын, зэрыльэкІкІэ кІин [Шагиrow 2004: 308].

КьэхьукІэцІэ языныкьуэхэм куэдагь мыхьэнэи, шытыкІэ мыхьэнэи яІэнкІэ мэхьу, псалъэм папщІэ: хуабжьу псалъэм и япэ мыхьэнэр псынщІэу жыхуиІэрщ (хуабжьу зекІуэн).

Льябжьэужь -кІэ пыту ищхьэкІэ кьышыхьахэр куэдагь кьэхьукІэцІэщ. Ауэ а льябжьэгьусэм кьегьэщІ шытыкІэгьэлыагьуэ кьэхьукІэцІэхэри, еплъ: жэкІэ (жэн лэжьыгьэцІэм кьытокІ), дахэкІэ (дахэ), ІейкІэ (Іей): жэкІэ дэкІуеин, дахэкІэ зэгурыІуэн, ІейкІэ зэпсэлъэн.

Лэжьыгьэм и кьэхьукІэ хьэл зыхэт псалъэ зэпха зэгьэпщэныгьэ мыхьэнэи зиІэхэм псалъэужь хэтын хуейхэм я пІэкІэ мымащІэу кьыщагьэсэбэп -у// -уэ льябжьэужьыр: Щы джажэналъэу вагьэбдзэуэмэр тафэм тегьуэльхьащ; Грэмэфон кьутауэ и бзэр пиудащ Аслъэн [Камбачоков 1997: 207–208].

ЩытыкІэгьэлыагьуэ кьэхьукІэцІэ -у// -уэ -кІэ кьэхьухэм я псалъэпкьхэм кьащытригьээж шыІэщ. Апхуэдэм деж кьэхьукІэцІэм и мыхьэнэм зэхьукІыныгьэ егьуэт, зэлыт: дахэу тхэн – дахэ-дахэу тхэн, псынщІэу Іухьыжын – псынщІэ-псынщІэу Іухьыжын.

4. Мардэ хьэл зыхэт псалъэ зэпхэхэр

Мардэ хьэл адыгэбзэм кьэгьэлыгьуэа зрышыхьур нэхьышхьэу икІи нэхьыбэрэ бжыгьэцІэхэмрэ шыІэцІэхэмрэ кьатехьукІа кьэхьукІэцІэхэмкІэщ. Псалъэ зэпхэхэм я кІэрыдзэн Іыхьэу шыткІэрэ, апхуэдэ хьэлхэм кьагьэлыагьуэ бжыгьэм, щыпІэм, земаным, хьэлыагьым е уасэм я мардэ: плІэ (плІы-м кьытокІ), плІэней (плІэ-м кьытокІ) джэлэн; щэщІрэ (щэщІ-ым кьытокІ) кьэлэтын; льябакьуитІкІэ кьыкІуэтын, километркІэ кьыкІэрыхун, сыхьэткІэ пэплъэн, мазэкІэ шэчын, тонкІэрэ кьэшэн, түмэнкІэ щэн.

Лэжьыгьэм и кьэхьукІэ хьэл зыхэт псалъэ зэпхэхэм я шапхьэу кьахьхэми яхэтщ мардэ хьэл зыхэт псалъэ зэпхэхэм яхуэпхь хьухэри, псалъэм папщІэ мы кьэкІуэнум хуэдэхэр зыхэтхэр: икьукІэ, хуабжьу, ерагьыу, Іейуэ, апхуэдиэрэ, зыкьомкІэ, куэдрэ, н.кь. [Карданов 1957: 573].

5. Щхьэусыгьуэ хьэл зыхэт псалъэ зэпхэхэр

Щхьэусыгьуэ хьэлү кьокІуэ инэхьыбэм плыфэцІэхэм -гьэ льябжьэужькІэ кьатехьукІ шыІэцІэхэу -кІэ псалъэзешэ гьэпсыкІэм итхэр: сымаджагьэкІэ шымыІэн, щІалагьэкІэ шыуэн.

ЛэжьыгьэцІэм кьытекІа шыІэцІэхэм я гьэпсыкІэхэр зыхэт псалъэ зэпхэхэри шыІэщ: зэрымыщІагьэкІэ зэщыхьэн, кьыгурымыІуэныгьэкІэ зыгьэгусэн.

Апхуэдэуи бзэм ушрохьэлІэ шыІэцІэм еигьэ льябжьэпэ (е, языныкьуэхэм кьызэралыгьтэмкІэ, зи щхьэ хушымыт еигьэ цІэпапщІэ) пыувэу щхьэусыгьуэ хьэл кьэгьэлыгьуэа шыхьу: и фЫгьэкІэ, ди жэрдэмкІэ, фи зэранкІэ, уи сэбэпкІэ [Урыс 1994: 58]. Ахэр зыхэт псалъэ зэпхэхэм я шапхьэхэр: и фЫгьэкІэ хьужын, уи зэранкІэ джэлэн, ди жэрдэмкІэ яхуэзэн.

Щхьэусыгьуэ хьэл мымащІэу шыІэщ ІуэхудэкІуэкІэ кьэгьэлыгьуэауэ: мышхэрэ кьэмэхын, зэфІэтурэ ешын [Шагиrow 2004: 310].

6. Мурад хьэл зыхэт псалтэ зэпхэхэр

Мурад хьэлым кьегьэлыгьэуэ лэжыгьэццэм хэль ІуэхугьуэмкІэ гуращэу яІэр, абыкІэ зыхуейр. Псалтэужь зыхэмыт псалтэ зэпхэхэм ар кышчыІуэта мэхьу льябжьэужь -у зыпыт мурад инфинитивкІэ (супинкІэ): тхэну тІысын, шхэну кІуэжын, жьыщІэну зыгьэхьэзырын.

Мурад хьэлым и нэгьуэщІ лэужьыгьуэщ мурад шыІэццэ -у льябжьэгьусэ зыпытым ищхьэкІэ зи гугьу шыщІа еигтэ льябжьэгьусэ шыщІыгьур: щІэпхьуэжын и мураду, загьэпщкІун я мураду.

7. Псалтэужь зыхэт псалтэ зэпхэхэр

Псалтэужь зыхэт псалтэ зэпхэ лэужьыгьуищым ящыщу нэхьыбэрэ бзэм кьыхэхуэр хьэл псалтэ зэпхэхэрщ. Кьызэрагьэсэбэным и куэдагькІэ псоми йофІэкІ деж//дей псалтэужьыр. Абы кьегьэлыгьуэф щІыпІэ мыхьэнэ, зэман мыхьэнэ, еплт: тенджыз Іуфэм деж (щІыпІэ), жэщыбгым деж (зэман).

ЩІыпІэ-зэман зэхушытыкІэ кьагьэлыгьуэ мы псалтэужьхэми: и кІуэцІкІэ (районым и кІуэцІкІэ, тхьэмахуищым и кІуэцІкІэ); шыщІэдзауэ (кьуажэм шыщІэдзауэ, нобэ шыщІэдзауэ); кьэс (лэгуажьэм кьэс, иджыри кьэс); нэс (и бгым нэс, мазэм нэс); иужькІэ (планэпэм иужькІэ, жэщ ныкьуэм иужькІэ); ипэкІэ (Іуашхьэм ипэкІэ, зауэм ипэкІэ).

ЩІыпІэ мыхьэнэ закьуэращ мы псалтэужьхэм кьагьэлыгьуэр: и гупэкІэ, и щІыбагькІэ, ищхьэмкІэ, и гущІылумкІэ, и щІагьым, ихьуреягькІэ, якум, я зэхуакум, и кьуагьым, ибгьукІэ. Ахэр зыхэт псалтэ зэпхэ щапхьэхэр: щхьэгьубжэм и гупэмкІэ, унэм и щІыбагьымкІэ, кьалэм ищхьэмкІэ, и гущІылумкІэ ирикІуэн, жыгым и щІагьым, шхьынынэм и щІагьым кьыщІэльэфын, жыг хадэм ихьуреягькІэ, пситІым якум, гьуэлыпІэхэм я зэхуакум, жыгым и кьуагьым, хьэщІэм ибгьукІэ кьышчытын, куэбжэм ибгьукІэ увын.

Псалтэужь гуп ещанэ шыІэщ зэман мыхьэнэ фІэкІа кьамыгьэлыгьуэу: льяндэрэ, пщІондэ, шыгьуэ, нэужь, ирихьэлІэу – гьатхэ льяндэрэ, пщыхьэщхьэ пщІондэ, гьавэ Іухьыжыгьуэм шыгьуэ, уэш нэужьым, а махуэм ирихьэлІэу.

НэгьуэщІ псалтэужьхэм ящыщу кьэбгьэлыгьуэ хьунуш хьэл псалтэ зэпхэхэм зэгьэпщэныгьэ мыхьэнэ хэзылхьэ хуэдэу, ещхьу жыхуйІэхэр, щхьэусыгьуэ-мурад зэхушытыкІэ кьэзыгьэлыгьуэхэу щхьэкІэ папщІэ(кІэ), щхьэусыгьуэ мыхьэнэ иІэу кьыхэкІкІэ (кьыхэкІыу): дэным хуэдэу кьэпльын, бабышым ещхьу есын, хьупІэм щхьэкІэ зэщыхьэн, и ныбжьэгьум хуэзэн щхьэкІэ, фІыуэ зэреджэм папщІэ(кІэ), кьулейсызыгьэм кьыхэкІкІэ (кьыхэкІыу).

Псалтэужь зыхэт зэхэлыкІэхэм шыщу я куэдагькІэ етІуанэ увыпІэр яІыгыщ объект псалтэ зэпхэхэм [Шаги́ров 2004: 312]. Объект псалтэ зэпхэхэм яхоувэ мыпхуэдэ псалтэужьхэр: деж (гьунэгьум деж екІуэкІын, ныбжьэгьум деж кьыкІыжын), дежкІэ (анэм дежкІэ тынштэкьым), щхьэкІэ, папщІэ (зауэлІхэм щхьэкІэ тхьыл тхын, сымаджэм щхьэкІэ гузэвэн, сабийм и узыншагьэм папщІэ гужьейн), и гугьу, теухуауэ (гьашІэм и гугьу, еджэным теухуауэ).

Лэжыгьэццэ псалтэ зэпхэ лэужьыгьуэ мэхьу псалтэужьхэм зыгьэнаІуэ-бжыгьэ, зыгьэнаІуэ-кьэзыухь, хьэл-зыгьэнаІуэ, и пІэ иувэныгьэ, хэтыныгьэ, партитив (Іыхьэм и мыхьэнэ) зэхушытыкІэ зыхалхьэхэр [Сакиев 1963: 72, 76–82]. Апхуэдэхэщ: нэс(кІэ) (ильэсым нэс(кІэ) зэрымылыгьун, улахуэр сом минитІым нэскІэ нэхьыбэ щІын), щІигьу (шу щитхум щІигьу, тхьыл тІошІым щІигьу), хуэдиз(кІэ), нэблагьэ(кІэ) (махуитІ хуэдизкІэ зыгьэпсэхун, тхьэмахуэм нэблагьэ кьуажэм шыІэн), фІэкІ(а), мыхьумэ, нэмыщІ (шым фІэкІ(а), нэмыщІ зыри фІэмыІуэхун, кьанжэр е кьашыргьэр мыхьумэ хэт джэджьейр зыхьар?), тету (хэбзэм тету, ящІа унафэм тету), ипІэкІэ, папщІэу (лэжыным ипІэкІэ кьыбгьэдэс хьэщІэхэм я нэхьыжыным псалтэ етын, лэпкьым я нэхьыжыыр адэ папщІэу бжын), щІыгьуу (щакІуэм щІыгьуу мэзым хьыхьэн, дзэшхуэм щІыгьуу кьуажэм теуэн), шыщ (кьалэдэхэм шыщ куэдым ядэлэжьэн, Ерокьуэ кьэбэрдей кьуажэ цыкІлүхэм ящыщ зыщ).

Къэхутэныгъэ едгъэкIуэкIам нэхъыщхьэу кърикIуауэ къыдолдытэ адыгэбзэм и псалъэ зэпхэхэр зэпкърыхыным бгъэдыхьэкIэщIэ къызэрыхуэдгъуэтар. Абы и фIыгъэкIэ ди бзэм и синтаксисым иджыри къэс гулытэ щIагъуэ щызмыгъуэта Iыхьэм зыужыныгъэ игъуэтынущ, ар нэхъ убгъуауэ хэтынущ зэман гъунэгъухэм къыдэкIын хуей грамматикэщIэм. Абы и закъуэкъым: нэхъапэхэм псалъэ зэпхэхэр зэрызэхадзу щытар абыхэм я Iыхьэхэр зыщыщ псалъэ лъэпкъыгъуэр арауэ щытамэ, иджы Iуэхур зытешIыхьауэ щытынур а Iыхьэхэм я зэхуаку къыдэхьэу мыхьэнэхэрщ.

ТегъэщIапIэхэр Список источников

БищIо 2023 – *БищIо Б.Ч.* Адыгэбзэм и гъэнахуэ, объект псалъэ зэпхэхэм я синтаксис нэхъэнгъэлабгъуэ // Вестник КБИГИ. 2023. № 1 (56). С. 38–46. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-1-56-38-46.

ГКЧЛЯ – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Наука, 1970. 216 с.

Камбачоков 1997 – *Камбачоков А.М.* Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Эль-фа, 1997. 236 с.

Карданов 1957 – *Карданов Б.М.* Грамматический очерк кабардинского языка / Кабардино-русский словарь. М.: Госнациздат, 1957. С. 489–576.

КЧЯ – Кабардино-черкесский язык. Т. I. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 552 с.

Сакиев 1963 – *Сакиев Н.Я.* Типы глагольных словосочетаний в современном кабардино-черкесском языке. Черкесск: Карачаево-черкесское книжное издательство, 1963. С. 46–58.

Урыс 1994 – *Урыс Хь.Щ.* Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. Налшык: Эльбрус, 1994. 360 н.

Шагиров 2003 – *Шагиров А.К.* Синтаксис словосочетания в кабардинском языке. Ч. I / Вестник КБИГИ. Нальчик, 2003. Вып. 10. С. 208–224.

Шагиров 2004 – *Шагиров А.К.* Синтаксис словосочетания в кабардинском языке. Ч. II / Вестник КБИГИ. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 302–313.

References

BIZHOEV B.CH. *Sintaksicheskaya karakteristika atributivnyh i ob'ektnyh slovosochetaniy kabardino-cherkesskogo yazyka* [Syntactic characteristics of attributive and object phrases of the Kabardino-Circassian language] IN: Bulletin of KBIHI. 2023. No. 1 (56). P. 38–46. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-1-56-38-46. (In Kabardino-Circassian)

GKCHLYA *Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language]. M.: Nauka, 1970. 216 p. (In Russian)

KAMBACHOKOV A.M. *Problemy prostogo predlozheniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Problems of a simple sentence in the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: El-fa, 1997. 236 p. (In Russian)

KARDANOV B.M. *Grammaticheskij ocherk kabardinskogo yazyka* [Grammatical essay on the Kabardian language] IN: Kabardian-Russian Dictionary. M.: Gosnatsizdat, 1957. P. 489–576. (In Russian)

KChYa *Kabardino-cherkesskij yazyk* [Kabardino-Circassian language]. T. I. Nalchik: State Enterprise KBR “Republican Polygraph Plant named after A.I. Revolutions of 1905” Publishing Center “El-Fa”, 2006. 552 p. (In Russian)

SAKIEV N.YA. *Tipy glagol'nyh slovosochetaniy v sovremennom kabardino-cherkesskom yazyke* [Types of verb phrases in the modern Kabardino-Circassian language]. Cherkessk: Karachay-Cherkess book publishing house, 1963. P. 46–58. (In Russian)

URUSOV KH.SH. *Adygskaya grammatika. Sintaksis, punktuaciya* [Adyghe grammar. Syntax, punctuation]. Nalshik: Elbrus, 1994. 360 p. (In Kabardino-Circassian)

SHAGIROV A.K. *Sintaksis slovosochetaniya v kabardinskom yazyke* [Syntax of a phrase in the Kabardian language]. Part I. IN: Bulletin of KBIGI. Nalchik, 2003. Vol. 10. P. 208–224. (In Russian)

SHAGIROV A.K. *Sintaksis slovosochetaniya v kabardinskom yazyke* [Syntax of a phrase in the Kabardian language]. Part II. IN: Bulletin of KBIGI. Nalchik, 2004. Vol. 11. P. 302–313. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Биццло Б.Ч. – филологие щцэныггэхэмкцэ доктор, щцэныггэ лэжьякцэуэ пашэ, адыгэбзэ секторым и унаффщцц.

Информация об авторе

Б.Ч. Бижоев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором кабардино-черкесского языка.

Information about the author

B.Ch. Bizhoyev – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher, Head of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.

Научная статья
УДК 81(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-54-66

АДЫГЭБЗЭМ СИНТАГМАТИКЭ ЗЭХУЩЫТЫКІӘКІЭ ЗЭПХА И ЛЕКСИКЭ-СЕМАНТИКЭ ГУП

Токмакь Мадина Хьэсэнбий инхьу

Гуманитар кьэхутэныгьэхэмкІэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шІэныгьэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгьэхэмкІэ и академием и Кьэбэрдей-Балькьэр шІэныгьэ центр» Федеральнэ шІэныгьэ центрэм» и филиал, Налшык, Урысей, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© Токмакь М.Хь., 2023

Аннотаци. Мы лэжыгьэр зытеухуар адыгэбзэм иджыри и кІэм нэсу кьышамыхутауэ щыт лексикэ синтагматикэраш. Мыбы кьышыдогьэлягьуэ бзэшІэныгьэлІ цІэрыІуэхэм псалъэхэр зэпха зэрыхьум и хабзэхэр джыным мыхьэнэшхуэ зэрыратыр, а лексикэ-семантикэ категорэм и гугьу щашІым деж зы фІэшыгьэцІэ хэхам зэрытемытыр. Кьыхыдогьэщ лексикэ зэпхыгьэщІыр мыхьэнэбагьэм зэрэпхар, ахэр зэгьусэу джын зэрыхуейр: лексикэ синтагматикэм мыхьэнэбагьэр зэхигьэкІыфынуш икІи кьигьэхьуфынуш, ІукІэзэщхь псалъэхэр зэхэгьэкІынми лексикэ синтагматикэм хэльхьэныгьэшхуэ хуещІ. КьыхыдогьэщхьэхукІ псалъальэхэм лексикэ-семантикэ лІэужыгьуэ псори кьызэрышчымыгьэлягьуам кьыхэкІкІэ кьэхутакІуэхэм абы гульытэ нэхь лей зэрыратын хуейр. Дытопсэльыхь псалъэ кьэс и зэпхыгьэщІыр езым и мыхьэнэм зэрелытам кьыхэкІкІэ синтаксис, лексикэ зэпхыгьэщІхэр зэрызэхакІыр, адыгэбзэм и синтаксис кьатыр кьазыгьэлягьуэ синтагматикэ зэхушчытыкІэхэм я кьэхутэным ехьулІэныгьэшхуэ зыІэригьэхьам. НаІуэ кьыдошІ псалъэм и лексикэ зэпхыгьэщІхэр абы и семантикэ зэхэлъыкІэм зэрелытар, занэхэм я зэмьшхьыныгьэм зэрэпхар. И гугьу дошІ бзэ кьэс хэт псалъэхэм адреј бзэхэм кьашхьэщыкІ зэпхыгьэщІ зэфІэкІ зэралэр, абы шыхьэт тохьуэ бзитІым кьагьэсэбэп псалъэхэр. Ди кьэхутэныгьэм кьегьэлягьуэ урысыбзэми, нэгьуэщІ индоевропеибзэми хуэмыдэу, адыгэбзэм хэт занэ куэдым шхьэхуэныгьэхэр Іуэхугьуэ пыухыкІам зэрэпхар, ахэр адыгэ лъэпкьым и кьышхьэщыкІыныгьуэ зэрышчытыр.

Зрыгьуэзэн псалъэхэр: синтагматикэ зэхушчытыкІэ, зэпхыныгьэ, мыхьэнэбагьэ, лексикэ зэпхыгьэщІ, контекст, лексикэ категорэ

Цитатэ кьызэрыхьэнхьунур: Токмакь М.Хь. Адыгэбзэм и синтагматикэ зэхушчытыкІэкІэ зэпха лексико-семантикэ гуп // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 54–66. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-54-66

Original article

LEXICAL SYNTAGMATICS OF THE KABARDINO-CIRCISSIAN LANGUAGE

Madina H. Tokmakova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© M.H. Tokmakova, 2023

Abstract. The article is devoted to one of the twelve categories of the lexico-semantic system distinguished in the Kabardino-Circassian language – lexical syntagmatics. The main achievements in its study, the importance of analyzing the laws of word combinations and problems requiring special research are reflected. There is a close connection with polysemy: each polysemantic word, depending on the force of attraction, semantic potential, valence, creates its own circle of phrases – free and phraseological. It is indicated that significant results have been achieved in the field of studying the syntactic syntagmatics of the Kabardino-Circassian language. It is emphasized that for each language there are specific associative potencies of parts of speech. It is shown how the originality of the lexical compatibility of words can be found more fully and deeply in contrastive-typological research: what is quite natural, traditional in one language is often unacceptable, and sometimes unthinkable in another. It is found that the originality of the Kabardino-Circassian language in the field of lexical compatibility of words explains to a certain extent the fact that one of the difficult areas in this language, in particular for those who study it as a non-native language, is not only grammatical categories in themselves, but their interweaving with special patterns of lexical compatibility, in which numerous units are even more individualized than, for example, in Russian, and have a high degree of specificity of actions. It is noted that this feature plays an important role in the formation of the national identity of the Kabardino-Circassian language.

Keywords: syntagmatic relations, polysemanticity, lexical compatibility, context, lexical category

For citation: Tokmakova M.H. Lexical syntagmatics of the kabardino-circassian language. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2023; 2 (57): 54–66. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-54-66

Научная статья

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мадина Хасанбиевна Токмакова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© М.Х. Токмакова, 2023

Аннотация. Статья посвящена одной из двенадцати категорий лексико-семантической системы, выделяемой в кабардино-черкесском языке, – лексической синтагматике. Отражены основные достижения в ее изучении, важность анализа законов сочетания слов и проблемы, требующие специальных исследований. Наблюдается тесная связь с полисемией: каждое многозначное слово в зависимости от силы притяжения, семантического потенциала, валентности создает свой круг словосочетаний – свободных и фразеологических. Указывается, что в области изучения синтаксической синтагматики кабардино-черкесского языка достигнуты значительные результаты. Подчеркивается, что для каждого языка существуют специфические сочетательные потенции частей речи. Показано как своеобразии лексической сочетаемости слов удается обнаружить полнее и глубже при контрастивно-типологическом исследовании: то, что вполне естественно, традиционно в одном языке, часто недопустимо, а иногда и немислимо в другом. Обнаруживается, что своеобразии кабардино-черкесского языка в области лексической сочетаемости слов объясняет в определенной мере тот факт, что одной из сложных сфер в этом языке, в частности для тех, кто изучает его как неродной, оказываются не только грамматические категории сами по себе, а их переплетение с особыми закономерностями лексической сочетаемости, при котором многочисленные единицы еще более индивидуализированы, чем, например, в русском, и обладают высокой степенью конкретности действий. Отмечается, что это особенность играет важную роль в формировании национальной самобытности кабардино-черкесского языка.

Ключевые слова: синтагматические отношения, полисемантность, лексическая сочетаемость, контекст, лексическая категория

Для цитирования: Токмакова М.Х. Лексическая синтагматика кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 54–66. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-54-66

Мы лексикэ-семантикэ категорэр адыгэбзэм иджыри и кIэм нэсу джа щымышуауэ жьпIэ хьунуш. БзэщIэныггэлIхэм лексикэ синтагматикэм и гугуу щаштым деж фIэщыггэцIэ зэмылIэужьыггэуэхэр кьаггэсэбэп, ауэ Виноград Т. зэрыжиIэмкIэ, «абыхэм мыхьэнэ зэмышхьхэр яIэщ, инэхьыбэм зэхэмызаггэуэ, икIи мыгурылуэггэуэ» [Виноград 1983: 124]. Псалъэм папщIэ: псалъэм и синтагматикэр, псалъэм и синтагматикэ зэпхыныггэхэр, псалъэм и лексикэ зэпхыггэщIыр, псалъэм и грамматикэ зэпхыггэщIыр, псалъэм и синтаксис зэпхыггэщIыр, псалъэм и зэпхыггэщIыр, лексемэм и кьэзыухьуреихьыр, псалъэм и кьэзыухьуреихьыр, лексемэм и кьэзыухьуреихьым и зэхэлъыкIэр, синтаксис зэпхыггэщIыр, семантикэ зэпхыггэщIыр...

Семантикэр кьэхутэнымкIэ щыIэ ехьулIэныггэхэм емылгытауэ, иджыри кьыздэсым бзэщIэныггэм ищхьэкIэ кьэдггэлъэггэуэ фIэщыггэцIэхэр наIуэу зэхиггэкIакьым. А фIэщыггэцIэхэр зэггэпщэныр щхьэхуэу джын хуей Iуэхуш. Иджырей семантикэ терминологийер адрей бзэ кьатхэм елгытауэ нэхь гугууу щытщ, иджыри зэIубз мыхьуауэ. Кьыхэдггэщынщи, кьэдггэлъэггэуэ фIэщыггэцIэхэм яз ди хэкуми, нэггэуэщI кьэралхэми кьыщыдэкIа бзэщIэныггэ фIэщыггэхэм я псалъалъэхэм хаггэхьакьым [Марузо 1960; Вахек 1964; Хэмп 1964; Нечаев 1976; Розенталь, Теленкова 1972; 1976; 1985; РЯЭ 1979], ЛЭС-м [1990: 79], РЯЭ-м [1997: 654] нэмышI. Апхуэдабзэу зэреджэ тхыльхэми а фIэщыггэцIэхэм уащхуэзэнукуым.

Псалъэхэр зэпха зэрыхьум и хабзэхэр джыным мыхьэнэшхуэ зэриIэр Щербэ Л.В. кьыхиггэщауэ щыташ: «ДауикI, дыщыпсалъэкIэ псалъэхэм зей зыхэдмыха я ггэпсыкIэхэр кьыдоггэсэбэп, псалъалъэхэм имыт псалъэхэр кьыдоггэхьу, икIи, нэхьыщхьэращи, зыкIи шэч кьытедмыхьэу, псалъэхэр зэдопх... хабзэ гуэрым тету... Синтаксисым и хабзэхэракьым зи гугуу сщIыр, атIэ, абы нэхьрэ мыхьэнэшхуэ нэхь зиIэ мыхьэнэхэр зэхэлъхьэным и хабзэхэраш – абыхэмкIэ мыхьэнэхэр зэхэлъхьэ мыхьуу мыхьэнэшIэ кьыдат» [Щерба 1974: 24].

Щербэ Л.В. и гупсысэхэм зриггэужьу, псом хуэмыдэу псалъэхэр, мыхьэнэхэр зэпха зэрыхьум и хабзэхэр мыщIэным узыхуэмей щыуаггэ кьызэришэр, кьыхиггэщу, Виноградов В.В. иужь дыдэу итха и лэжыггэхэм ящыщ гуэрым щыжеIэ: «УхуэжIэкIэ зэмышхьэ зэхушчытыкIэхэр е бзэм и кьатхэр зэхэмыггэкIыным е зэхэггэзэрыхьыным, абы нэмышI абыхэм я зэхушчытыкIэхэр куууэ зэпкьыха зэрыхьыуам бзэм и занэ зэхэлъыкIэкIи мыхьэнэкIи зэмышхьхэр зэхэзэрыхьыным хуэшэ. Псом хуэмыдэу мыхьэнэшхуэ иIэщ лексикэ-семантикэ кьатымрэ грамматикэ кьатымрэ я зэпыщIэныггэхэр джыным» [Виноградов 1969: 5]. БзэщIэныггэлIым кьыхеггэщ, мыхьэнэ зэхэлъхьэным и хабзэхэм щыггэуэзэныр – псалъэм и грамматикэ, семантикэ кьатхэм я зэпыщIэныггэмрэ псалъэхэм, псалъэ зэпхахэм, псалъэхуэхэм я зэкуныггэ хабзэхэмрэ тещIыхар – сэбэп хуэхьунут занэхэр бзэм, жьабзэм зэрызэдыхэтэр нэхь IупщIу кьэггэлъэггэуэнымкIэ. Абыхэм псоми, Виноградов В.В. зэритхымкIэ, псалъалъэ зэхэлъхьэным кьалэнышхуэ шаггэзащIэ. ЖиIам и щыхьэту кьехь псалъэхэм, псалъэ зэпхахэм я мыхьэнэ зэхэмыггэкIыным, абыхэм я квалификацэмрэ грамматикэ гурыггэуэныггэ зэрамыIэмрэ е нэггэсауэ кьэмышхутауэ зэрышчытымрэ я шапхьэхэр [Виноградов 1969: 6–7].

Зи гугуу тщIы щыщIаггэхэм псалъалъэ зэхэлъхьэным елэжхэр фIуэу щыггэуазэщ, псом хуэмыдэу лэпкьым и мыхьэнэггэнахуэ псалъалъэ зыщIхэр: япэрауэ, ар семасиологийер, семантикэр нэггэсауэ кьэхутауэ зэрышчымытыраш, етIуанэрауэ, езы лексикэ-семантикэ системэр гугууу зэрышчытырщ, грамматикэ

системэм зэрыпщІарщ. Апхуэдэ щыщІагъэхэмрэ ахэр къэзышэ шхъэусыгъуэхэмрэ куэдү тхыгъэщІэбзэхэм я псалъалъэхэм зэрыхэтыр гурыуэгъуэщ.

Мыхъэнбэ псалъэхэр къэхутэным и гугъуагъым Медниковэ Э.М. мыпхуэдэу топсэлъыхъ: «Куэдрэ мыпхуэдэ упщІэ ягъэув – семантикэ къэхутэным сыт япэ игъэщын хуейр – псалъэм и мыхъэнэбагыра (лексикэ-псалъафэ лІэужыгъуэхэр къэзыгъэху псалъэм и зэфІэкІхэр), хъэмэрэ абы и зэпхыгъэщІыра (псалъэм и «пхыдза» щытыкІэхэр, лексикэ-псалъафэ зэпыщІэныгъэхэр зэхигъэкІыфу) [Медникова 1974: 44]? Псалъэм папщІэ, *цхъэ* псалъэм мыпхуэдэ мыхъэнэхэр зэриІэм: 1) «цІыхум, псэушхъэм я пкъым щыщу нэ, пэ, жъэ, тхъэкІумэ с.ху. хыхъэу пщэм фІэтыр»; 2) «Іэщым ехъэллауэ къышагъэсэбэным деж бжыгъэцІэхэм ядэщІыгъуу къапсэлъ хабзэ псалъэ»; 3) «акъыл»; 4) «цІыхум и дунейеплъыкІэм, зэфІэкІым хужаІэ»; 5) «уэшх, уэс с.ху. щихъумэу псэуалъэм тращІыхьыр»; 6) «зыгуэрэм и щІылу лъэныкъуэ»; 7) «зыгуэрэм и шхъэкІэ, шхъэщыгу»; 8) «псы къыщІэдзапІэ»; 9) «зыгуэрэм и клапэ, и клэух гъум»; 10) «пкъы кІыхъ гуэрэм ишхъэкІэ щыІэ шхъэфэ, щІылу бгъуэ»; 11) «зыгуэрэм, къэкІыгъэм п.п. ишхъэкІэ щыІэ Іыхъэ»; 12) «шашхъэ, шатэпс»; 13) «шатэпхъафэ»; 14) «грамматикэ фІэщыгъэцІэр»; 15) «щІэ» [Апажев 1992: 246–247]; н.къ. къыхэкІрэ мыпхуэдэ контекстхэм хэтыныр: 1) *цхъэ щІэща, цхъэ упса, цхъэбалыджэ, цхъэкъэб*; 2) *цхъэ бжыгъэ, Іэщышхуэу цхъэ бжыгъэ мин*; 3) *цхъэ зыфІэт гуэр, цхъэфІ зыфІэт*; 4) *цхъэм имытмэ, лъакъуэм имыгъуагъэщ, цхъэр псэумэ, ныІэ щыщІэркъым*; 5) *цхъэ тельхъэн, унэшхуэм и цхъэр зэхуэкІын, хэтхэ я унацхъэ къанжэ тес?* 6) *кладацхъэ, клэструлыцхъэ*; 7) *жыгыщхъэм тесын, мэкъу Іэтэм и цхъэр теудын*; 8) *псыщхъэм нэс клуэн, псынацхъэм деж псыр нэхъ щыщІыІэщ*; 9) *бжыныхуцхъэ*; 10) *винтыцхъэр фІэчащ, гъуцІ Іунацхъэр къытельэтащ*; 11) *ицхъэр сысейщ, илбабжъэр ууейщ*; 12) *шатэпсым и цхъэр къыщхъэщыгъэжын*; 13) *шэ гъэщтам и цхъэр гъэдиин*; 14) *глаголым цхъэкІэ зэхуэж*; 15) *ицхъэхэм я зэлуцІэ* н.къ.? Хъэмэрэ а мыхъэнэхэр *цхъэм* щІиІэр и лексикэ-псалъафэ илъэныкъуэкІэ ишхъэмкІэ къыщыхъа псалъэхэм епха зэрыхур ара? НэгъуэщІу жыпІэмэ, дэтхэнэ щІэдзапІэр а тІум ящыщу япэ къежъа? Медниковэ Э.М. зэритхымкІэ, апхуэдэ абстракт-философие бгъэдыхъэкІэм уигу къегъэкІыж: «сыт япэ щыІар – джэдыра, хъэмэрэ джыдыкІэра» – жыхуиІэ зэныкъуэкър. Апхуэдабзэу, хэкІыпэншэщ «мыхъэнэбагъэ → зэпхыгъэщІ» е «зэпхыгъэщІ → мыхъэнэбагъэ» зэдауэри. Мыбы и хэкІыпэу Медниковэ Э.М. илъягъур зи гугъу тщІы фІэщыгъэцІэхэр зэхэгъэкІыныр, ахэр гъэбелджылыныр, абыхэмрэ синтагматикэмрэ парадигматикэмрэ я гурыуэгъуэхэмрэ зепэлытыныр, псалъэм и мыхъэнэрэ ар здыхэт псалъэ зэпхамрэ (контекстымрэ) я зэхуаку дэлъ зэпыщІэныгъэр зыхуэдэр убзыхуныр аращ [Медникова 1974: 44, 45].

Бзэм къалэнышхуэ щызыгъэзащІэ мыхъэнэбагъэм псалъэм мыхъэниІ е нэхъыбэ ирит къудейкъым, Ахмановэ О.С. зэритхымкІэ, а мыхъэнэхэр Іэмал имыІэу зэпхауэ щытын хуейщ [Ахманова 1966: 335]. НэгъуэщІу жыпІэмэ, а зы макъ комплексым предмет, къэхъугъэ зэмыщхъэр къегъэлыагъуэ, мыхъэнэкІэ зэтемыхуэ псалъэ зэпхахэм хэту. «Мыхъэнэбагъэм хуэдэу лексикэ зэпхыгъэщІри бзэм и фактщ, псалъэм и зы щытыкІэщ – жъабзэм псалъэ зэпхакІэ синтагматикэ зэпыщІэныгъэхэр къыщигъэлыагъуэу» [Медникова 1974: 46]. Апхуэдэу щыщыткІэ, мыхъэнбэ псалъэхэм, я семантикэ зэфІэкІым, зэпхыгъэщІым елытауэ, езыхэм я псалъэ зэпхахэр (хуитхэмрэ псалъафэхэмрэ) къагъэщІ. Абы кыкІыращи, псалъэм и мыхъэнэр нэхъ щызу къызэлуха шохуэ бзэм хэт парадигматикэ зэпыщІэныгъэхэмрэ жъабзэм гъэзэщІа щыхуэ синтагматикэ зэпыщІэныгъэхэмрэ. Абы щыхъэт тохуэ Апажэ М.Л. [1992] иригъэкІуэкІа лексикографие лэжыгъэр – иджырей адыгбзэ мыхъэнбэ псалъэхэу шэ бжыгъэ зыбжанэм я парадигматикэ, синтагматикэ зэпыщІэныгъэхэр зэрызэпкърихар. Абы къыхегъэщ лексикэ-семантикэ лІэужыгъуэ псори псалъалъэхэм къызэрыщымыгъэлъэгъуар. Апхуэдэу щытми, 1957 гъэм къыдэкІа «Къэбэрдей-урыс псалъалъэм» [КРС]

мыхьэнэ куэд (инэхьыбэм 4–5, уеблэмэ 8–9-м нэсу) зиІэ псалъэхэр итщ: *еуэн* – 10, *кьабзэ* – 11, *гьэувын* – 5, *кьешэкІын* – 5, *кьикІын* – 6, *нэж* – 5, *псалъэ* – 6, *псы* – 6, *пхьэ* – 5, *телъхьэн* – 6, *фэ* – 6, *хэлын* – 6, *хуабжьу* – 5, н. Абы иужькІэ 1999 гъэм кьыдэкІа «Адыгэбзэ псалъальэм» [СКЧЯ] мыхьэнэбэ псалъэ куэд хэтщ – мыхьэнитху, мыхьэних, абы нэхьрэ нэхьыбэ яІэху: *гуацІэ* – 5, *захуэ* – 5, *зэгъэпэщын* – 6, *зэтекъутэн* – 6, *кьэгъэнэн* – 10, *кьэубыдын* – 8, *кьэутІыпщын* – 6, *кьихын* – 6, *кьызыцІэнэн* – 5, *лѳабжьэ* – 7, *лѳанэ* – 5, *теубыдэн* – 6, *хуэзэн* – 6, *щабэ* – 7, *Іув* – 5, н. «Щапхьэу кьэхьа псалъэхэр псори и кІэм нэсу зэпкьрыха хьуауэ щыткьым. Нэхь куууэ уелэжьмэ, псалъэхэм ящыщ куэдым нэгъуэщІ семантикэ зэхэлъыкІэхэри яІэу кьыщІокІ. Гурыуэгъуэщ ар дапщэщи псалъэхэм я мыхьэнэкІэ нэхь иужькІэ зауужьыным зэремыпхар, ауэ, дауикІ, мы псалъальэхэр кьыщыдэкІа лъандэрэ адыгэбзэ семантикэ системэм зэхьуэкІыныгъэ гуэрхэри игъуэтащ» [Апажев 1992: 249].

Аращи, системэ зэпыщІэныгъэхэр кьэзыгъэлыгагъухэм ящыщ зыщ псалъэхэм я зэгъэкІуныгъэ хабзэхэри, нэгъуэщІу жыпІэмэ синтагматикэ зэхушытыкІэхэр. Андрей кьэхьукъащІэхэм ещхьу, лексикэ синтагматикэри бзэм и системэм хохьэ, ауэ ассоциатив е парадигматикэ зэпыщІэныгъэхэм елытауэ ар контекстым нэхь епхаш. Псалъэхэм я зэпхыгъэщІ эфІэкІэху синтагматикэ зэпыщІэныгъэхэр псалъэхэм я мыхьэнэхэм, лексикэ зэгъэкІуныгъэ хэхам кьызэкъуах. Лексикэ зэгъэкІуныгъэр – предмет-логикэ мыхьэнэм тешІыхьа мыхьэнэхэм я зэпыщІэныгъэщ, синтаксис зэгъэкІуныгъэр – жьабзэм псалъэхэр зэрыщызэпхам и хабзэщ.

Адыгэ бзэщІэныгъэм и синтаксис кьатыр кьэзыгъэлыгагъуэ синтагматикэ зэхушытыкІэхэр кьэхутэнымкІэ ехьулІэныгъэшхуэ зыІэригъэхьащ [Яковлев, Ашхамаф 1941; Яковлев 1948; Кумахов 1989]. Псалъэм папщІэ, адыгэбзэм и синтаксис зэгъэкІуныгъэхэм япэу тетхыхар Къумахуэ Мухьэдинщ [Кумахов 1989: 299–331]. Абы кьыхигъэшащ псалъэ зэпхам и лѳэужьыгъуэу 9: 1) щыІэцІэ + плъыфэцІэ (*шыбжій плъыжь, гьуэжьуз, пасэрей хабзэ, хьарбыз ІэфІ, нобэрей газет*); 2) щыІэцІэ + бжыгъэцІэ (*мазибгъу, зы унэ, цІыху тІоцІрэ цІыхуитхурэ, езанэ класс, и Іыхьэ пцІанэ*); 3) щыІэцІэ + щыІэцІэ (*мывэ фІамыщІ, гьуцІ гьуэлъыпІэ, дыщэ цІыІу, пхьэ гуахьуэ*); 4) лэжыгъэцІэ + еигъэ лѳабжьэгъусэ (*цІалэм и цей, хьыджэбзым и бостей, лъыжьым и пыІэ*); 5) щыІэцІэ + цІэпапщІэ (*си унэ, мы Іуэхур, цІыху гур, дуней псор, езы цІалэр*); 6) щыІэцІэ + ІуэхуцІэ (*пэшым цІэсыр, тхыль еджэ цІалэр, кьэкІуа пцІацэр, цІыхуу кьызэжьэр, унэ зыцІа цІалэр*); 7) лэжыгъэцІэ + щыІэцІэ (*уод бостей, совэ цІыр, Іэклэ ецІ, Іэгум ирелъхьэ, солъагъу уафэр*); 8) лэжыгъэцІэ + кьэхьукІэцІэ (*дэнэ укІуэрэ – уздэкІуэр дэнэ?, нобэ кьокІуэ – кьокІуэ нобэ, дыгъуасэ слъэгъуащ, ныжэбэ кьокІуэ*); 9) псалъэ зэпха + псалъэужь (*нобэ лъандэрэ цысыщ, шэджагъуэ нэужьым кьокІуэ, унэм деж цысыщ, пцІацэм цхьэкІэ ецІ, лъыжьым и пацхьэм итц*).

Адыгэбзэм и лексикэ, семантикэ кьатхэм синтагматикэ зэхушытыкІэхэр иджыри кьышахутахьым. Апажэ М.Л. зэритхымкІэ, ар джыным бзэм мыхьэнэшхуэ щыІэщ, псом хуэмыдэу лексикологиерэ лексикографиерэ зригъэужьыным папщІэ [Апажев 1994: 4–8]. ЖыІэгъуэхэм, тхыгъэхэм псалъэхэр синтаксис хабзэ гуэрхэм тету зэрыщызэгухьэм, псалъэ кьэс и зэгъэкІуныгъэр езым и мыхьэнэм зэрилъытам кьыхэкІкІэ, синтаксис, лексикэ зэгъэкІуныгъэхэр зэхагъэкІ – «синтаксис зэгъэкІуныгъэр псалъэм и лексико-грамматикэ шытыкІэм тешІыхьауэ, лексикэ зэгъэкІуныгъэр псалъэм и мыхьэнэм тешІыхьауэ» [Шмелев 1973: 160].

Синтаксис кьатым емыщхьу, лексикэм деж зэпхыгъэщІым хэдэныгъэ щыІэщ. Псалъэм папщІэ, *гулътэ* псалъэр *хуэцІын*-ым гъусэ хуэхьу, ауэ *гулътэ гьэзэцІэн* жыпІэ хьунукьым – *гьэзэцІэн* лэжыгъэцІэр *кьалэн*, *лэжыгъэ* псалъэхэм я гъусэущ кьызэрасэбэп хабзэр. Псалъэ *тхьэцІын*-ыр *хьэжьуцыкьу*, *напэ*, *Іэ*, *вакьэ*, *машынэ* с.ху. щыІэцІэхэм йокІу. ЩІэуэ кьежьауэ: *пыІэцІэр тхьэцІын*, *саугъэтыр тхьэцІын* – зэхьэкІа мыхьэнэ иІэу. ЛэжыгъэцІэ лъэлэххуэ *гьэпскІын*, *жьыцІын* с.ху., лэжыгъэцІэ лъэмыІэс *жьыцІэн*-ыр хуиту псалъэ лъэпкьыгъуэ

зэмылIэужыгыгуэхэм гуэгъу яхуохъу: *сабийр гъэпскIын, шыр гъэпскIын, джанэр жыщIын*, н. Апхуэдэу щыткъым а семантикэ гупым хэт лъэсын, *хуцIын* псалъэхэр: *лъэсын-ыр хугу, прунж унэлъэгу, вакъэ, бжэцхьэлэу* с.ху. псалъэхэм я гъусэу къагъэсэбэп, ауэ *хуцIын-ыр цхьэ* щыIэцIэ закъуэрщ зыпыуэр.

Къыхэгъэщыпхьэщ лексикэ зэпхыгъэщIыр мыпхуэдэ парадигматикэ упщIэхэм зэрэпхар: Дапхуэдэу зэрыжыпIыну? Апхуэдэу жыпIэ хъуну? Дапхуэдэу жыпIэмэ нэхьыфI? ЩыIэцIэ гуэр мыпхуэдэ щыIэцIэм, плыфэцIэм, къэхьукIэцIэм я гъусэу къэбгъэсэбэп хъуну? Ди жагъуэ зэрыхъунщи, ди мыхьэнэгъэнахуэ псалъалъэхэм абыхэм я жэуап щыбгъуэтынукъым. Псалъэхэм я зэпхыгъэщI зэфIэкIхэр къэзыгъэлыагъуэ псалъалъэхэр ди бзэм иджыри хузэхалъхьакъым.

Псалъэм и лексикэ зэпхыгъэщIыр абы и семантикэ зэхалъыкIэм елытащ. Псалъэм папщIэ, «Къэбэрдей-урыс псалъалъэм» [КРС] *зехьэн* лэжыгыгъэцIэм мыхьэнищ иIэу къэгъэлыагъуэ, «Адыгэбзэ псалъалъэм» [СКЧЯ] – мыхьэнибл иIэу. Апажэ М.Л. [КЧЯ Т. II: 69] а псалъэм и зэпхыгъэщI зэфIэкIхэр къыхута нэужькIэ къыщIигъэщаш *зехьэн-ым* мыхьэнэ нэхьыбэ зэриIэр: **Зехьэн** – 1. *жыым пцIащэ гъуар зэрехьэ*; 2. *ныбэкIэ зехьэн* (сабийм щхьэкIэ); 3. *пацIэ, жыакIэ зехьэн*; 4. *Iэщэ, Iэлъын, нэгъуджэ, вакъэ зехьэн*; 5. *унэцIэ, цIэ лъапIэ зехьэн*; 6. *ятIэ зехьэн*; 7. *фадэм зэрехьэ*; 8. *хабзэ зехьэн, адыгагъэ зехьэн*; 9. *къулыкъу зехьэн, къэрал зехьэн*; 10. *сымаджэ зехьэн, сабий (лIыжъ-фызыжъ) зехьэн*; 11. *Iэнэ зехьэн*; 12. *бзаджэнаджагъэ, мыхъумыщIагъэ зехьэн, залымыгъэ зехьэн*; 13. *бзэгу зехьэн, псалъэ зехьэн*; 14. *кIэкIэ зехьэн* (зэрызэпсалъэ жьабзэм); 15. *унагъуэ зехьэн, Iуэху зехьэн*; 16. *Iуэхур зехьэн* (юрид.), н.

Апхуэдабзэу, Апажэ М.Л. [КЧЯ Т. II: 69] *еуэн* псалъэм мыпхуэдэ зэпхыгъэщI зэфIэкIхэр иIэу къэгъэлыагъуэ: 1. *напэм еуэн; бгым джэдыкIэкIэ йоуэ* (псалъэжъ); 2) *тхьэгъуш еуэн*; 3) *Iэгу еуэн; Iэгу йоуэ*; 4) *нэщанэ еуэн, мэзджэд лъэтам еуэн*; 5) *блэ ззуар аркъэным щоцтэ* (псалъэжъ); 6) *мыIэрысэм (кIэртIофым) цIыIэ еуащ*; 7) *хъун еуэн*; 8) *Iэпэшыны, пианинэ, гитарэ еуэн; вальс еуэн*; 9) *мэкъу, мэш еуэн*; 10) *мэз, чы еуэн*; 11) *зэхьэкIа мыхьэнэ – ар начальникым еуащ (шубащ, хуэпсэлыащ)*. Абы нэмыщI, псалъафэхэр, абыхэм хуэкIуэ псалъэ зэрылыгъхэр къыхэбгъэщ хъунуш. Абыхэм ищхьэкIэ къедбжэкIа мыхьэнэхэм хэмыхьа лексико-семантикэ лIэужыгыгуэхэр къагъэнаIуэ: *хуабэ еуэн – хуабэ къеуащ сабийм; дыгъэ еуэн* 1) «куэдрэ дыгъэм зэрыхэтам къыхэкIкIэ сымаджэ хъун»; 2) «дыгъэкIэ пхьэщхьэмыщхьэхэр, хадэхэкIхэр гъэгъушын»; *гум еуэн; тхъу еуэн; псыдыуэ еуэн; бадзэ еуэн* 1) «бадзэхэр Iухун»; 2) «Iуэхуншэу щысын, щытын»; *пхьэпс еуэн; лъы еуэн; шоткIэ еуэн; сабэ еуэн* 1) «уеуэрэ зыгуэрим (алэрыбгъум, щыгыным с.ху.) сабэр къыхегъэхун»; 2) «зыгуэрим и щыIум сабэр тельэщIыкIын»; *цыблэ еуэн – цыблэр жыгым еуащ; ерэч еуэн; Iэмал еуэн; сэхусэплэ еуэн*.

Бзэ къэс хэт псалъэхэм адреи бзэхэм я апхуэдэ псалъэхэм къащхьэщыкI зэпхыгъэщI зэфIэкI яIэщ, ар наIуэ мэхъу бзитI щызэбгъапщэкIэ. Къапщтэмэ, адыгэбзэ лэжыгыгъэцIэ *етын-ыр* щыIэцIэ зыбжанэм я гъусэу къагъэсэбэп, урысыбзэм а щыIэцIэ дыдэхэм щхьэж езым и лэжыгыгъэцIэ хэха щыIэжщ:

<i>ЕТЫН объявленэ</i>	–	<i>ДАТЬ объявление</i>
<i>ЕТЫН судым</i>	–	<i>ПРЕДАТЬ суду</i>
<i>ЕТЫН выговор</i>	–	<i>ОБЪЯВИТЬ выговор</i>
<i>ЕТЫН орден</i>	–	<i>НАГРАДИТЬ орденом</i>
<i>ЕТЫН званэ</i>	–	<i>ПРИСВОИТЬ звание</i>
<i>ЕТЫН премэ</i>	–	<i>ПРИСУДИТЬ премию</i>
<i>ЕТЫН повесткэ</i>	–	<i>ВРУЧИТЬ повестку</i>
<i>ЕТЫН сыхьэт</i>	–	<i>ДАВАТЬ часы (уроки)</i> .

Ауэ, абы кыкIыркъым урысыбзэм и псалъэ куэдым япIэкIэ адыгэбзэм зы мыхьэнэбэ псалъэ фIэкIа дапщэци кымыгъэсэбэпу. Къэдгъэлыагъуа шапхьэм хуэмыдэу, куэдрэ ухуозэ урысыбзэм и зы лэжыгыгъэцIэм ипIэкIэ адыгэбзэм псалъэ зыбжанэ къыгъэсэбэпу. Псалъэм папщIэ:

НАДЕТЬ шапку – *нылэр ЦХЬЭРЫТИЭГЪЭН*
 НАДЕТЬ пальто – *бэльтор ЦЫТИЭГЪЭН*
 НАДЕТЬ обувь – *вакээр ЛЬЫТИЭГЪЭН*
 НАДЕТЬ фартук – *клэпхыныр IУПХЪУЭН*
 НАДЕТЬ бусы – *цыгээр ПЩИЭХЭЛЪХЪЭН*
 НАДЕТЬ кинжал – *къамэр КIЭРЫЩИЭН*
 НАДЕТЬ перчатки – *Iэлээр IЭРЫТИЭГЪЭН*
 НАДЕТЬ погоны – *дамэтэлъхэр ТЕЛЪХЪЭН*
 НАДЕТЬ орден – *орденыр ХЭЛЪХЪЭН*
 НАДЕТЬ очки – *нэгъуджэр IУЛЪХЪЭН*
 НАДЕТЬ серьги – *тхьэкIумэ тхьэгъухэр ИЛЪХЪЭН*
 НАДЕТЬ галстук – *пцэдэлъыр ДЭЛЪХЪЭН*
 НАДЕТЬ брошь – *бгъэхэлур ХЭIУН*
 НАДЕТЬ шлею – *шытенхъуэр ТЕПХЪУЭН*
 НАДЕТЬ попону – *шытенхъуэр ТЕПИЭН*
 НАДЕТЬ ярмо – *бжъыр ТЕКЪУЭН*
 НАДЕТЬ на палец – *Iэпхуамбэм ФIЭIУН, ФIЭЛЪХЪЭН*
 НАДЕТЬ коньки – *лъэрыжэхэр ЩIЭПХЭН, н.*

Къыхэгъэщыпхъэщ, адыгэбзэм щыгъын, вакъэ, щхъэм щхъэратIагъэ, зыгъэщIэращIэ гуэр къэзыгъэлъагъуэ псалъэ къэс лэжыгъэщIэ щхъэхуэхэр къазэрыпыувэр. Апхуэдэ псалъэ зэпхэхэм я щыIэцIэхэр лэжыгъэщIэхэм я зы Iыхъэу хохъэ, псалъэм папщIэ: *лъытIэгъэн, цхъэрытIэгъэн, IэрытIэгъэн, пцIэхэлъхъэн, н.* Щапхъэ къэтхъэхэр нейтрал лексикэм щыщщ, къызэрыгуэкI псалъэхэр – *орденыр клэрылун, нылэр цхъэрылун* хуэдэхэр – абы хэдгъэхъакъым.

Урысыбзэ *идти* псалъэм хуэкIуэу адыгэбзэм, щыIэцIэ зэпхам елытауэ, лэжыгъэщIэ зэмылIэужыгъуэр къыщагъэсэбэп:

- 1) *щIалэр макIуэ – юноша идет*
- 2) *хъыбар къокIуэкI – молва идет*
- 3) *зэлущIэр йокIуэкI – встреча идет*
- 4) *пащIэр йокIу – усы идут*
- 5) *уэих къоих – дождь идет*
- 6) *уэс къос – снег идет*
- 7) *уэ къох – град идет*
- 8) *лъы къокI – кровь идет*
- 9) *щIотIысыкI, щIелъафэ – идет ко дну*
- 10) *шхыным ехъ – на еду идет*
- 11) *щхъэм икIыркъым – из головы не идет*
- 12) *щхъэм къыхъэркъым – в голову не идет*
- 13) *бжыгъэм хыхъэркъым – в счет не идет*
- 14) *псыр къокIуэ – вода идет*
- 15) *Iугъуэр йокI – дым идет*
- 16) *хъуниц, сыарэзыщ – идет*
- 17) *мэ дахэ къыкIэрех – от него идет аромат*
- 18) *мэ къыжъэдех – запах идет изо рта*
- 19) *мэ къыкIуэцIех – запах идет изнутри*
- 20) *мащэм бамэ кърех – вонь идет из ямы*
- 21) *гъуцI Iунэр блыным хохъэ – гвоздь идет в стену*
- 22) *шырыкъур лыхъэркъым – сапог не идет на ногу*
- 23) *Iуданэр фIэхъэркъым – нитка не идет в иголку*
- 24) *и жеин къакIуэркъым – сон не идет*
- 25) *зэманым докIу – идет с веком наравне*
- 26) *Iуэхур зауэм хуокIуэ – дело идет к войне, н.*

Урысыбзэ *снять* псалъэм хуэкIуэу адыгэбзэм лэжыгыгъэцIэ нэхьыбэж кыщыцагъэсэбэп:

- 1) *тхылгыр дапхъэм къехъэхын – снять книгу с полки*
- 2) *пыIэр цхъэрыхын – снять шапку*
- 3) *цыгыныр цыхын – снять одежду*
- 4) *вакъэр лыхын – снять обувь*
- 5) *бэлътор фIэдзапIэм кыфIэхын – снять пальто с вешалки*
- 6) *кIэлхыныр, нэгъуджэр Iухын – снять фартук, очки*
- 7) *телефон трубкэр кытехын – снять телефонную трубку*
- 8) *зэрадыжа Iуданэхэр кыхэхыжын – снять швы*
- 9) *къамэр кIэрытIэтыкIын – снять кинжал*
- 10) *Iэлъэр, Iэлъыныр Iэрыхын – снять перчатки, кольцо*
- 11) *орденыр, медалыр кIэрыхын – снять орден, медаль*
- 12) *сурэт, фильм, копие техын – снять фото, фильм, копию*
- 13) *бгъэхэIур, мастэкъуанишэр хэхын – снять брошь, булавку*
- 14) *тхэкIумэ тхэгъухэр ихын – снять серьги*
- 15) *пцэдэлгыр дэхын – снять галстук*
- 16) *хъэмут пцIэхэхын – снять хомут*
- 17) *лэрыжэхэр щIэтIэтыкIын – снять коньки*
- 18) *теуванIэхэр Iухыжын – снять строительные леса*
- 19) *дзэхэр кыIушыжын, къеджэжын – снять войска*
- 20) *шым налыр щIэхын – снять подкову с коня*
- 21) *шым шхуэIур жэздэхын – снять удила с коня*
- 22) *фэтэр къэщтэн – снять комнату*
- 23) *гъавэр къехъэлIэжын – снять урожай*
- 24) *бий къэрэгъулыр укIын, пхын – снять вражеского часового*
- 25) *сурэтыр блыным кыкIэрыхын – снять картину со стены*
- 26) *кыхэплъхам къегъэгъэзэжын – снять свое предложение*
- 27) *мыIэрысэр кыпычыжын – снять яблоки с дерева*
- 28) *нащэ кыщIэчыжын – снять огурцы*
- 29) *шащхэр кытельэщIыкIын – снять пенку с молока*
- 30) *нартыхур кыдэчын – снять кукурузу*
- 31) *аркъэ пэтеж тегъэжын – снять первач с самогона*
- 32) *студентхэр еджэным кытечын – снять студентов с занятий*
- 33) *лэжьапIэм кытегъэкIын, кыIугъэкIын – снять с работы*
- 34) *учетым кыхэдзыжын, кыхэгъэкIыжын – снять с учета*
- 35) *жэуап къеIыхын – снять показание*
- 36) *цхъэр фIэхын – снять голову с плеча.*

Апхуэдэ лэжыгыгъэцIэхэр, щыIэцIэ хэхам екIухэр, Апажэ М.Л. [КЧЯ Т. II: 72] «зэ фIэкI къамыгъэсэбэп лэжыгыгъэцIэкIэ» йоджэ. Абыхэм ещхъкыым «куэдрэ къагъэсэбэп лэжыгыгъэцIэхэр», хуиту псалъэ зыбжанэм екIухэр. Къэдгъэлъэгъуа щытыкIэр нэгъуэщI лексикэ зэпхыгъэщI зэмылIэужыгыгъуэхэми яхуэпхъ хъунуш.

Апхуэдабзэу адыгэбзэм и нэхъ мыхъэнэбэ псалъэхэм я лексикэ синтагматикэр къахутауэ щытащ [Апажэ 1992], абы кыгъэлъэгъуащ лексикэ системэ псор а лъэныкъуэмкIи джын зэрыхуейр. Абы нэмышI, абы тещIыхъауэ адыгэбзэ мыхъэнэгъэнахуэ псалъальэмрэ бзитIым я мыхъэнэгъэнахуэ псалъальэмрэ я лIэужыгыгъуэщIэ кызыгъэпэщын зэрыхуейр – псалъэм и щхъэхуэныгъэхэр къаIуатэу, жъабзэм ар кызырэщыцагъэсэбэпыр, ар бзэм и адреи псалъэхэм, нэгъуэщIыбзэ псалъэхэм зэрадэхур, абы и зэпхыгъэщI эфIэкIхэр къагъэлыагъуэу. Лексикэ зэпхыгъэщIым и кыщхъэщыкIыныгъэхэр зэпэгъуэв-типологияе къэхутэныгъэм нэхъ наIуэу кыхош: зы бзэм и хабзэр адреи бзэм и хамэу, уеблэмэ хэмызэгъэххэу кыщIокI. Псалъэм папщIэ зэвгъапщэ: *лыжьыр тутын йофэ* – урысыбзэкIэ зэбгъэдзэкIмэ «старик *пьет сигарету*»; *сит* мыбы къакIуэр – дыгъужь, хъэмэрэ

хьэ? – урысыбзэкІэ «**что** сюда идет – волк или собака?»); **сыт** сабийм едзэкъар? – урысыбзэкІэ «**что** укусило ребенка?»; **сыт** мы хадэр зыутар? – урысыбзэкІэ «**что** вытоптало этот огород?»; **сыт** гъунэгъум къильхуар? – урысыбзэкІэ «**что** соседка родила?», н. Къэдгъэлъэгъуа адыгэбзэм и щхъэщыкІыныгъэм налуэ къещІ шылэцІэхэр псэ зыпытрэ зыпымыту зэрагуэшым (абы кыыхэкІыу лексикэ зэпхыгъэщІми) нэгъуэщІ бгъэдыхъэкІэ игъуэтын зэрыхуейр.

Адыгэбзэм и лексикэ зэпхыгъэщІым и щхъэхуэныгъэм къыбгургъалуэ ар а бзэм и Іуэхугъуэ нэхъ гугъухэм зэрыщыщыр (псом хуэмыдэу адыгэбзэр хамэбзэу зыджхэм я дежкІэ). А гугъуагъыр а зэрыжалэм хуэдэу грамматикэ категорэхэм я закъуэкъым кызыыхэкІыр, а категорэхэр лексикэ зэпхыгъэщІым и хабзэхэм зэрэпхам кыщожьэ. Абыхэм налуэ къащІ урысыбзэми, нэгъуэщІ индоевропеибзэми хуэмыдэу, адыгэбзэм хэт занэ куэдыр нэхъ пыухыклауэ, Іуэхугъуэ щхъэхуэм епхауэ зэрыщытыр. Зи гугъуэ тцІа Іуэхугъуэр адыгэбзэм и къыщхъэщыкІыныгъэхэм ящыщ зыщ, абы бзэр гъэхуа, гупсысэ куу зыхэлъ ещІ.

Фомина М.И. зэритхымкІэ, «лексикэ зэпхыгъэщІыр холэжьыхъ псалъэхэм я мыхъэнэщІэхэр къэунэхуным: япэу псалъэ зэпха хэхам икІуэцІкІэ, иужькІэ – псалъэм и семантикэ зэхэлъыкІэ псом, и лексикэ парадигмэхэр ихъуэжурэ» [Фомина 2001: 15]. Псалъэм папщІэ, адыгэбзэми урысыбзэми къагъэсэбэп псалъэ *географии*-м и синтагматикэ, парадигматикэ зэпхыныгъэхэм зрагъэужьа нэужь мыпхуэдэ зэпхыгъэщІэхэр къэунэхуащ: *Спонсор хуэныкъуэхэм я географием зеубгъу; Къэбэрдей-Балъкъэр телевидением и географием зиубгъуащ; Университетымрэ Педколледжымрэ къэзухахэм я географием уцелпкІэ, уи псэр мэгүфІэ, уи гүм хохъуэ, уи зыхэщІэхэм залэм* [Апажев 1992: 253].

Новиков Л.А. и еплъыкІэкІэ, лексикэ синтагматикэр тещІыхъащ «увыпІэ» гурылуэгъуэм – «жылэгъуэм, тхыгъэм хэт псалъэхэм (зэхуэдэ занэхэм и семантикэ гуп къагъэхъуу) елыгтауэ лексикэ занэм иубыд шытыкІэм» [Новиков 1989: 191]. Псалъэр нэгъуэщІ псалъэхэм (семантикэ гуп зэмылІэужьыгъуэхэм шыщхэм) япыщІа шыхъукІэ увыпІэщІэ игъуэтым и мыхъэнэм зрегъэхъуэж. Псом хуэмыдэу лексикэ синтагматикэр мыхъэнэбэ псалъэхэм я мыхъэнэхэр зэщхъэщыгъэкІынымкІэ дэлэпыкъуэгъу мэхъу: *сыхъэткІэ къыкІэрыхун – сыхъэт зехъэн; гуахъуэкІэ ихэн – мэкъур гуахъуэкІэ Іухын; нэмэзым къэкІуащ – нэмэз ещІ*, н. Ауэ псалъэ зэпхыгъэщІымкІэ псалъэм и мыхъэнэхэр шызэхомыгъэкІыфи шылэщ, псалъэм папщІэ: *ар къат куэд хъурт* – япэ мыхъэнэм къыкІыр «ІупщІэ-ІупщІэурэ зэтелъхэм языхэз», етІуанэ мыхъэнэм – «унэ зэтетым и лъагагъымкІэ зы Іыхъэ»; *ар си ныбжьэгъуу* – япэ мыхъэнэм къыкІыр «ныбжькІэ зэхуэдэ», етІуанэ мыхъэнэм – «ныбжьэгъугъэкІэ къыппыщІа, узыпыщІа зыгуэр»; *абы цхъэкІэ си гур мэуз* – япэ мыхъэнэм къыкІыр «цІыхум, шэрыпІ псэушхъэхэм, тхы къупщхъэ зиІэхэм я лъыр мардэм тету зезыгъакІуэу бгъэм илыр», етІуанэ мыхъэнэм – «псэ, цІыхум и гъащІэм къыщыхъухэр зэрызэхыщІэр, гъащІэм щекІуэкІ къэхъукащІэхэм зэрыхушытыр къыгъэлъагъуэу», н. Апхуэдэхэм деж мыхъэнэбэ псалъэхэм я мыхъэнэхэр зэхэбгъэкІын щхъэкІэ контекст нэхъ убгъуа ухуейщ. Япэу къэтхъа шапхъэхэм къагъэлъагъуэ «увыпІэ лъэщ» – «псалъэм семантикэ нэшэнэ иІэхэр контекстым шыдылыгъым деж», иужькІэ къэтхъа шапхъэхэм къагъэлъагъуэ «увыпІэ махэ» – «псалъэм и мыхъэнэр контекстым шыдымылыгъым деж, уеблэмэ абы шыпэщІэуи къэхъуу...» [Кузнецова 1989: 90]. Аращи, лексикэ синтагматикэм мыхъэнэбагъэр икІи Іуихыфынущ, икІи къыгъэхъуфынущ. ІукІэзэщхъ псалъэхэр зыхэгъэкІыными лексикэ синтагматикэм хэлъхъэныгъэшхуэ хуешІ, псалъэм папщІэ: *цІы цта – шы цта; нэщІ исц – пэгун нэщІ; цІыху зэтет – унэ зэтет; макъ цІу – нэ цІу*; н.

Кузнецовэ Э.В. [1989] зэритхымкІэ, семантикэ зэкІуныгъэр лексикэ синтагматикэм и хабзэ нэхъыщхъэу шытщ. Семантикэ зэкІуныгъэм къокІ псалъэухам хыхъэ псалъэхэм я мыхъэнэхэм зэтехуэныгъэ гуэр яІуэ – «зэхуэдэ Іыхъэхэм псалъэхэм къыщытрагъэзэжурэ, зыр адреим дылыгъуэр лексикэ занэхэм я мыхъэнэзакъуагъэр къызэрагъэпэщ» [Кузнецова 1989: 89]. Псалъэм папщІэ,

Щалэр джэгум кІуэри фІуэу кээфат псалъэухам джэгу, кээфэн псалъэхэм тІэунейрэ кышчытрегъээж «нэгъузыужь» мыхьэнэр; *И гъуэниэдэж фІейр псыныцІэу ижъыщІу, игъэгъуыцъери щитІэгъэжащ* псалъэухам *гъуэниэдэж, жъыщІэн, щитІэгъэн* псалъэхэм щэнейрэ кышчытрегъээж «шыгъын» мыхьэнэр; *Фатимэ лэкъум игъажъэри мэжалІэхэм яригъэихащ* псалъэухам *лэкъум, гъэжъэн, мэжалІэ, гъэихэн* псалъэхэм плІэ кышчытрегъээж «шхын» мыхьэнэр, н. Къэтхъа шапхэхэм яхыдолъагъуэ «къелеекІ Іэмэпсымэ», жыІэгъуэхэм «информацэ быдагъэ» къариту. А «информацэ быдагъэ» дьдэращ ищхъэкІэ зи гугъу щытщІа увыпІэ лъэщыр къэзыгъэхур.

ЖытІар кызэщІэткъуэжмэ, зы лъэныкъуэкІэ, контекстым псалъэм и мыхьэнэр зрегъэубгъу, нэгъуэщІ лъэныкъуэкІи, псалъэм и мыхьэнэм, абы и зэпхыгъэщІ эфІэкІхэм хегъахъуэ – ар псори кызыхэкІыр псалъэм и синтагматикэмрэ, парадигматикэмрэ я зэрыІыгыныгъэрщ.

Лексикэ занэ зэпкърытхэхэм наІуэ къащІ адыгэбзэ лексико-семантикэ системэм кыыхагъэкІ хабзэ мыхьэнэбагъым, ІукІээщхьагъым, зэмыхьэнэгъугъэм, зэпэщытыгъэм нэмышІІ [Яковлев 1948: 129–131; Шагилов 1962: 38–47; Апажев 1963: 93–138; Дзасежев 1964: 8–13; Шаов 1988: 148–165; Гяургиев, Дзасежев 1991: 9–17], иджыри лексикэ гупий зэрыщыІэр [Апажев 1988б: 6–16]. Абы ди типологиер урыс бзэщІэныгъэр зытет псалъэхэм я гуэшыныгъэм [Денисов 1980; Новиков 1982; Кочнева, Луцкая, Морковкин 1984: 47–56] зыкъомкІэ емыщхъ ещІ. АдэкІэ хэку, нэгъуэщІ къэрал семасиологием и зиужыныгъэм лексико-семантикэ системэм и зэхэлъыкІэр нэхъ куууэ къыгъэлъэгъуэнщ икІи абы и фІыгъэкІэ иджыри кыыхэдмыгъэща псалъэ гуп гуэрхэри адыгэбзэми кыыхэдгъуэтэнкІэ хьунщ.

Къыхэгъэщыпхъэщ лексико-семантикэ системэр джыным лексикэр зэрызэхэтыр, абы и категорэхэр, псалъэхэм я зэхуыцтыкІэ, зэпхыныгъэхэр нэхъ куууэ, лъэныкъуэ зэмышхъхэмкІэ кызэригъэлагъуэр. Абы кышчымынэу, лексико-семантикэ категорэхэм я теориер лексикографием и щІэныгъэ-методикэ лъабжьэу щытщ, псом хуэмыдэу мыхьэнэгъэнахуэ лексикографием дежкІэ. Абы нэмышІІ, лексико-семантикэ къэхутэныгъэм кърыкІуэн хуейщ псалъальэ зэмылІэужыгъуэхэр зэхэлъхъэныр: 1) семасиологие лІэужыгъуэхэм («псалъэр гурыІуэгъуэм хуэкІуэу») хуэдэ, псалъэм папщІэ, мыхьэнэгъэнахуэхэр, ІукІээщхъ псалъэхэм, паронимхэм ятеухуахэр; 2) ономасиологие лІэужыгъуэхэм («гурыІуэгъуэр псалъэм хуэкІуэу») хуэдэ, псалъэм папщІэ, тематикэ, идеографии, псалъэ зэмыхьэнэгъухэм, зэпэщытхэм я псалъальэхэр. Іэмал имыІэу адыгэбзэм иІэпхъэщ а зи гугъу тщІахэр кызэщІэзыубыдэ псалъальэщІэ. Апхуэдэ псалъальэр Морковкин В.В. зэхильхъащ – «Урысыбзэм и лексикэ лъабжьэр» жиІэу [Морковкин и др. 1984; 2004], – ар шапхъэу къапщтэ хьунуш.

ТегъэщІапІэхэр Список источников

Апажев 1963 – *Апажев М.Л.* Вопросы влияния русского языка на кабардинский: лексика, семантика, фонетика. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. 152 с.

Апажев 1988 – *Апажев М.Л.* Проблема системности в лексике и типология лексических микросистем языка // *Аспект – Aspekti*. Хельсинки, 1988. № 2. С. 6–16.

Апажев 1992 – *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.

Апажев 1994 – *Апажев М.Л.* Кабардино-черкесская лексикография. Нальчик, 1994. Ч. 1. 52с.

Ахманова 1966 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1974. 607 с.

Вахек 1964 – *Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы. М.: Прогресс, 1964. 350 с.

- Виноград 1983 – *Виноград Т. К* процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М.: Радуга, 1983. С 123–170.
- Виноградов 1969 – *Виноградов В.В.* О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическим в структуре языка // Мысли о современном русском языке. М.: Просвещение, 1969. С. 5–24.
- Гяургиев, Дзасежев 1991 – *Гяургиев Х.З., Дзасежев Х.Э.* Учебник кабардинского языка для ср. шк. Нальчик: Нарт, 1991. 272 с. (на каб.яз.).
- Денисов 1980 – *Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980. 253 с.
- Дзасежев 1964 – *Дзасежев Х.Э.* Современный кабардино-черкесский язык. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1964. 227 с.
- Кочнева, Луцкая, Морковкин 1984 – *Кочнева Е.М., Луцкая Н.М., Морковкин В.В.* Системная организация и систематизация лексики при обучении русскому языку филологов // Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов. М.: Русский язык, 1984. С. 47–56.
- КРС 1957 – *Кабардинско-русский словарь.* М.: ГИИНС, 1957. 576 с.
- Кузнецова 1989 – *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
- Кумахов 1989 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 383 с.
- КЧЯ Т. II – *Кабардино-черкесский язык.* Т. II. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.» Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 520 с.
- ЛЭС 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1990. 686 с.
- Марузо 1960 – *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 436 с.
- Медникова 1974 – *Медникова Э.М.* Значение слова и методы его описания (на материале современного английского языка). М.: Высшая школа, 1974. 202 с.
- Морковкин и др. 1984 – *Морковкин В.В., Бёме Н.О., Дорогонова И.А., Иванова Т.Ф., Успенская И.Д.* Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь. М.: Русский язык, 1984. 1168 с.
- Нечаев 1976 – *Нечаев Г.А.* Краткий лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1976. 184 с.
- Новиков 1982 – *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
- Новиков 1989 – *Новиков Л.А.* Лексикология // Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989. С. 165–236.
- Розенталь, Теленкова 1972, 1976, 1985 – *Розенталь Д.Э., Теленкова М.И.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1972. 495 с.; М.: Просвещение, 1976. 543 с.; М.: Просвещение, 1985. 399 с.
- РЯЭ 1979, 1997 – *Русский язык.* Энциклопедия / ред. Филин Ф.П. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.; ред. Караулов Ю.Н. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 704 с.
- СКЧЯ 1999 – *Словарь кабардино-черкесского языка.* М.: Дигора, 1999. 856 с.
- Фомина 2001 – *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 2001. 415 с.
- Хэмп 1964 – *Хэмп Э.* Словарь американской лингвистической терминологии. М.: Прогресс, 1964. 264 с.
- Шагиров 1962 – *Шагиров А.К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. 216 с.
- Шаов 1988 – *Шаов А.А.* Основы адыгской лексикографии. Майкоп: Адыг. отд. Краснодар. кн. изд ва, 1988. 224 с.
- Шмелев 1973 – *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
- Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
- Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 372 с.
- Яковлев, Ашхамаф 1941 – *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 464 с.

References

- АПАЗНЕВ М.Л. *Voprosy vliyaniya russkogo yazyka na kabardinskij: leksika, semantika, fonetika* [Questions of the influence of the Russian language on Kabardian: vocabulary, semantics, phonetics]. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1963. 152 p. (In Russian)
- АПАЗНЕВ М.Л. *Problema sistemnosti v leksive i tipologiya leksicheskikh mikrosistem yazyka* [The problem of consistency in the lexical and the typology of lexical microsystems of the language]. IN: Aspect – Aspekti. Helsinki, 1988. No. 2. P. 6–16. (In Russian)
- АПАЗНЕВ М.Л. *Problemy kabardinskoj leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 336 p. (In Russian)
- АПАЗНЕВ М.Л. *Kabardino-cherkesskaya leksikografiya* [Kabardino-Circassian lexicography]. Nalchik, 1994. Part 1. 52 p. (In Russian)
- АКХМАНОВА О.С. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M.: Soviet Encyclopedia, 1974. 607 p. (In Russian)
- ВАНЕК Ж. *Lingvisticheskij slovar' Prazhskoj shkoly* [Linguistic Dictionary of the Prague School]. M.: Progress, 1964. 350 p. (In Russian)
- ВИНОГРАД Т. *K processual'nomu ponimaniyu semantiki* [Toward a processual understanding of semantics]. IN: New in foreign linguistics. Issue. 12. M.: Raduga, 1983. P. 123–170. (In Russian)
- ВИНОГРАДОВ В.В. *O vzaimodejstvii leksiko-semanticheskikh urovnej s grammaticheskimi v strukture yazyka* [On the interaction of lexico-semantic levels with grammatical levels in the structure of the language]. IN: Thoughts on the modern Russian language. M.: Education, 1969. P. 5–24. (In Russian)
- ГЯУРГИЕВ К.Х.З., ДЗАСЕЗНЕВ Х.Е. *Uchebnik kabardinskogo yazyka dlya sr. shk.* [Textbook of the Kabardian language for cf. school] Nalchik: Nart, 1991. 272 p. (In Kabardino-Circassian)
- ДЕНИСОВ П.Н. *Leksika russkogo yazyka i principy ee opisaniya* [Vocabulary of the Russian language and principles of its description]. M.: Russian language, 1980. 253 p. (In Russian)
- ДЗАСЕЗНЕВ Х.Е. *Sovremennyy kabardino-cherkesskij yazyk* [Modern Kabardino-Circassian language]. Cherkessk: Stavropol book publishing house, 1964. 227 p. (In Kabardino-Circassian)
- КОЧНЕВА Е.М., ЛУТСКАЯ Н.М., МОРКОВКИН В.В. *Sistemnaya organizaciya i sistematizaciya leksiki pri obuchenii russkomu yazyku filologov* [System organization and systematization of vocabulary in teaching the Russian language to philologists]. IN: Theory and practice of teaching the Russian language to foreign students-philologists. M.: Russian language, 1984. P. 47–56. (In Russian)
- КРС *Kabardinsko-russkij slovar'* [Kabardian-Russian dictionary]. Moscow: GIINS, 1957. 576 p. (In Kabardino-Circassian and In Russian)
- КУЗНЕЦОВА Е.В. *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian language]. M.: Higher school, 1989. 216 p. (In Russian)
- КУМАКHOV М.А. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative-historical grammar of the Adyghe (Circassian) languages]. M.: Nauka, 1989. 383 p. (In Russian)
- КЧЯ *Kabardino-cherkesskij yazyk* [Kabardino-Circassian language]. T. II. Nalchik: State Enterprise KBR “Republican Polygraph Plant named after A.I. Revolutions of 1905” Publishing Center “El-Fa”, 2006. 520 p. (In Russian)
- ЛЕС *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Soviet Encyclopedia, 1990. 686 p. (In Russian)
- МАРУСО Ж. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M.: Publishing house of foreign literature, 1960. 436 p. (In Russian)
- МЕДНИКОВА Е.М. *Znachenie slova i metody ego opisaniya (na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka)* [The meaning of the word and methods of its description (on the material of modern English)]. M.: Higher school, 1974. 202 p. (In Russian)
- МОРКОВКИН В.В., БОЕХМЕ Н.О., ДОРОГОНОВА И.А., ИВАНОВА Т.Ф., УСПЕНСКАЯ И.Д. *Leksicheskaya osnova russkogo yazyka. Kompleksnyj uchebnyj slovar'* [The lexical basis of the Russian language. Comprehensive educational dictionary]. M.: Russian language, 1984. 1168 p. (In Russian)
- НЕЧАЕВ Г.А. *Kratkij lingvisticheskij slovar'* [Brief linguistic dictionary]. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State University, 1976. 184 p. (In Russian)

- NOVIKOV L.A. *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian language]. M.: Higher school, 1982. 272 p. (In Russian)
- NOVIKOV L.A. *Leksikologiya* [Lexicology]. IN: Modern Russian language. M.: Higher school, 1989. P. 165–236. (In Russian)
- ROSENTHAL D.E., TELENKOVA M.I. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms. Moscow: Education], 1972. 495 p.; Moscow: Education, 1976. 543 p.; Moscow: Education, 1985. 399 p. (In Russian)
- RNAE *Russkij yazyk. Enciklopediya* [Russian language. Encyclopedia] ed. Filin F.P. M.: Soviet Encyclopedia, 1979. 432 p.; ed. Karaulov Yu.N. M.: Great Russian Encyclopedia; Drofa, 1997. 704 p. (In Russian)
- SKCHYA *Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka* [Dictionary of Kabardino-Circassian language]. Moscow: Digora, 1999. 856 p. (In Kabardino-Circassian and In Russian)
- FOMINA M.I. *Sovremennij russkij yazyk. Leksikologiya* [Modern Russian language. Lexicology]. M.: Higher school, 2001. 415 p. (In Russian)
- HUMP E. *Slovar' amerikanskoy lingvisticheskoy terminologii* [Dictionary of American Linguistic Terminology]. M.: Progress, 1964. 264 p. (In Russian)
- SHAGIROV A.K. *Ocherki po sravnitel'noj leksikologii adygskih yazykov* [Essays on the comparative lexicology of the Adyghe languages]. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1962. 216 p. (In Russian)
- SHAOV A.A. *Osnovy adygskoj leksikografii* [Fundamentals of the Adyghe lexicography]. Maykop: Adyg. otd. Krasnod. book. Publishing House, 1988. 224 p. (In Russian)
- SHMELEV D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. M.: Nauka, 1973. 280 p. (In Russian)
- SHCHERBA L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. L.: Nauka, 1974. 428 p. (In Russian)
- YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948. 372 p. (In Russian)
- YAKOVLEV N.F., ASHKHAMAF D. *Grammatika adygejskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Adyghe literary language]. M., L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 464 p. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Токъмакъ М.Хь. – филологие щӀэныгъэхэмкӀэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжьакӀуэ нэхъыжь, доцент.

Информация об авторах

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка

Information about the authors

M.H. Tokmakova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 02.07.2023

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 02.07.2023

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-67-73

ФУНКЦИЯ МОДАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СИСТЕМЕ ИНФИНИТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

Залина Рашадовна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zalinathamadokova9@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© З.Р. Хежева, 2023

Аннотация. Статья посвящена определению модальных форм и их функций в системе инфинитных конструкций в адыгских языках. Рассматриваются ряд мало освещенных в специальной литературе факторов, подтверждающих тесную взаимосвязь таких глагольных категорий, как финитность/инфинитность и модальность, которая определяется как совокупность грамматических значений, указывающие на отношение содержания речи к действительности и выражают отношение говорящего к его осуществлению. Актуальность работы обосновывается тем, что в кабардино-черкесском языке научная проблема финитности/инфинитности, а в большей степени инфинитных образований и функционирования в их системе форм наклонений не подвергалась специальному исследованию, несмотря на богатство и многообразие способов образования этих форм.

В адыгских языках практически все формы наклонений могут употребляться только в придаточных предложениях или инфинитных конструкциях, которые лишь функционально соответствуют придаточным предложениям в индоевропейских языках, формально же они не могут считаться предложениями.

В статье резюмируется, что в кабардино-черкесском языке к инфинитным формам, обладающим наиболее ярко выраженными признаками полной предикативности, относятся формы императива, условное наклонение, некоторые формы желательного и все вопросительные конструкции.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, модальность, предикативность, наклонение, категория финитности/инфинитности, инфинитные конструкции, придаточное предложение

Для цитирования: Хежева З.Р. Функция модальных образований в системе инфинитных конструкций адыгских языков // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 67–73. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-67-73

Original article

THE FUNCTION OF MODAL FORMATIONS IN THE SYSTEM OF INFINITE STRUCTURES OF THE ADIGE LANGUAGES

Zalina R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Z.R. Khezheva, 2023

Abstract. The article is devoted to the definition of modal forms and their functions in the system of infinite constructions in the Adyghe languages. A number of factors little covered in the specialized literature are considered, confirming the close relationship of such verbal categories as finiteness/infinity and modality, which is defined as a set of grammatical meanings that indicate the relation of the content of speech to reality and express the speaker's attitude to its implementation. The relevance of the work is substantiated by the fact that in the Kabardino-Circassian language the scientific problem of finiteness/infinity, and to a greater extent of infinite formations and the functioning of mood forms in their system, has not been subjected to special research, despite the richness and variety of ways of forming these forms.

In the Adyghe languages, almost all forms of moods can be used only in subordinate clauses or infinite constructions, which only functionally correspond to the subordinate clauses in Indo-European languages, but formally they cannot be considered sentences.

The article summarizes that in the Kabardino-Circassian language, the infinite forms, which have the most pronounced signs of complete predicativity, include forms of the imperative, conditional mood, some forms of the desirable and all interrogative constructions.

Keywords: Kabardino-Circassian language, modality, predicativity, mood, category of finiteness/infinity, infinite constructions, subordinate clause

For citation: Khezheva Z.R. The function of modal formations in the system of infinite structures of the adige languages. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 67–73. (in Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-67-73

Согласно общепринятому в языкознании мнению, адыгские языки обладают сложнейшей системой глагола, характеризующего лабильностью и высокой степенью синтеза, которая создается посредством выражения в его структуре множества категорий. Строение глагола, его основные словообразовательные и словоизменительные категории, их взаимоотношения, иерархия и аранжировка многочисленных основообразующих элементов, дистрибуция личных аффиксов в разных типах основ, их зависимость от других категориальных форм, в том числе переходности-непереходности глагола, и др. восходят к эпохе адыгского языкового единства [КЧЯ 2006: 145]. Диапазон полисинтетических единиц в сфере глагола может варьироваться и достигать до десяти и более морфем, что доказывает сложность строения его личной парадигматики и деривационной системы. Кроме того, сложность глагола обусловлена еще тем, что в сфере глагола выражается большое количество морфологических категорий.

В адыгском глаголе традиционно выделяются 14 категорий: времени, числа, лица, наклонения, каузатива, переходности/непереходности, финитности/инфинитности, версии, возвратности, союзности и т.д. Безусловно, не все из них образуют парадигматические системы, однако, некоторые из них образуют совокупность языковых единиц, охватывающая большое количество глагольных слов. К таковым относятся категории наклонения, времени и лица.

В перечне парадигматических систем адыгских языков важное место занимает особая, сложная категория глагола – категория финитности и инфинитности, включающая в свой состав практически все глагольные формы. Находясь в тесной взаимосвязи с грамматическими категориями времени и модальности, финитность и инфинитность, по сути, образуют ядро предикативности.

В кабардино-черкесском языке категория финитности/инфинитности не подвергалась отдельному исследованию, несмотря на богатство и многообразие ее форм, способов образования и функционирования. Существенный вклад в разработку данной проблематики внес Г.В. Рогава, который проделал значительную работу по выявлению общих и частных закономерностей кабардино-черкесского языка по отношению к другим языкам абхазо-адыгской группы. Он является автором разделов грамматик кабардино-черкесского языка по указанным категориям [1957, 1970, 2006]. Более детализированный подход и освещение данные образования получили в работах исследователей адыгейского

и абхазского языков [Г.В. Рogaва, З.И. Керашева, Л.П. Чадуа, Н.Г. Гишев]. Трудно переоценить степень научных изысканий в этой области З.И. Керашевой, внесшей неоценимый вклад в определении значения финитных и инфинитных глагольных образований в функции выражения предикативности [Керашева 1984]. Не умаляя значение и ценность соответствующих разделов в академических грамматиках и отдельных статей по данной языковой проблеме, все же считаем, что финитность/инфинитность, шире – в контексте определения роли и способах их функционирования модальных форм их в системе следует, подвергнуть более детальному анализу. Особый интерес с нашей стороны вызывает реализация отношений с другими категориальными системами глагола, в частности, наклонения, являющейся отражением логической категории модальности. В этом аспекте показательна статья автора данной публикации, где рассматриваются ряд мало освещенных в специальной литературе факторов, свидетельствующих о тесной взаимосвязи таких категориальных систем глагола, как финитность/инфинитность, время и модальность [Хежева 2008].

В адыгских языках фактически все глагольные формы подразделяются на две группы – на финитные и инфинитные. Согласно устоявшейся традиционной трактовке, финитная форма глагола выражает определенное, основное, независимое от какого-либо другого глагола действие, а инфинитная форма глаголов – действие неопределенное, добавочное, зависимое по отношению к основному действию, выраженному финитной формой глагола [ГКЧЛЯ 1970: 124].

В научной литературе в разряд финитных и инфинитных форм глагола нужно включать слова, которые не выражают действие, т.е. слова, к которым невозможно ставить процессуальный вопрос. К ним относятся неглагольные образования, которые не обладают процессуальным содержанием и, как следствие, подобные слова не могут выражать действие или состояние этого процесса. Именно данное положение является основанием, и вполне правомерным, того, что из состава финитных и инфинитных форм исключают те образования, которые не могут выражать процесс. Основным критерием для разграничения именных основ и глагольных образований является то, что финитные и инфинитные формы глагола включают в свой состав только те слова, которые выражают действие или состояние в динамике и имеют в предложении статус сказуемого. Напротив, формы, не выражающие действия, или, как минимум, состояния, находящегося в процессе, автоматически переходят в разряд имени или же к отглагольным именам.

Для многих разноструктурных языков, как и для адыгских, необходимым условием для формирования предикативности, относящей содержания предложения с действительностью, служит присутствие модального значения, точно также финитность является не только необходимым, но и главным критерием предикативности. Финитность – это понятие, определяемое содержанием и охватывающее целый ряд глагольных форм, в том числе и многие формы наклонений.

Финитные глаголы от инфинитных отличаются, прежде всего тем, что последние структурно сложнее первых, от которых они образовались, инфинитные глаголы имеют больший набор грамматических категорий. Например, многие формы наклонений относятся только к инфинитным образованиям, занимающим большое место в парадигматике глагола. Кроме того, финитные и инфинитные глаголы по-разному соотносят содержание предложения с действительностью. В отличие от финитных глаголов, инфинитные глаголы, как правило, не могут непосредственно соотнести содержание предложения с действительностью. По своей грамматической семантике инфинитные глаголы не завершены, и поэтому они нуждаются в семантическом завершении.

В адыгских языках словосочетание, в составе которого присутствует инфинитное образование, принято называть инфинитной конструкцией. В отличие от финитных глаголов, инфинитный глагол, как правило, не обладает признаком предикативности. Однако, как отмечено З.И. Керашевой, «отдельные инфинитные формы, глаголы повелительного, желательного наклонения, среди инфинитных глаголов составляют исключение, так как они в соответствующем интонационном оформлении могут конструировать предложение, т.к. данные глаголы характеризуются определенной грамматической семантикой, выделяющей их из различных групп инфинитных и финитных глаголов» [Керашева 1984: 79].

Инфинитная форма глагола по своему строению и семантике выражает действие неопределенное, добавочное, зависимое по отношению к основному действию, выраженному финитной формой глагола. В кабардино-черкесском языке, как и во всех абхазско-адыгских языках, время инфинитного глагола не абсолютное, а относительное, поскольку оно соотносится с временной ориентацией финитного глагола: обязательным условием для функционирования инфинитных глаголов в предложении является наличие другого финитного глагола. Только благодаря присутствию финитного глагола действие инфинитного глагола может быть соотнесено с действительностью: инфинитные образования, в отличие от других глагольных форм, обладают относительным временным планом и «относительной» модальностью. Эти признаки не позволяют непосредственно соотнести ту часть предложения, в которой они реализуются, с действительностью.

Трудно не согласиться с мнением З.И. Керашевой, что «отнесенность подобных конструкций к действительности происходит опосредованно, через посредство глагольных образований или каких-либо других языковых единиц, которые в состоянии придать предложению абсолютную временную и объективную модальность» [Керашева 1984: 193]. В специальной литературе бытует мнение, что «...раз нет непосредственной отнесенности к действительности, то нет и предикации. Конструкция же, не обладающая признаком предикативности, не является предложением» [Чкадуа 1977: 155]. Из этого вытекает, что инфинитные конструкции, образованные инфинитными глаголами, неправомерно квалифицировать как придаточные предложения. Организующим ядром инфинитной конструкции является инфинитный глагол изъявительного наклонения, а также глаголы условного наклонения, причастия и деепричастия. По мнению З.И. Керашевой, «инфинитные конструкции представляют собой в миниатюре простое предложение, отличающиеся от него только отсутствием сказуемого, выраженного финитным глаголом» [Керашева, 1984: 194]. Инфинитная конструкция входит в состав простого предложения и выполняет по отношению к простому предложению роль субъекта, объекта, обстоятельства места и времени. Исходя из того, какую синтаксическую функцию выполняет инфинитная конструкция, она согласуется, управляется или примыкает к остальным членам простого предложения. Состав инфинитной конструкции может состоять из одного слова или из целого словосочетания, а также иметь свой субъект, объект и обстоятельственные члены, которые сами не входят в состав простого предложения, так как в его состав входит вся конструкция в качестве одного синтаксического целого.

По мнению П.М. Багова, в адыгских языках практически все формы наклонений могут употребляться только в придаточных предложениях или инфинитных конструкциях. Например, *щлалэр къэклуамэ тхылъыр естынут* «Если бы парень пришел, я дал бы ему книгу». Здесь форма *къэклуамэ* выражает значение условности, и ее место только в аналогичном синтаксическом окружении, в котором она выполняет не предикативную, а модальную функцию. Другими словами, одни формы наклонений совмещают функцию модальности и предикативности, другие же лишь придают высказыванию только модальное значение, определяют

отношение действия к действительности, устанавливают сказуемые отношения между определенными единицами, т.е. глагольная (модальная) форма включается в конструкцию имя + глагол или имя + имя + глагол, согласуется с ними в лице, числе, определяет падеж именных компонентов. [Багов 1983: 7]. «В инфинитных конструкциях сказуемое превращается в особую отглагольную форму, которая называется придаточной формой сказуемого» [Яковлев 1848: 43].

В кабардино-черкесском языке к инфинитным формам, которые характеризуются наиболее ярко выраженными признаками полной предикативности, можно отнести формы императива, условное наклонение, некоторые формы желательного и все вопросительные конструкции. Семантика императивных форм предполагает действие, которое, по сути, совершается после момента речи, т.е. ориентация на момент речи всегда непосредственная. Объективная модальность и абсолютный временной план придают предложению выраженную повелительную интонацию и экспрессивную окрашенность.

Важное место в перечне косвенных наклонений занимает вопросительное наклонение, которое в силу своей специфики может навязать предложению в целом модальную характеристику, временной план и интонационный фон. В силу того, что в вопросительных предложениях функция предикативности выражается не в полной мере, говорящий дополняет ее вопросом с особой интонацией. Для передачи вопросительной семантики используются, в большинстве случаев, соответствующие вопросительные форманты. Помимо выражения основной функции, функции вопроса, в семантике подобных форм содержится указание на характер отношения говорящего к содержанию высказывания в плане соответствия его с действительностью.

Особый интерес вызывает тот факт, что на коммуникативном уровне интонационно некоторые формы желательного и повелительного наклонений образуют отдельную группу инфинитных глаголов. Относительно желательных форм нужно указать, что не все их модальные оттенки обладают признаком выражения абсолютной предикативности ввиду особенностей семантики и репрезентативных функций. Логическое объяснение этому заключается в том, что, как правило, предикативность в полной мере присуща лишь тем формам, которые образовались от чистой основы, т.е. основы без присутствия временного показателя и основы настоящего времени. Модальность подобных образований, чаще всего, выражает желание в чистом виде и предполагает действие, которое должно совершиться после момента речи. В конструктивном и коммуникативном отношениях предложения, организуемые глаголами повелительного и некоторых форм желательного наклонений, проявляют ряд особенностей, которые требуют, на наш взгляд, отдельного изучения.

Безусловно, в данном контексте может возникнуть вполне объективный вопрос относительно того, могут или не могут инфинитные формы сами организовать предложение, хотя бы придаточное? В адыговедении данный вопрос является одним из самых сложных и дискуссионных. К сожалению, на сегодняшний день он не получил однозначного ответа: часть исследователей отвечает на него положительно, другая же полностью отрицает. Что касается нас, то мы придерживаемся того мнения, что инфинитные конструкции лишь функционально соответствуют придаточным предложениям в индоевропейских языках, формально же они не могут считаться предложениями.

Список источников

Багов 1983 – Багов П.М. Наклонение и время в адыгских языках // Проблемы грамматики и лексики адыгских языков. Нальчик, 1983. 189с.

- Гишев 1998 – *Гишев Н.Т.* Глагол адыгейского языка. М: Прометей, 1998. 210 с.
- ГКЧЛЯ 1970 – *Грамматика* кабардино-черкесского литературного языка. М.: Издательство «Наука», 1970. 214 с.
- Налоев 1983 – *Налоев А.Х.* Определение глагола кабардино-черкесского языка // Проблемы грамматики и лексики адыгских языков. Нальчик, 1983. 189с.
- КЧЯ 2006 – *Кабардино-черкесский язык в 2-х т.* Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 549 с.
- Керашева 1984 – *Керашева З.И.* Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 302 с.
- Рогава, Керашева 1966 – *Рогава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966. 463 с.
- Чкадуа 1977 – *Чкадуа Л.П.* Финитные и инфинитные глагольные образования в функции выражения предикативности // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977. С. 155.
- Хежева 2008 – *Хежева З.Р.* Категория финитности-инфинитности в связи другими категориями глагола (на материале абхазо-адыгских языков). Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика, № 4. М., 2008. С. 32–36.
- Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.: Издательство АН СССР, 1948. 372 с.

References

- BAGOV P.M. *Naklonenie i vremya v adygskih yazykah* [Inclination and tense in the Adyghe languages]. IN: Problems of grammar and vocabulary of the Adyghe languages. Nalchik, 1983. 189 p. (in Russian)
- GISHEV N.T. *Glagol adygejskogo yazyka* [Verb of the Adyghe language]. M: Prometheus, 1998. 210 p. (in Russian)
- Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language]. M.: Publishing house “Nauka”, 1970. 214 p. (in Russian)
- NALOEV A.Kh. *Opređenje glagola kabardino-cherkesskogo yazyka* [Definition of the verb of the Kabardino-Circassian language]. IN: Problems of grammar and vocabulary of the Adyghe languages. Nalchik, 1983. 189 p. (in Russian)
- Kabardino-cherkesskiy yazyk v 2-kh t. T. 1. Sozdaniye pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya i sintaksis* [Kabardino-Circassian language in 2 volumes. Vol. 1. Writing, phonetics and phonology, morphology and syntax]. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2006. 549 p. (in Russian)
- KERASHEVA Z.I. *Predlozheniya s finitnymi i infinitnymi glagolami v adygskih yazykakh*. [Sentences with finite and infinite verbs in the Adyghe languages]. Tbilisi: Metsniereba, 1984. 302 p. (in Russian)
- ROGAVA G.V., KERASHEVA Z.I. *Grammatika adygejskogo yazyka* [Grammar of the Adyghe language]. Maykop: Krasnodar book publishing house, 1966. 463 p. (in Russian)
- CHKADUA L.P. *Finitnye i infinitnye glagol'nye obrazovaniya v funkcii vyrazheniya predikativnosti* [Finite and infinite verbal formations in the function of expressing predicativity]. IN: Questions of the syntactic structure of the Iberian-Caucasian languages. Nalchik, 1977. P. 155. (in Russian)
- KHEZEVA Z.R. *Kategoriya finitnosti-infinitnosti v svyazi drugimi kategoriyami glagola (na materiale abkhazo-adygskih yazykov)* [The category of finiteness-infinity in connection with other categories of the verb (on the material of the Abkhaz-Adyghe languages)]. IN: Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika, № 4. M., 2008. P. 32–36.
- YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948. 372 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 30.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-74-80

АДЫГЭБЗЭМ И ПСАЛЬЭУХА ЗЭХЭЛЬ-ЗЭПХАХЭХЭР ХЭТ-ХЭМЫТ ПРОБЛЕМЭР АДЫГЭ БЗЭЦІЭНЫГЪЭЛІХЭМ Я КЪЭХУТЭНЫГЪЭХЭМ ЗЭРЫШЫЗЭПКЪРЫХАР

Шэру Нинэ Гьумар инхьу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрым» и филиал, Къэбэрдей-Балъкъэр республикэ, Налшык къалэ, Урысей, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© Шэру Н.Гьу., 2023

Аннотаци. Лэжыгъэр теухуаш адыгэ бзэцІэныгъэм и дежкІэ нэхъ проблемэ гугъу дьдэхэм ящышым – псальэуха зэхэль-зэпхам – Іуэху зытетым: хэт апхуэдэ синтаксис конструкцэ лІэужыгъуэ адыгэбзэхэми абы и Іыхылы адреј къухьэпІэ-кавказыбзэхэми. Мы упщІэм жэуап ІуэхуеплъыкІэ зэмыщхьхэр, уеблэмэ зэпэувхэр шыІэш; псальэуха зэхэль-зэпха адыгэбзэм хэмытыххэу къэзылыгытэхэри, ІуэхуцІэ, ІуэхуджкІуэ зэхыбэхэмкІэ гъэгугъуа псальэухахэр псальэуха зэхэль-зэпхауэ зыбжхэри мащІэкъым. Јпэрейхэм гипотаксисым и щапхъуэ индоевропейбзэхэм шызекІуэхэр къаштэри ди бзэм абыхэм јпэхьун конструкцэ къыхагъуатэркъым, етІуанэрейхэм зи цІэ кытІуа зэхэлыкІэхэр я мыхьэнэкІэ, къалэн јгъэзашІэкІэ абыхэм зэрешхьыр тегъэщІапІэ јщІ.

Дэ дрительхьэщ адыгэбзэм јпэм хэмытауэ иджы урысыбзэм ижъ къыщІихууэр псальэуха зэхэль-зэпхауэ къэплгытэ хьуну лІэужыгъуитІ къыхыхьауэ жызыІэхэм. Јпэр *сыт цхьэкІэ жыпІэмэ, абы къыхэкІкІэ*, н. псальэзэпыщІэхэмкІэ къэхьу шхьэусыгъуэ псальэуха гудзэ зыхэтхэрщ, етІуанэхэр *абы паницІэкІэ, ауэ цыхьукІэ* псальэзэпыщІэхэмкІэ зэпха къыхэкІ псальэуха зэхэль-зэпхахэрщ. Къэдгъэлъэгъуа къэгъэщыгъэхэр нэхъ зи нэщэнэр тхыгъэбзэрщ, жьэрыІуатэбзэм ахэр мызыгъуэгукІэ куэдрэ къыхэхуэркъым.

Статьям и мурад нэхьыщхьэр адыгэбзэм и псальэуха зэхэль-зэпхахэр куууэ зэпкърыхынырщ: гурыІуэныгъэ етынырщ, адыгэбзэм щаубыд увыпІэр, мыхьэнэкІэ, ухуэкІэкІэ јлэ шхьэхуэныгъэхэр убзыхунырщ. Лэжыгъэм и мыхьэнэ нэхьыщхьэу хуэувар апхуэдэ ухуэкІэ зиІэ псальэухахэр адыгэбзэм и адреј синтаксис лІэужыгъуэ шыІэхэм къахэгъэщхьэхукІыфынырщ, нэгъэсауэ ахэр зэпкърыхыфынырщ. Статьям къыщыхута мэхьу адыгэбзэм псальэуха зэхэль-зэпхахэм я иджырей щытыкІэр, абыхэм јлэ гурыІуэгъуэр, јдэплъагъу шхьэхуэныгъэхэр, я къызэгъэпэщыкІэ нэхьыщхьэхэр.

Статьям шІэуэ хэльхэм я нэхьыщхьэщ филологие шІэныгъэхэмкІэ доктор БищІо Б.Ч. адыгэбзэм хузэхилъхьа бзэцІэныгъэ фІэщыгъэцІэщІэхэр къызэрышыгъэсэбэпар.

Къэхутэныгъэр щекІуэкІым къэгъэсэбэпа хьуаш кІэлъыплъыныгъэ, зэпкърыхыныгъэ, тепсэлъыхыныгъэ, зэпэгъэувыныгъэ, джыныгъэ, къызэщІэ-къуэжыныгъэ методхэр.

Лэжыгъэм кырикІуахэр щыхьэт тохьуэ псальэуха зэхэль-зэпхахэм зыгъэІурыщІэ псальэзэпыщІэхэм грамматикэ илъэныкъуэкІэ зэхуэмыдэ, я эфІэкІкІэ зэмыщхь псальэухахэр зэрызэпашІэр; псальэуха зэхэль-зэпхахэм псальэухахэр шызэпыщІэнымкІэ къагъэсэбэп псальэзэпыщІэхэу *сыту жыпІэмэ, сыт цхьэкІэ жыпІэмэ, сытым къыхэкІкІэ жыпІэмэ, сыт паницІэ жыпІэмэ, абы къыхэкІкІэ, абы цхьэкІэ, абы паницІэ(кІэ), ауэ цыхьукІэ*, н.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, грамматикэ, псальэуха зэхэль, псальэуха зэхэль-зэпха, зыгъэІурыщІэ псальэзэпыщІэхэр

Цитатэ кызырыхэлхыну: Шэру Н.Гъу. Адыгэбзэм и псалъэуха зэхэлъ-зэпхэхэр хэт-хэмыт проблемэр адыгэ бзэщIэныгъэлIхэм я къэхутэныгъэхэм зрыщызэпкърыхар // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 74–80. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-74-80

Original article

THE PROBLEM OF THE PRESENCE OR THE ABSENCE OF COMPLEX SENTENCES IN THE KABARDINO-CIRCISSIAN LANGUAGE IN THE WORKS OF LINGUISTS-ADYGOVES

Nina. G. Sherieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© N.G. Sherieva, 2023

Abstract. The article is devoted to highlighting an extremely complex problem not only for the Kabardino-Circassian language, but in general for the entire West Caucasian (Abkhaz-Adyghe) group of languages – the question of the presence or absence of complex sentences in them. There are several points of view on this, including extremely opposite ones – that such constructions are absolutely not typical for these languages and, on the contrary, recognizing as such sentences complicated by participial and participle turnovers, based on the fact that they functionally correspond to Indo-European compound suggestions. The dispute between them is based on the fact that the former proceed from the grammatical structure of sentences, while the latter put semantics at the forefront.

We are inclined to join the opinion of those who believe that in the Adyghe languages, at present, under the influence of the Russian language, certain varieties of hypotaxis have developed – complex sentences with subordinate clauses with subordinating conjunctions and allied words *syt shkhekIe zhypleme*, *aby kyakhekIkIe* and their variants, and sentences with subordinate corollaries with conjunctions and allied words *aby papschle (kIe)*, *ae shykhukIe*. These formations are still more characteristic of written speech, while in colloquial speech they are of little use.

The main purpose of the study is a deep analysis of complex sentences of the Kabardino-Circassian language: to characterize complex sentences, determine their place in the language system, identify distinctive features and methods of formation. The relevance of the problem is determined by the need for in-depth research in this area, the unmistakable identification of such sentences and separation from other syntactic constructions of the Kabardino-Circassian language. The article highlights the current state of complex sentences in the Kabardino-Circassian language, gives a definition, establishes the characteristic features and basic means for their formation.

The novelty of the article also lies in the fact that for the first time in the development of the article the system of linguistic terms in the Kabardino-Circassian language was used, developed by the doctor of philological sciences Bizhoeff B.Ch.

In the process of research, the following were used: the method of observation, the method of analysis, the descriptive method, the comparative method, the method of study and generalization.

The results of this article indicate that in complex sentences, with the help of subordinating conjunctions, several simple grammatically unequal, unequal sentences are inextricably linked; to connect the predicative parts in a complex sentence, the unions are used *situ zhypleme*, *sati shkhekIe zhypleme*, *satiated kyyhekIkIe zhypleme*, *satiated papschle zhypleme*, *aby kykhekIkIe*, *aby shkhekIe*, *aby papschle (kIe)*, *ae shykhukIe*, etc.

Keywords: Kabardino-Circassian language, grammar, complex sentences, complex sentences, subordinating conjunctions

For citation: Sherieva N.G. The problem of the presence or the absence of complex sentences in the kabardino-circassian language in the works of linguists-adygovs. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023. № 2 (57). С. 74–80. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-74-80

Научная статья

ПРОБЛЕМА СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ В ТРУДАХ ЛИНГВИСТОВ-АДЫГОВЕДОВ

Нина Гумаровна Шериева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Кабардино-Балкарская республика, Нальчик, Россия, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© Н.Г. Шериева, 2023

Аннотация. Статья посвящена освещению чрезвычайно сложной проблемы не только для кабардино-черкесского языка, но в целом для всей западно-кавказской (абхазо-адыгской) группы языков – вопроса наличия или отсутствия в них сложноподчиненных предложений. Существует на этот счет несколько точек зрения, в том числе крайне противоположных о том, что подобные конструкции абсолютно не характерны для указанных языков и, наоборот, признающие таковыми предложения, осложненные причастными и деепричастными оборотами, исходя из того, что они функционально соответствуют индоевропейским сложноподчиненным предложениям. Спор между ними зиждется на том, что первые исходят из грамматической структуры предложений, а вторые ставят во главу угла семантику.

Мы склонны присоединиться к мнению тех, кто считает, что в адыгских языках в настоящее время под влиянием русского языка сложились определенные разновидности гипотаксиса – сложноподчиненные предложения с придаточными причины с подчинительными союзами и союзными словами *сыт цхъэкIэ жыпIэмэ*, *абы къыхэкIкIэ* и их вариантами, и предложения с придаточными следствия с союзами и союзными словами *абы папцIэ(кIэ)*, *ауэ цыхъукIэ*. Указанные образования пока более характерны для письменной речи, в разговорной же они малоупотребительны.

Основной целью исследования является глубокий анализ сложноподчиненных предложений кабардино-черкесского языка: охарактеризовать сложноподчиненные предложения, определить их место в системе языка, выявить отличительные черты и способы образования. Актуальность проблемы определяется необходимостью в глубоких исследовательских работах в данной области, в выявлении подобных предложений и их дифференциации от других синтаксических конструкций кабардино-черкесского языка. В статье освещается современное состояние сложноподчиненных предложений в кабардино-черкесском языке, дается определение, устанавливаются характерные черты и основные средства для их образования.

Новизна статьи заключается также в том, что впервые при разработке статьи применялась система лингвистических терминов на кабардино-черкесском языке, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

В процессе исследования применялись: метод наблюдения, метод анализа, описательный метод, сопоставительный метод, метод изучения и обобщения.

Результаты данной статьи свидетельствуют о том, что в сложноподчиненных предложениях с помощью подчинительных союзов неразрывно связываются несколько простых грамматически неравноправных, неравноценных предложений; для соединения предикативных частей в сложноподчиненное предложение используются союзы *сыту жыпIэмэ*, *сыт цхъэкIэ жыпIэмэ*, *сытым къыхэкIкIэ жыпIэмэ*, *сыт папцIэ жыпIэмэ*, *абы къыхэкIкIэ*, *абы цхъэкIэ*, *абы папцIэ(кIэ)*, *ауэ цыхъукIэ* и т.д.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, грамматика, сложные предложения, сложноподчиненные предложения, подчинительные союзы

Для цитирования: Шериева Н.Г. Проблема наличия или отсутствия сложноподчиненных предложений в кабардино-черкесском языке в трудах лингвистов-адыгovedов // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 74–80. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-74-80

Адыгэбзэ грамматикэм псалъэуха зэхэлъым илэ щхьэхуэныгъэхэр нэрылбагыущ: псалъэуха зэхэлъым хыхьэ гъээщлаклуэ Ыхьэхэр псалъээпыщлэклэ, псалъээпыщлэ лъабжыгъусэклэ, макъщлэклэ зэпха мэху. Зэпыщлэныгъэ Ёмал хэт-хэмыт елгытауэ, псалъэуха зэхэлъхэр гупышхуитлу зэщхьэщагъэкл: псалъээпыщлэ зыхэт псалъэуха зэхэлърэ псалъээпыщлэншэ псалъэуха зэхэлъу. Псалъээпыщлэклэ зэпха псалъэуха зэхэлъхэм, псалъэухам и мыхьэнэ-зэхэлъыклэ елгытауэ, гупышхуитл къахошхьэхуклър: псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэрэ псалъэуха зэхэлъ-зэпхарэ. Ахэр синтаксис зэпыщлэныгъэр гъээщлэ зэрыхьумклэ зэщхьэщокл: псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэм и гъээщлаклуэ Ыхьэхэр зэпызыщлэ псалъээпыщлэхэмклэ, псалъэуха зэхэлъ-зэпхам – зыгъэлурыщлэ псалъээпыщлэхэмклэ зэубыдылла мэху.

Псалъэуха зэхэлъым и лэужыгъуитлър грамматикэкли я зэхэлъыклэкли зэхуэдэкъым. Зэпызыщлэ псалъээпыщлэхэм грамматикэклэ зэхуэдэ, зэмыпха гъээщлаклуэ занэхэр зэрапхмэ, зыгъэлурыщлэ псалъээпыщлэхэм грамматикэ илэныкыуэклэ зэхуэмыдэ, я зэфлэкклэ зэмыщхь псалъэухахэр зэпащлэ.

Адыгэбзэм елэжэ языныкыуэ щлэныгъэллэхэм псалъэуха зэхэлъ-зэпхэхэр бзэм зэрыхэтым шэч кызырэтрахьэм кыыхэкклэ лэжыгъэм **мурад** нэхьыщхьэу зыхуэдгъэуващ абыхэм ялэ щхьэхуэныгъэхэмрэ я зэхэлъыклэмрэ нэхь куууэ щызэпкырыхыныр. Нэгъуэщлэ еплыклэ зилэхэм яхэтщ псалъэуха зэхэлъ-зэпхэхэр хьэл зэхыхьэ зэмылэужыгъуэхэмклэ гъэгугъуа псалъэухахэу къэзылгытэ.

Адыгэбзэм апхуэдэ псалъэухахэм я зэпкырыхыныгъэм елэжбахэщ, псалъэм папщлэ, Джаурджий Хь.З., Дзасэжь Хь.Е. [Джаурджий, Дзасэжь 1995], Урыс Хь.Щ. [Урыс 2000], Зеклуэрей Н.Н. [КЧЯ 2006], н. Джаурджий Хьэтыкыэрэ Дзасэжь Хьэсаншрэ я «Адыгэбзэ» тхылыым щатхыр: «Псалъэуха зэхэлъ-зэгъусэхэм хуэдэ дыдэу, псалъэуха зэхэлъ-зэпхэхэри зэрызэхэт Ыхьэхэр къэзыгъэхур предикативнэ зэхушытыклэ зилэ пкыгъуэхэрщ. А псалъэуха зэхэлъ-зэпхам и пкыгъуэхэм шыщу дэтхэнэ зыри псалъэуха кызырэклуэщ, ауэ псалъэуха зэхэлъым ахэр зыр зым и клэрыдзэну зэпха щохьу» [Джаурджий, Дзасэжь 1995: 149–150]. Щлэныгъэллэхэм яубзыху: «Псалъэуха зэхэлъ-зэпхаклэ йоджэ зэрызэхэт Ыхьэхэр союзклэ е союз псалъэклэ зыр зым и клэрыдзэну зыщызэпыщлэ псалъэуха зэхэлъхэм» [Джаурджий, Дзасэжь 1995: 150]. Урыс Хь.Щ. и лэжыгъэм псалъэуха зэхэлъ-зэпхам и щхьэхуэныгъэу кыыхегъэщ: «Псалъэуха кызырэклуэхэм язым, псалъэуха пажэклэ зэджэм, и щхьэ хушытыжу, псалъэуха кызырэклуэм и шытыклэ хабзэр кыыхуонэж, адреир (псалъэуха гуэдзэклэ зэджэр) пажэм и клэрыдзэну, абы мыхьэнэкли грамматикэкли епхауэ (пыщлауэ) шытщ» [Урыс 2000: 176].

Ыхьылы гъунэгъу клэхэбзэм и Грамматикэм кызырэшыщыхамклэ, зи гугъу тщлы псалъэухахэм хуэдэ мы бзэм хэткъым. Мыбы кышчагъэсэбэпыр инфинитив зэхэлъыклэ зэмылэужыгъуэхэрщ [Рогава, Керашева 2021: 446].

«Кабардино-черкесский язык» лэжыгъэшхуэм псалъэуха зэхэлъхэм теухуа Ыхьэр игъэхьэзыращ Зеклуэрей Н.Н. Щлэныгъэллым желэ «зи гъээщлаклуэ Ыхьэхэр зыгъэлурыщлэ псалъээпыщлэклэрэ псалъээпыщлэ псалъэклэрэ зэпха» псалъэуха зэхэлъхэр псалъэуха зэхэлъ-зэпхэхэу кызырэрылгытапхьэр [КЧЯ 2006: 518]. Зеклуэрейым шэч кыгтрихьэркъым адыгэбзэм псалъэуха зэхэлъ-зэпха зэрыхэтым, ауэ мы гъэпсыклэхэр бзэм и къэхьуклэщлэу зэрышытыр, языныкыуэхэм деж уеблэмэ ахэр синтаксис калыкэхэу кызырэыхыхьэр кыыхегъэщ, икли ахэр стиль илэныкыуэклэ бзэм кызырэыхэщыр луэхум кыыхелгытэ.

Синтаксис щлэныгъэм псалъэуха зэхэлъ-зэпхэхэу кылгытэр зи гъээщлаклуэ Ыхьэхэр зыгъэлурыщлэ псалъээпыщлэхэмклэрэ псалъээпыщлэ псалъэхэмклэрэ зэпха псалъэуха зэхэлъхэрщ. Мыбы ипкъ итклэ, псалъэуха зэхэлъ-зэпхам и зэхэлъыклэм хэтын хуейщ гъээщлаклуэ гупсэу тлу нэхьрэ мынэхь мащлэ, синтаксис зэпыщлэныгъэр абыхэм я зэхуакум флэклыплэ имылэу псалъээпыщлэклэ е псалъээпыщлэ псалъэхэмклэ кышызыгъэпэщэуэ. Арщхьэклэ адыгэбзэм, языныкыуэ щлэныгъэллэхэм я еплыклэмклэ, псалъэуха зэхэлъ-зэпхэхэу

кышчалыгытэхэр а мардэм изагыркъым. Зи гугъу тцӀыр мыпхуэдэ псалъэуха лӀэужыгыгъуэхэращ: *Гум, къуажэм и зэхуэдитӀыр икӀуа нэужь, сэмэгурабгъумкӀэ дидзыхащ* (Къашыргъэ Хь.); *СынакӀуэм дызэхуэзэниц; Ахэр бжэӀунэм нэсыжа нэужь Мурат псэуалгъэхэр здэщылӀэмкӀэ цунэтӀащ* (Къашыргъэ Хь.).

Мыпхуэдэ псалъэухахэр хэбгъэхьэ хьунукъым зэман, кызыхэкӀ, мурад, н. къэзыгъэлыгагъуэ гуэдзэ зыхэт псалъэуха зэхэлъхэм. Мыбыхэм ядӀлгъагъуркъым псалъэуха зэхэлъхэм, псом хуэмыдэу псалъэуха зэхэлъ-зӀпахэм, я зы нӀщӀни. Сыт щхьэкӀэ жыпӀэмэ, япӀрауэ, гуэдзэу ябж Ӏыхьэм гъэзӀцӀакӀуагъэ къэзыгъэхьу грамматикэ нӀщӀнӀ псори хэлъкъым; етӀуанӀрауэ, мыхьэнӀ и лъэныкъуэкӀэ зыгъӀурыщӀэ зэхушытыкӀэ хэткъым; ещанӀу, псалъэуха зэхэлъым и зэхэтыкӀэ нӀщӀнӀхэр, къапщтӀэмэ, псалъэухам гуэдзӀр хэзышэ зыгъӀурыщӀэ псалъэзӀпыщӀэ иӀжкъым. Мы псалъэуха къэтхьахэм хэт я Ӏыхьэхэм (зэман нӀщӀнӀ зэмылӀэужыгыгъуэ, елыта, щхьэусыгыгъуэ-къыхэкӀ мыхьэнӀхэр зиӀэ зэхэлъыкӀэхэм) я ухуэкӀӀкӀи, я мыхьэнӀкӀи псалъэухам иӀн хуей нӀщӀнӀхэм ящыщ ябгъэдэлькъым. ЛӀжыгыгъӀӀэм и инфинитив гъӀпсыкӀэхэм къагъэхьуфынукъым (къагъӀыфынукъым) псалъэуха нӀсхэр, абыхэм яухуэфыр хьэл зэмылӀэужыгыгъуэ зэхэлъыкӀэхэщ, зэман, щӀыпӀэ, мурад, щхьэусыгыгъуэ, н. мыхьэнӀхэр яӀу.

ЗӀрыщыту къапщтӀэмэ, мы псалъэуха зэхэлъыкӀэ къӀдгъэлыгъуахэр къызӀрыкӀуэхуэ къӀлыгътӀн хуейщ: мыбдежым гъэзӀцӀакӀуэбагъи, псалъэухам гуэдзӀр хишӀу зыгъӀурыщӀэ псалъэзӀпыщӀи щыӀжкъым (Къумахуэ М.Ӏ.).

БзӀщӀӀэныгъӀӀхэм псалъэуха гуэдзэу къалыгытэхэр (псалъэуха гъӀугъуахэм я элемент зэмылӀэужыгыгъуэхэр) псалъэуха къызӀрыкӀуэ зэхуэмыдэ зэхыхьэхэмкӀэ гъӀугъуахэм хыхьэ хьэл зэхэлъыкӀэ къудейщ. АрщхьэкӀэ зы жыӀгъуэкӀэ зӀфӀӀбгъӀкӀ хьунукъым адыгӀбзӀэм псалъэуха зэхэлъ-зӀпха хэт-хэмыт Ӏуэхугъуэр, апхуэдэуи занщӀӀу жыпӀэ хьунукъым адыгӀбзӀэм псалъэуха зэхэлъ-зӀпха имыӀу. ЗӀпыщӀӀэныгъӀ-гъӀурыщӀӀэныгъӀ оппозицӀэр нӀщӀнӀ зыбжанӀкӀэ ягъӀбелджылы, абыхэм ящыщӀу нэхьыщхьэу ябжыр зэхэлъыкӀэ нӀщӀнӀращ, нӀгъуэщӀу жыпӀэмэ псалъэзӀпыщӀӀэхэр зӀрыщыӀӀмрӀэ ахэр зыхуэдӀмрӀэ. ӀӀмал имыӀу зыгъӀурыщӀэ псалъэзӀпыщӀӀэр щыӀӀн хуейщ, псалъэуха гъэзӀцӀакӀуабӀэр зэхэлъ-зӀпхауэ ябжын папщӀэ.

Апхуэдэ щӀыкӀӀкӀэ адыгӀбзӀэм зыгъӀурыщӀэ псалъэзӀпыщӀӀэхэр иӀ-имыӀэ упщӀӀэр къоув. АдыгӀбзӀэм и *сыт щхьэкӀэ жыпӀэмэ, сыту жыпӀэмэ* псалъэзӀпыщӀӀэхэр къапщтӀэмэ, урысыбзӀэм щыщӀу абыхэм я зӀпӀбж псалъэзӀпыщӀӀэ «*потому что*» жыхуиӀэм типологиекӀэ пӀгъунӀгъуыщ икӀи абыхэм а синтаксис къалӀн дыдӀэр адыгӀбзӀэ псалъэухам шагъэзӀцӀэ, нӀгъуэщӀу жыпӀэмэ абыхэм щхьэусыгыгъуэ псалъэуха гуэдзӀр къыхашӀэ. АдыгӀбзӀэм зыгъӀурыщӀэ псалъэзӀпыщӀӀэхэм я бжыгъӀэр егъӀеяуэ щымащӀӀэщ. Абыхэм псалъэуха зэхэлъ-зӀпхам псалъэуха зэхэлъхэм хэт Ӏыхьэхэм ящыщ гуэр адрейм епхауэ зӀрыщытыр къагъӀыгагъуэр. Псалъэуха зэхэлъхэм хыхьэ гъэзӀцӀакӀуэ Ӏыхьэхэм я зэхуакум дӀл детерминатив зэхушытыкӀэхэр къагъӀыгагъуэфынущ щхьэусыгыгъуэ-къыхэкӀ нӀщӀнӀ зиӀэ псалъэзӀпыщӀӀэхэм. Абыхэм гупитӀ къахӀбгъӀбелджылыкӀ хьунуш. ЯпӀ гупым хыхьӀнуш псалъэуха зэхэлъым и гъэзӀцӀакӀуэ Ӏыхьэхэм я зэхуакум щхьэусыгыгъуэ зэхушытыкӀэхэр къыщызыгъӀыгагъуэ псалъэзӀпыщӀӀэхэр: *сыту жыпӀэмэ, сыт щхьэкӀэ жыпӀэмэ, сытым къыхэкӀкӀэ жыпӀэмэ, сыт папщӀэ жыпӀэмэ*.

Псалъэуха зэхэлъ-зӀпхахэм я псалъэуха пажэм мы псалъэзӀпыщӀӀэхэмкӀэ шапыщӀа мӀхьу псалъэуха пажэм къиӀуатӀэр къыщӀӀэхьу щхьэусыгыгъуэр къызыхэкӀым тепсӀлыхь гуэдзӀхэр.

ИщхьэкӀэ къыщытхьа псалъэзӀпыщӀӀэ псори къӀпльытӀэ хьунуш *сыт щхьэкӀэ жыпӀэмэ* зы псалъэзӀпыщӀӀэм и лӀэужыгыгъуэхуэ, ар нӀхь жыджӀэру къызӀрагъӀэсӀӀым елытауэ. Абы и лӀэужыгыгъуэу *сыту жыпӀэмэ* псалъэзӀпыщӀӀэр стилистикэ ильӀэныкъуэкӀэ къӀгъӀыгъуащ, къыщагъӀэсӀӀыпӀр Ӏуэху зӀрызӀрахьӀэ бзӀр аращ. ЩӀапхьӀхэр:

Салих ар зыкIи гъэщIэгъуэн кыбыцыхуакъым, **сыту жыпIэмэ** анэмрэ къуэмрэ цысы нысэм псалъэ и хабзэтэкъым (Къашыргъэ Хь.); Куржым унэсын папцIэ мээ бгитI-бгиц удэжIын хуейти, ари къезэгъырт Щэмел и мурадъм, **сыту жыпIэмэ** абы и дээр цэхуу, къамыщIэу иришыфынут Куржы цIыналъэм (Шортэн А.); Щыр тэмэму къэгъэсэбэна зэрыхуэн Iэмал къэгъуэтыгъуейиц, **сыту жыпIэмэ** цIыр тэмэму гъэша зэрыхуымкIэ цIыхур зэгурыIуанIэ ихуэртэкъым (Нало А.).

Художественнэ литературэм, Iуэху зэрызэрахъэ бзэм **сыту жыпIэмэ** псалъээпыщIэм нэхьыбэрэ ущыхуозэ, **сыт цхъэкIэ жыпIэмэ** псалъээпыщIэм елытауэ, ауэ иужьрейм жьэрыIуатэ жьабзэми фIыуэ зыщиубгъуащ, мыбы **сыту жыпIэмэ** псалъээпыщIэм ущрихьэлIаркъым: *Мыгъуэу шынэр яцэжын хуей хуащ кызырацэхуам нэхрэ зыкъомкIэ нэхъ нуду, **сыт цхъэкIэ жыпIэмэ** мазэ иримыкъум Наныкъэ хунэсат ар хьэлэчпсэлэчу зэхифыщIэну* («IуэрыIуатэ»); *Сэ кызыэхулла насытыр зыхуэдизыр сэр дьидэм си фIэц мыхъужу арац, **сыт цхъэкIэ жыпIэмэ** а насытым кыбыцIэхуэпсу, кыбыцIэбэгъуу дунейм ехьжа куэд си нэгу цIэжIац сэ* (Елгъэр К.); *«Щыта» псалъэр абы и дежкIэ нэж дьидэтэкъым, **сыт цхъэкIэ жыпIэмэ** абы и ефэндьыгъэр иджыри IэцIыб ищIыпатэкъым: ар иджыри цэхуу къуажэм дэст* (ЩоджэнцIыкIу I.).

IщхъэкIэ кыбыцIдгъэлъэгъуа мы псалъээпыщIэм и адреи лIэужьыгъуэхэр апхуэдэу куэдрэ къагъэсэбэпыркъым, стилистикэки, щыпIэбзэки езым я нэцэнэ хэхаи яIэкъым.

ЕтIуанэ гупым хеубыдэ абы кыыхэкIкIэ, абы цхъэкIэ, абы папцIэ(кIэ), ауэ цыхъукIэ зыгъэIурыщIэ псалъээпыщIэхэр. Абыхэм псалъэуха гуэдзэхэр пажэм пащIэ, я зэхуакум кыыхэкI зэхушытыкIэхэр кыдагагъуэу. Псалъэуха гуэдзэм уегъэлабгъу псалъэуха пажэм и лэжыгъэцIэ-гъээщIэным кыжиIэми, псалъэуха пажэ псом пкърыльми къарикIуэр. Зэрыхабзэци, апхуэдэ псалъэуха зэхэлъхэр компонентитIу зэхэтц, гуэдзэ Iыхьэм кIэрыув увыпIэр иыгъыу.

Дызытепсэлъыхь псалъээпыщIэхэр фонетикэ илъэныкыуэкIэ зэтемыхуэхэу щыIэщ, псалъэм папцIэ: абы кыыхэкIкIэ, абы кыыхэкIыу, абы кыыхэкIи, нэгъуэщIхэри. Ауэ мыпхуэдэ гъэпсыкIэ зэтемыхуэныгъэхэм мыхьэнэки, синтаксис илъэныкыуэки зэхуэаIыныгъэ лъэпкъ къашэркъым, псалъэм папцIэ:

Езым абэзэхэ гъунапкъэхэм щалэжъ бзаджагъэр абазэхэхэм тралъхьэнри я хабзэц, абы кыыхэкIкIэ а гъунапкъэм уэркъ шу нэгъуаджэхэм щалууэным абазэхэхэм зыцахъумэу цытац (КIэрашэ Т.); *Мы гъэм а къуажэм и колхозхэтхэр фIыуэ лэжъащ, фIыуэ лэжъахэм я гъэныр изиц, абы кыыхэкIыуи пцыхьэцхъэкIэрэ я жагъуэтэкъым я Iэнэхэм ихын IэфIхэр телъу бгъэдэсыныр* (Къашыргъэ Хь.); *Апхуэдэу гупсысэ IэфIхэм зэцIацтауэ Софят зэрынэжсэгужэм Лусэ гу лытат, абы кыыхэкIкIэ зы псалъэ едыгъуэки Софят и гурыцIэ хуабэхэм япэрымыуэу езыри иджыпсту нэцхьыфIэ дьидэт* (ЩоджэнцIыкIу I.).

Абы папцIэ, ауэ цыхъукIэ псалъээпыщIэ псалъэхэм, абы кыыхэкIкIэрэ жыхуиIэм елытауэ, нэхъ мащIэрэщ псалъэуха зэхэлъ-зэпхам и гъээщIаIкIуэ Iыхьэхэм я зэхуакум детерминатив зэхушытыкIэхэр кызырэщагъэлабгъуэр.

Синтаксис цIэныгъэм щызэтеува IуэхуеплъыкIэм тепщIыхьэм, псалъэуха зэхэлъ-зэпхахэр гъэбелджылын, модель лIэужьыгъуэхэр кыыхэгъэщхьэхуакIын зэрыхуейр абыхэм я зэхэлъыкIэм и нэцэнэ нэхьыщхьэхэмкIэщ. Псалъэуха зэхэлъ-зэпхахэм я гъээщIаIкIуэ Iыхьэхэм яку дэль синтаксис зэпыщIэныгъэр псалъээпыщIэрэ псалъээпыщIэ псалъэхэмкIэ кызыгъэпэща мэху. Апхуэдэ псалъээпыщIэ зэпхыныгъэр зыгъэIурыщIэу щытц.

ТегъэщIапIэхэр Список источников

Джаурджий, Дзасэжъ 1995 – *Джаурджий Хь.З., Дзасэжъ Хь.Е.* Адыгэбзэ. IыхьитIу зэхэлъу. Налшык: Нарт, 1995. II Iыхьэ. 240 с.

КЧЯ 2006 – Кабардино-черкесский язык: В 2 т. / Гл. ред. М.А. Кумахов. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 2. 520 с.

Урыс 2000 – *Урыс Хь.Щ.* Адыгэбзэм и тхыдэ. ИыхьитIу зэхэлъу. I Iыхъэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 360 с.

Рогова, Керашева 2021 – *Рогова Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка (Переиздание). Майкоп: Качество, 2021. 480 с.

References

Dzhaurdzhij H'.Z., Dzasjezh' H'.Z. *Adygjebzje* [Kabardino-Circassian language] / Iyh'itlu zjehjel#u. Nalshyk: Nart, 1995. II Iyh'je. 240 s. (In Kabardino-Circassian)

Kabardino-cherkesskij jazyk [Kabardino-Circassian language]: v 2 tomah. / Gl. red. M.A. Kumahov. Nal'chik: Jel'-Fa, 2006. T. 2. 520 s. (In Russia)

Urys H'.SHH. *Adygjebzjem i thydje* [history of the Kabardian language]. Iyh'ytlu zjehjel#u. I Iyh'je. Nal'chik: Jel'brus, 200. 360 s. (In Kabardino-Circassian)

ROGAVA G.V., KERASHEVA Z.I. *Grammatika adygeiskogo yazyka* (Pereizdanie). Maikop: Kachestvo, 2021. 480 s.

Авторым теухуауэ

Шэру Н.Гъу. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щIэныгъэ лэжъакIуэ нэхъыжь.

Информация об авторе

Н.Г. Шериева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

N.G. Sherieva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 02.07.2023

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 02.07.2023

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-81-88

«И Я – КАВКАЗ, И Я ОТТУДА...». ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА МАЛОЙ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), Нальчик, Россия, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2023

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы многообразия тем, отраженных в поэзии Инны Кашежевой, созвучной с поэзией современности. В ходе анализа автор отмечает, что в поэзии И. Кашежевой красной линией проходит тема Кавказа – как родины поэтессы. С ней созвучна и тема отца, как основной парадигмы, заключающий в себе этот образ родины. Задача состоит в том, чтобы рассмотреть особенности творчества путем сравнительного и структурного анализа поэтического творчества И. Кашежевой. А также исследовать отдельные мотивы поэзии и связанных с нею литературных процессов в художественно-эстетическом измерении. Рассмотреть также границы пересечения обозначенных тем творчества, суть, значение и влияние ее на современную постсоветскую поэзию. Затронуть проблему эволюции творчества кабардинской русскоязычной поэтессы И. Кашежевой и вопросы формирования ее художественной индивидуальности. Автор приходит к выводу, что этноспецифика стихов состоит в отражении темы Кавказа и малой родины. Чаще эти темы воплощены в образе отца – как отражение родины. С ними связаны нерасторжимыми узами горы. Научная новизна исследования состоит в том, что в данной статье впервые затронута одна из главных тем творчества И. Кашежевой, заложенная в основе поэзии, матрица, на которой строится весь художественный мир: отец – как символ Кавказа; Кавказ – как символ Родины. В целом, рассмотрены вопросы художественно-эстетического измерения творчества поэтессы.

Ключевые слова: поэзия, символ, Кавказ, родина, поэтическое пространство

Для цитирования: Алхасова С.М. «И я – Кавказ, и я оттуда...». Воплощение образа малой родины в лирике Инны Кашежевой // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 81–88. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-81-88

Original article

“AND I AM THE CAUCASUS, AND I AM FROM THERE...”. THE IMAGE OF THE SMALL HOMELAND IN THE LYRICS OF INNA KASHEZHEVA

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of

the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhass55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2023

Abstract. The article deals with the diversity of topics reflected in the poetry of Inna Kashezheva, consonant with the poetry of modernity. In the course of the analysis, the author notes that in the poetry of I. Kashezheva, the theme of the Caucasus, as the motherland of the poetess, runs like a red line. The theme of the father is also consonant with it, as the main paradigm that embodies this image of the motherland. The task is to consider the features of creativity through a comparative and structural analysis of the poetic creativity of I. Kashezheva. And also to explore the individual motifs of poetry and related literary processes in the artistic and aesthetic dimension. Consider also the boundaries of the intersection of the indicated themes of creativity, the essence, significance and influence of it on modern post-Soviet poetry. To touch upon the problem of the evolution of the work of the Kabardian Russian-speaking poetess I. Kashezheva and the formation of her artistic individuality. The author comes to the conclusion that the ethnospecificity of the poems is to reflect the theme of the Caucasus and the small homeland. More often these themes are embodied in the image of the father – as a reflection of the motherland. Mountains are connected with them by indissoluble bonds. The scientific novelty of the study lies in the fact that this article for the first time touches upon one of the main themes of I. Kashezheva's work, which is the basis of poetry, the matrix on which the entire artistic world is built: the father as a symbol of the Caucasus; The Caucasus is a symbol of the Motherland. In general, the issues of the artistic and aesthetic dimension of the poetess's work are considered.

Keywords: poetry, symbol, Caucasus, motherland, poetic space

For citation: Alkhasova S.M. "And I am the Caucasus, and I am from there...". The embodiment of the image of a small homeland in the lyrics of Inna Kashezheva. Vestnik KBIHI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 81–88. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-81-88

В большей части лирических стихов Инны Кашежевой всегда есть незримая связь с образом малой родины – Кавказа. И почти всегда он воплощается в образе отца. Матрица «отец – родина – Кавказ» является тем символом, той основой, на которой построен весь художественный мир поэтессы.

В многообразии тем, отраженных в ее стихах, в поэзии, созвучной с поэзией прошлого века, и созвучной с поэзией современности, – всюду красной линией проходит тема Кавказа, как родины поэтессы, и тема отца, как основной парадигмы, заключающий в себе этот образ родины.

Этноспецифика стихов состоит в отражении темы Кавказа и отца как воплощение родины, и связанные с ними нерасторжимыми узами горы. Эпоха, в которой родилась поэтесса, важные исторические, социальные и культурные события времени, повлияли на формирование ее мировоззрения, на развитие главных мотивов, которые стали определяющими темами в ее творчестве. Несомненно, и само время, и все, что с ним связано, отразились в ее поэзии.

Стихов Кавказу, звучащих как на русском, так и в переводах на кабардино-черкесский язык, посвящена значительная часть творчества И. Кашежевой. Яркий пример – известные стихи «О родина отца, о родина моя!», «Кабарда», «Родина, родившая отца», «Заговори, отец, по-кабардински», «А в моей Кабарде жара», «Кавказ подо мною..., а тропы все вверх», «О названья земли родной», «Нальчикские улицы», «Глаза мои орлиные», «Отец мой – суровый горец», «Хочу лакума, пахнущего детством», «Горы, горы, вас надо любить, «И я – Кавказ, и я оттуда», «Река Баксан», «Кавказские духаны», «Кафа», «Праздник в Каменномосте» и др.

В поэзии И. Кашежевой Родина и Кавказ слились воедино, как два чистых мощных потока в одну реку.

Н. Смирнова отмечает, что «Кавказ Инны Кашежевой – это найденный ею роль бытия в его вечности, подлинности, сиюминутности, иллюзорности, естественности, несомненности, осязаемости, трансцендентности. И горы здесь –

символ веры и верности, подлинное чистилище для души. Это – Страна Эльбруса: пространство, обладающее поразительной способностью быть не только неизменным внешне, но и неизменным в своей внутренней сути – высокого измерения бытия» [Смирнова 2016].

Вместе с тем, истоки ее поэзии заключают в себе естественность и простоту поэтических образов при их интеллектуальной наполненности. Она – глубокий мыслитель и тончайший лирик одновременно: «Моя Родина – Кабарда, отчий дом – Каменномост. Сердце мое стучит в Москве, а душа поет в Каменномосте».

Вся поэзия И. Кашежевой на космологическом уровне пронизана лирическими темами упоения жизнью, красотой и гармонией: это – любовь к Родине и любовь к Кавказу. Как заклинание звучат эти стихи:

*И я – Кавказ. И я оттуда,
где пахнет ледником роса,
где мне дарованы два чуда –
на мир взглянувшие глаза.
Где чуткий жеребенок – детство,
лишь свистнешь – и примчит тотчас,
где так естественно соседство
долин и гор... И я – Кавказ.
Я продолженье той легенды,
какой не может быть конца.
И я – Кавказ. Мне вписан в гены
лик этот волею отца.*

[Кашежева 2014: 82].

Жизнь поэтессы, весь творческий путь неразрывно были связаны с Кавказом. Образ родины олицетворял ее отец – Инал Шахимович Кашежев, кабардинец из села Кармахабль, полковник, летчик-испытатель. Инна родилась и выросла в Москве, но, будучи внучатой племянницей адыгского просветителя Талиба Кашежева (1866–1931), духовно всегда была связана с Кавказом. Кавказ олицетворяли и Кабарда, и Балкария, они составляли основной хронотоп ее творчества. В душе поэтессы всегда была жива память о тех местах, где она родилась и выросла, о нелегких, но светлых впечатлениях детства, о мятежных порывах юности – словом, та нить, которая связывает настоящее с прошлым и будущим. В целом ее стихи отличает не столько философская направленность, сколько эмоциональная глубина и сила конкретного переживания, подкрепленная рассказами отца о фронте, о военных действиях: «Отцовская папаха», «Родина, родившая отца», «Отец уходит первым» и др. Ярким выражением всего этого стало ее знаменитое: «Заговори, отец, по-кабардински...»:

*Заговори, отец, по-кабардински,
Хотя б немного внуков поучи,
Звеня уздечкой звуков, проскачи
В тот край, где ты, на счастье им родился*

[Кашежева 2014: 83].

Инна Иналовна Кашежева – дочь «Вольного аула», как назвала она свой первый сборник. И все пронизано любовью к Кавказу:

*И я – Кавказ.
И я оттуда, в нем до конца растворена,*

*а он во мне... Мы два сосуда,
в которых кровь течет одна*
[Кашежева 2014: 82].

Или:

*Отец мой суровый горец,
Глаза ледяной росы,
А мама из нежных горлиц,
Рожденных на Руси*
[Кашежева 2014: 15].

Образ родины, Кабарды, и образ отца сливаются в одну строгую, ладную симфонию:

*Если вдруг в снегу утону я
На дороге в два следа,
Распахнешь ты бурку теплую
И согреешь меня, Кабарда!*
[Кашежева 2014: 46].

Нерасторжимая связь отца и родины, их природное, на генетическом уровне, воплощение, подчеркнута и в другом стихотворении:

*О родина отца, о родина моя!
О, вечная и сладкая та боль...
Меня ужалила дорога, как змея,
дорога, разлучившая с тобой.*
.....
*О, пой чабан, сидящий у огня,
Пастушьим рогом широко звеня,
На родину отца верни меня!*
.....
О родина отца, о родина моя!
[Кашежева 2014: 34]

Как отмечает Л. Алоева, «поэтессой (И. Кашежевой. – С.А.) по-особому ставится сакраментальный вопрос о человеческих истоках: что же такое родина? С чего она начинается? Где пребывает? Насколько ее ощущение и притяжение зависят от непосредственного «физического» взаимодействия с ней?» [Алоева 2010: 69]:

*Заговори, отец, по-кабардински,
.....
Заговори на языке родном,
Таким гортанным и неповторимом,
Пусть в нашем доме будет пахнуть дымом
Костров пастушьих... Пусть греметь лавинам,
Синеть горам, объатым снежным сном.*
.....
*Прошу, отец, сегодня об одном:
Заговори на языке бессмертья,
Заговори на языке родном!*
[Кашежева 2014: 83].

Матрица была бы неполной, если не назвать великую, нерасторжимую связь в сознании поэтессы с горами. Горы – это что-то очень великое, возвышенное, недостижимое и прекрасное. Вселенная в поэзии И. Кашежевой – это бесконечное постижение вглубь, всеохватывающие горы Кавказа. В своем самом первом сборнике стихов «Вольный аул», изданном в 1962 г., поэтесса так обращалась к горам:

*Горы! Горы! Вас надо любить,
Как материнские любят морщины
Надо так высоко парить,
Чтобы вам целовать вершины*

[Кашежева 2014: 17].

На протяжении всей своей жизни, Инна Кашежева, живя в Москве, любила и скучала по горам, по Кавказу, так как была очень привязана к ним. Не всегда ей удавалось вырваться из московской суеты, бросить какие-то издательские обязанности, работу, друзей, и приехать на Кавказ. Вот как она об этом писала:

*А прошел всего лишь год.
Целый год без этих гор!
.....
Как же это? До сих пор...
Жить без них, любить без них...
Но без них и мир – безлик.*

*.....
А прошел всего лишь год.
Целый год моих невзгод,
Неудач, печалей, ссор,
Потому что все – без гор!*

[Кашежева 2014: 71].

Матрица «Отец – родина – Кавказ» прослеживается и в стихотворении И. Кашежевой: «Если честно, между нами...» (1994). В нем ведется рассказ о восприятии поэтессой наград отца: «Под твоими орденами был не бархат – моя кровь», – откровенно признается она. При виде наград отца сердце поэтессы «раздробилось, цвет пульсирующий ал»... Награды отца проходят через сердце дочери:

*Ордена «Звезды» и «Славы»,
и «Победы», наконец!
«Знамени», и «За отвагу» –
ордену медаль равна.
Сердцем я уже не лягу
под иные ордена!*

[Кашежева 2014: 233].

Когда умер отец И. Кашежевой, поэтессе было почти тридцать лет. Но Инал Шахимович был моложе, когда отважно сражался на полях войны, был юным «в адском времени войны». Но... «где же ее ордена..», – с горечью вопрошает поэтесса. Не знала тогда И. Кашежева, что ее ордена – это ее стихи, и они навечно останутся в сердцах людей. Поэтесса глубоко переживает уход отца:

*Боль болит...А если смолкла?
Значит, все, как говорят.*

Мне б нести лишь два осколка
Вместо всех твоих наград...

[Кашежева 2014: 233].

Смысл этого стихотворения построен на контрасте: тема родины ассоциируется с жизнью, а тема войны – со смертью. Ради Родины, которая подарила столько радостных и счастливых минут, русские солдаты шли на смерть. Поэтесса создает реалистичные образы Родины-дома и войны-смерти, для чего использует эпитеты: «дом в яблочном захолустье», «старушка в цветастом платье» противопоставлены «разбитой ели», «продрогшей, гнилой земле», «сырой шинели», «черной ржи», «смертным рубежам», «бинтам кровавым». Так же используется анафора – образы первой строфы повторяются в третьей, но уже с другим смыслом: лик женщины, возникающий в первой части, изменяется в третьей из-за войны и смерти, показанных во второй части. Смысл этого стихотворения в том, что «у войны не женское лицо», женщина и война – вещи несовместимые. Но война и ребенок – не должны соприкасаться вдвойне. А Инна Кашежева – дитя войны.

Известное стихотворение: «Родина, родившая отца, никогда не ведавшая страха» [Кашежева 2014: 194], как нельзя лучше говорит о сильных чувствах, привязанности и преданности поэтессы к малой родине. Автор готов упасть ничком перед каждым водопадом, потому что воспринимает водопад, как «слезы, льющиеся градом», словно это плачут горы... Горы плачут о тех, кто не вернулся «с огненной земли», войны. Совсем юные парни на ее малой родине, мирно пасшие скот, отправились на поля битвы, чтобы защитить свою землю от врагов... В поэтическом пространстве Инны Кашежевой, «пастушеская юность» отражается в водах горных водопадов, в его брызгах, в каждой капле, на родине отца, родине, родившей саму поэтессу:

*Водопады это песня
Тех безусых чабанов.
Нет нигде для них преграды,
Никого их нет быстрее.*

[Кашежева 2014: 189].

Романтический образ джигита также близок поэтессе. Кабардинский джигит является также одним из символов малой родины – Кабарды. В стихотворении: «В конце войны в краю неблизком...» героем является джигит на кабардинском скакуне. Автор создал романтический, и одновременно очень мужественный образ джигита, воплотившего лучшие человеческие качества. Это одно из самых талантливых и удивительных сочинений Инны Кашежевой:

*В конце войны в краю неблизком
Скакал джигит вослед войне...*

[Кашежева 2014: 78].

В стихотворении: «У судеб, как у звезд, есть величины», написанном И. Кашежевой еще в совсем ранние годы, в 1965 году, есть и такие пронзительные строки, адресованные отцу:

*...Я знаю:
горы родины заслонят меня,
как плечи сильного отца*

[Кашежева 2014: 71].

Яркая метафора: «плечи сильного отца – словно горы», – как нельзя лучше отражает восприятие отца не только как защитника дочери, но и как символ преданности родине, ее силы и незыблемости.

Стихотворение «В конце войны в краю неблизком...» – яркий, красочный, философский и музыкальный сплав исторических событий, которые разворачиваются на жизненном пути джигита, скачущего на «гневно, на лихом, на быстром кабардинском скакуне». Живо представляешь себе картины «высокогорья», как джигит на кабардинском скакуне «губами припадал к рогу, трубил, и тут же просыпался от звука боевой трубы»... Здесь описан весь путь всадника в серой папахе, его пастушье прошлое, его крестьянское ремесло:

*И вновь джигит, не зная страха,
Летел на скакуне шальном,
И пахла серая папаха
Его высокогорным сном.*

[Кашежева 2014: 78].

Коренное родство с Кавказом как нельзя лучше проявляется в этом сочинении И. Кашежевой. Поэтесса никогда не забывала родовые и этнические корни, всегда возвращаясь к любимому Кавказу. Кавказ оставался в ее сердце даже в самые сложные, последние годы ее жизни, давая ей силу и веру в будущее. Символ Кавказа – папаха, слилась едино с образом отца. Позже Инна писала:

*Отец, надень папаху!
Во времени другом
прижмусь к тебе, пропахну
морозцем и дымком.
вновь добро и усато
вломай улыбкой рот,
сощурься... А утрата
у трапа подождет*

[Кашежева 2014: 109].

Поэтическое слово в художественном выражении предстает здесь как парадигма контекстов, конкретных словоупотреблений в их синтагматических связях, позволяя установить, какое видение мира отражено поэтессой в данном контексте, какие именно фрагменты знания в нем закреплены:

*Летный шлем и папаха,
И – «мальш мой» – баском...
Мое детство пропахло
Его табаком.*

[Кашежева 2014: 127].

Таким образом, творчество И. Кашежевой – это новый этап в обогащении художественной мысли России и Кавказа, а ее лирика опирается на опыт русской поэтической школы, лучшие традиции русского и Кавказского фольклора. Мы пришли к выводу, что поэзия Инны Кашежевой имеет Вселенское значение. Родина и Кавказ – как символы мироздания. Они воплощают, в то же время, образы кавказских гор и образ отца-победителя. На этой матрице строится весь художественный мир Инны Кашежевой: отец – как символ Кавказа и как символ родины.

Список источников

- Алоева 2010 – *Алоева Л.* Незаходящее солнце Инны Кашежевой. // Инна Кашежева. Нальчик: Эльбрус, 2010. С. 89.
- Кашежева 2014 – *Кашежева И.* Избранное: Стихотворения / сост. Дж.П. Кошубаев. Нальчик: Эльбрус, 2014.
- Смирнова 2016 – *Смирнова Н.* Инна Кашежева. URL: https://45parallel.net/inna_kashezheva/ (дата обращения 05.03.2023).

References

- ALOEVA L. *Nezahodychee solnce Inni Kashezhevoy*. [The non-setting sun of Inna Kashezheva]. Nal'chik: El'brus, 2010. P. 89. (In Russian).
- KASHEZHEVA I. *Izbrannoe: Stihotvoreniya*. Sost. Dzh.P. Koshubaev. [Favorites: Poems / Compiled by J.P. Koshubaev.]. Nal'chik: El'brus, 2014. 320 p.(In Russian).
- SMIRNOVA N.A. *Inna Kashezheva* [Inna Kashezheva]. URL: https://45parallel.net/inna_kashezheva/ (date of treatment 05.03.2023). (In Russian)

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 19.06.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-89-96

ОБРАЗЫ СВЕТА И ТЬМЫ В ПОЭЗИИ ЗАРИФА ГУЧАЕВА

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

© И.А. Кажарова, 2023

Аннотация. В ракурсе возможностей более углубленной интерпретации творческой истории и приближения к философии личности художника в статье актуализирован аспект светотеневой образности литературного произведения. На материале поэтических произведений Зарифа Гучаева исследуется светотеневая образность, характерная для его изобразительной манеры. Показано, что образы тьмы и света, независимо от того, играют они в его произведениях доминантную или второстепенную роль, существуют в творческом сознании Зарифа Гучаева в тесной связи и активном взаимодействии с его лирическим «я». Выявлены семантические и композиционные особенности построения светотеневого рисунка в его философской и интимной лирике. Проанализированы образцы отождествления лирического «я» с образом свечи и закономерности его взаимодействия со световыми персонажами. Акцентирована смена «местоположения» лирического «я» по отношению к световым персонажам в тех случаях, когда в пространство произведения вступает «она». Доказано, что если тьма в основном пассивна, играет фоновую роль, то свет, независимо от степени его акцентирования, активно проявляет себя в сюжете произведения. Интерпретированы световые вариации, наиболее органичные поэтическому сознанию Зарифа Гучаева. Определен мировоззренческий подтекст, метафорически сформулированный в светотеневом решении его поэзии.

Ключевые слова: Зариф Гучаев, образ, поэзия, свет и тьма, лирическое «я», самоотождествление, философия личности

Для цитирования: Кажарова И.А. Образы света и тьмы в поэзии Зарифа Гучаева // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 89–96. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-89-96

Original article

IMAGES OF LIGHT AND DARKNESS IN THE POETRY OF ZARIF GUCHAEV

Inna A. Kazharova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

© I.A. Kazharova, 2023

Abstract. In the perspective of the possibilities of a more in-depth interpretation of creative history and approximation to the philosophy of the artist's personality, the article actualizes the aspect of the chiaroscuro imagery of a literary work. Based on the

material of the poetic works of Zarif Guchaev, the chiaroscuro imagery characteristic of his pictorial manner is investigated. It is shown that the images of darkness and light, regardless of whether they play a dominant or secondary role in his works, exist in the creative consciousness of Zarif Guchaev in close connection and active interaction with his lyrical self. Semantic and compositional features of the construction of a chiaroscuro drawing in its philosophical and intimate lyrics are revealed. The samples of identification of the lyrical «I» with the image of a candle and the patterns of its interaction with light characters are analyzed. The change of the «location» of the lyrical «I» in relation to the light characters is emphasized in those cases when «she» enters the space of the work. It is proved that if darkness mainly plays a background role, then light, regardless of the degree of its accentuation, as a rule, manifests itself actively in the plot of the work. The light characteristics that are most organic to the poetic consciousness of Zarif Guchaev are interpreted. The ideological subtext is defined, metaphorically formulated in the chiaroscuro solution of his poetry.

Keywords: Zarif Guchaev, image, poetry, light and darkness, lyrical “I”, self-identification, personality philosophy

For citation: Kazharova I.A. Images of light and darkness in the poetry of Zarif Guchaev. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 89–96. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-89-96

Исследование светотеневых соотношений в творческом сознании увлекает своей содержательностью. Ведь свет и тьма – универсалии, которые художник обойти не может, они обязательно отобразятся в его творчестве, и не имеет значения, в какой области искусства он себя выражает, различимы они в объеме всего творчества или только отдельных произведений, принадлежит им ключевая или фоновая роль. Главное, что это тот язык, или же тот образный код, который будет им задействован неизбежно. Понимание этого языка исследователем непременно дополнит смыслами интерпретацию творческой истории и поможет приблизиться к философии личности художника, поскольку при всей своей привычности тьма и свет в любой культуре имеют очень богатую биографию.

Исследовательские работы, выявляющие светотеневые соотношения в литературном произведении, дают нам основание рассуждать о смысловом подтексте света и тьмы, о разновидностях того и другого, о разнообразии их носителей, источников, о закономерностях, которые кроются в степени интенсивности света и тьмы, в логике и нюансах их взаимодействия, в сопряженности светописы с цветописью, и так далее [Фарино 2004: 301–322; Кажарова 2008: 72–76; Захарова, Оляндэр 2015: 5; Дождикова 2021: 33–37].

В предлагаемой статье будут прослежены образные взаимоотношения света и тьмы в поэзии Зарифа Гучаева.

Зариф Туганович Гучаев – адыгский поэт, уроженец селения Чегем I Кабардино-Балкарии. Жизнь этого человека была, к сожалению, недолгой (1966–2019 гг.). В широких кругах Гучаев был известен в основном как журналист. Работал в газете «Адыгэ псалъэ» и на республиканском телевидении. Рассуждать о том, что он мало известен в писательской ипостаси, было бы излишне, – это участь, постигшая большинство авторов его поколения. Вероятная причина тому резко изменившиеся в 1990-х годах социокультурные условия, при которых снизилась степень взаимодействия читающей публики с художественной литературой, что в особенности болезненно сказалось на литературах регионов. Но речь сейчас не об этом.

Определенным знаком признания творческого слова З. Гучаева можно назвать то, что несколько его произведений было отобрано для важного издания минувшего столетия, «Антологии кабардинской поэзии XX века» (2008), где, по идее, сосредоточены самые показательные имена обозначенного периода.

Творческое наследие Зарифа Гучаева пока что остается неисследованным. Остались два прижизненных сборника его поэтических произведений – «Огонек в степи» («Губгъуэ мафIэ», 1992) и «Восковая свеча» («Шэху уэздэгъэ», 1999),

кроме этого, на страницах республиканской периодики можно обнаружить его прозаические опыты. Писал он на кабардино-черкесском языке.

Когда подступаешь к поэзии Зарифа Гучаева, пытаешься обнаружить устойчивые величины его образного мышления, первым делом напрашиваются к рассмотрению световые образы. Не случайно они определили названия обоих сборников – «Огонек в степи» и «Восковая свеча».

В самом привычном понимании свет – это духовное, возвышенное, созидающее начало, темнота же «традиционно ассоциируется со злым началом и подчиненными ему силами разрушения» [Кирло 2007: 426]. И Зариф Гучаев не изменил этой традиции. Подобная черно-белая интерпретация света и тьмы сопровождает философские рассуждения, которыми он открывает лиро-эпическую поэму «Начало бытия – любовь...». Уже в начальных строках он делится с читателем своим подозрением о том, что наше земное бытие – ничто иное как вступление в ад. Ссылаясь на то, что испокон веку природа человека особо не изменилась, он упоминает о бесконечных войнах, о двойственном отношении людей к своим героям, о том, что история человечества пишется кровью. Подытоживает эти размышления символическая картина противостояния ночи и дня, при этом день привычно ассоциирован с духовностью человека, а ночь – с его проступками: «*Зэрипэсын имыдэу, жэциыр махуэм / Пэцилэтиц, лэмыкIыу кьигьэлурыцилэн... / Ди гьаицIэри арац... / Кьуаишагьэр жэцици, / ТIэцилIэкрэ теицэ цытицIу цытмэ ди псэм, / Нэху цыху гукьеуэ псыдзэхэм ялэсу, / Акьыл цыуар мэхыху дагьэгупсысэр. / ДгьэкIуэдмэ ди гуэныхьхэм я лэуужь, / Махуэцилэм гуцилэ жабзэр кьыдоушыр. / Щхьэхуит хьужа цIыхупсэм зыкьеужь, / ЗеIэтыр ер зи инагьыр жьгьей цыхь-ужу» [ГьушIо 1999: 48]. В приблизительном переводе: «Себя достойным его не признавая, ночь против дня / Встает, не в силах приручить его... / И наша жизнь такая... / Проступки – это ночь, / Их допуская, если в душе своей господствовать позволить им, / До самого рассвета они (ее) потоками переживаний будут размышлять, / Свершивший ошибку разум сил лишая. / Но, если устраним последствия своих грехов, / С новым днем проснется сердце чистым / Душа, обретшая свободу, возрастает, / Стремится ввысь (она), и зло в своих масштабах ей видится ничтожным» (Перевод наш. – И.К.). Стоит сразу отметить, что подобная линейность восприятия света и тьмы (дня и ночи) встречается только в названной поэме. «Что же касается лирических стихотворений, то в них З. Гучаев больше склонен к восприятию нюансов, и здесь он раскрывает намного больше смыслов, заложенных во взаимодействии света и тьмы» [Кажарова 2003: 197].*

Источники света в его поэзии вполне привычны: свеча, луна, звезды, солнце, лучи, свет радости. Тьма – это главным образом ночь, в его лексиконе *кIыфI* (тьма) и *жэиц* (ночь) синонимичны. Но здесь интересны не столько формы, в которых предстают свет и тьма, а то, что эти образы, независимо от того, играют они в его произведениях доминантную или второстепенную роль, существуют в творческом сознании Зарифа Гучаева строго во взаимодействии с его лирическим «я». Исключения единичны – это его пейзажные зарисовки.

Заглавное произведение, которым открывается сборник 1999 года, живописует судьбу свечи. Это одушевленный свет, затерявшийся во тьме, тихо плачущий, изнемогающий, мыслящий, страдающий во имя других. То, что в заглавие помещен этот образ, уже знаменует все подобные смыслы: противостояние тьме, горение во имя кого-то, жертвенность и т.д.

Как сообщает «Словарь символов» Х. Кирло, в мировой культуре «...горящая свеча является символом индивидуального света и, соответственно, человеческой жизни, противопоставленной космической и универсальной жизни» [Кирло 2007: 382]. В то же время иные источники склонны рассматривать свечу в контексте христианства, и тогда привходит мотив связи с небесной сферой: «Свеча – «лицетворение божественного света, идущего с небес, света как материального, то есть солнца, так и света духовного; кроме того, символ мимолетности, бренности

человеческой жизни. Как духовный свет во тьме невежества свеча – один из важнейших христианских символов» [Энциклопедия 2006: 508].

Вроде бы ничего непривычного не происходит. Но примечательно, что в названном произведении перекликаются своим мерцанием свет «нижний», земной (свеча) и «верхний» (звезды), и то, что в какой-то момент свеча перестает быть соотношенной с неким неопределенным лицом.

Эта свеча, хоть и является частицей земного мира, ему не принадлежит, космосу не противопоставлена, а напротив, тоскует по миру горнему, и сгорая, в конце концов сливается с космосом. В третьей строфе заявляет о себе модальность лирического «я». И свеча уже предстает как образ его самоотождествления: «*Сыщегъасэ щыльэм уи псэукIэ хейм, / УщыкIуэжкIи уэгум сыздытэх дунейм*» [ГъущIо 1999: 3]. – «Мне примером на земле твое бытие безгрешное, / Возвращаясь в небеса, забери меня с собой» (Перевод подстрочный. – И.К.). Лирическое «я» Зарифа Гучаева заявляет о своем желании быть подобным свече, стало быть, отождествляет себя со светом, а не с тьмой. Но судьба этого света очень печальна. При всей силе ее самоотдачи свеча быстро оказывается не востребованной, в привычном «человеческом» измерении ее свет напрасен. Иное на этой земле вряд ли возможно, ведь люди равнодушны, никто и не заметит, как свеча дымком возвращается к звездам, а те, кто зажег ее, пребудут во тьме, – констатирует поэт. Тьма здесь физическая и метафизическая. Но свет свечи не просто растворяется во тьме, это еще и свет, который гасится светом более ярким: свечой пренебрегут, лишь только взойдет солнце [ГъущIо 1999: 4]. Свеча – источник света, который пребывает в камерном пространстве, то есть несет в себе смыслы «не для всех».

Как отмечено выше, самоотождествление со свечой приходится строго на композиционный центр произведения – третью из пяти строф. Надо сказать, что в сборнике «Свеча» это тот редкий случай, когда «я» в своем волеизъявлении помещает себя в самый центр композиции. Чаще всего, и особенно это заметно в интимной лирике, «я» в момент проявления своей активности композиционно смещено. А в центре оказывается «она». И, разумеется, «она» всегда имеет непосредственное отношение к свету.

Героиня его сердца представлена не как носитель света, а как та, в отношении которой световые образы выступают кем-то вроде служителей. Таковы созвездия, луна, солнце и всевозможные лучи в стихотворении «*Вагъуэзэшиблыр зыщIегъури...*» («Взяв в спутники семь звездных братьев...»), такова свеча в стихотворении «*Шэху уэздыгъэу сыщытамэ...*» («Если был бы я свечою...»), таковы снопы света в стихотворении «*Дыгъэ бзийхэр хуитщ къодэхэщIэну...*» («Солнечные лучи вправе дарить тебе ласку...»), таков лунный свет в стихотворении «*Шэху уэздыгъэм и мафIэ IэмащIэльэмащIэм...*» («Свечки робкий огонек...»): «*Шэху уэздыгъэм и мафIэ IэмащIэльэмащIэм / Ецхъу мо мазэр мы жэщ цхъэукъуэм сфIыхоткIухъ, / КъыкIэрытц ар цхъэгъубжэм, зэкIэльгыгъэпIащIэу / Си гупсысэ сIэщIихыу ищIыгур уи пцIыхъ*» [ГъущIо 1999: 43]. – «Словно зыбкий огонек свечи, / Луна (моим желаниям вопреки) тает в этой задремавшей ночи, – / Стоит она за окном, подгоняя / Мои мысли, что, забрав у меня, обратит в сновиденья твои» (Перевод подстрочный. – И.К.). Луна «стареется» ради «нее». Луна – носитель света в ночной мгле, а лирическое «я» находится во взаимодействии с этим светом. Оба ограничены в своих светоносных возможностях, но в этой ограниченности они не равны: «*Сэ сыхуейт къэзгъуэтыну уэр цхъэкIэ пцIыхъ дахэ, / Ауэ мазэм си гущIэр пысщIэну слъэмыкI, – / МэкIэзызри мазэгъуэм къытитх нур цIыкIу махэр, / ЩызубыдкIэ си гущIэмкIэ, псынищIэу пощIыкI...*» [ГъущIо 1999: 43]. – «Мне б хотелось отыскать для тебя сон прекрасный, / Но к луне пристроиться сердцем мне не дано, – / Колеблется зыбкий отсвет луны, / Стоит мне захватить его в свое сердце, тут же переламывается он...» (Перевод подстрочный. – И.К.).

Свою способность нести свет он пока не акцентировал, он просто показывает здесь свое «я» в прямом и свободном взаимодействии с одним из носителей света. Зато в следующей строфе «я», пусть и уступает им по своей интенсивности, но находится в одном ряду со «световыми персонажами»: «*Сремыцхьми дыгъэм, сьмыхъуми мазэ, / Шэху уэздыгъэу уи жэцхэр слъэкъынт згъэнэхун. / Шхъэ уназэ сиццыжэу гупсысэр мэхуарзэ, / Химыгъуатэу жэцхэр нурым зы тццыгъхэ ирикъун...*» [Гъушццо 1999: 43]. – «Пусть не схож я с солнцем, не гожусь быть луною, / Как свеча, я сумел бы твою ночь озарить, / Доводя до головокружения, парит моя мысль, / Не обнаруживая в светлой ночи ничего, что хватило бы на одно сновиденье...» (Перевод подстрочный. – И.К.). Уже не в трагическом ключе, но вновь самоотжествление со свечой, яркость которой уступает более сильным носителям света – солнцу и луне. Вновь тьма, на фоне которой существует светоносное «я», но тьма не кромешная, а слегка подсвеченная. Уже без явных ноток жертвенности, но вновь знакомый мотив сгорания во имя другого.

Этот же мотив доминирует в стихотворении «Если был бы я свечою...». «Она» в своей внешней и внутренней красоте подобна вселенной, а «я» – это лишь мечта быть свечой на «ее» ладони, занять скромное место в ее мире, озарять, оберегать его, служить ему до последнего часа. Вновь модель тихого, убывающего, почти беззвучного, почти незаметного присутствия: «*Шэху уэздыгъэу сыццытамэ, / Уи лэмыццэу сыццыблэнут. / Тккъуэпс эткъуыпс уи лэм теткъуэу, / Зэхъумыхъу уи ццэу жысцэу / Уи лэмыццэу сыццыблэнут, / Шэху уэздыгъэу сыццытамэ*» [Гъушццо 1999: 5]. – «Если был бы я свечою / В твоей руке бы я светил. / Стекающие капли падали бы на твою руку, / Неслышимый тобой, твое имя бы я повторял / В твоей ладони бы светил / Если был бы я свечою» (Перевод подстрочный. – И.К.).

Каждую из трех строф этого стихотворения оформляет кольцевой повтор «шэху уэздыгъэу сыццытамэ» («если был бы я свечою...»), и каковы бы ни были вариации светоносности «я», такая рамка лишь усиливает ощущение его ограниченности, непричастности «ее» миру. Даже тогда, когда его свет достигает апофеоза: «*Шэху уэздыгъэу сыццытамэ, / Мы си гъаццэу птекъуэдэнут, / Ди дунейм гуфццэу тетым / Бзий къуэлэну къыпых нурыр / Едэхацицэу уи гуи уи пси / Упсэунт, / сытыбгъэнауэ / Шэху уэздыгъэу сыццытамэ*» [Гъушццо 1999: 5]. – «Если был бы я свечою, / Всю жизнь посвятил бы тебе, / Всей радостью, что существует на нашей земле, / Изливаемые лучи / Ласкали б и сердце твое, и душу / Так бы жила ты, / Зажженной тобою / Если б был я свечою» (Перевод подстрочный. – И.К.). Движущая сила этого мира – «она», которая могла бы зажечь его, как свечу.

Интересно выстроено воздействие образов природы героине его сердца в стихотворении «Приветлив лик этой ночи...». Поначалу складывается впечатление изыщной пейзажной зарисовки, в которой присутствует и подсвеченная тьма ночи, и звездные узоры, и лишь последнее предложение создает смысловую инверсию – оказывается, вся светотеневая красота этой ночи разворачивается во имя «нее»: «*Мы жэццым и ццэу налуэ хъуац, – / Мо уэгум нэс вагъуэ къехар / И нэхуццэу дунейм толъэццыгъыпс, / Нэхъ дахэ иццыну уи тццыгъыпс...*» [Гъушццо 1999: 37]. – «Раскрылась тайна этой ночи, – / Вон та в зените звезда / Ласкает мир своим светом, / С тем, чтобы сделать прекрасней твой сон...» (Перевод подстрочный. – И.К.).

В «системе координат» лирического «я» Зарифа Гучаева присутствие в его мире яркого света обретает смысл лишь благодаря «ее» присутствию. А иначе «я» – не более чем тающая в бескрайней ночи свеча: «*Уэр мыхъуамэ гъаццэу / Дыгъэкцэу ццэураццэу, / Шццыгъэм си махуэццэу / Дауэ щесхъэкъынт? / Гуццэу зэццэу лэпцэу / Укъысхуэмыккъуамэ, / Шэху уэздыгъэу сыткъуу / Гъаццэу жэцхэр сфццэу ццэу...*» («Фыгуэ уццэу слэагъур...») [Гъушццо 1999: 41]. – «Если бы не ты, жизнь / Солнцем украшенную, / На земле (этой) свой новый день / Как бы проживал я? / Облагораживая (мою) душу / Если б ты ко мне не явилась, / Таял бы я свечою / Жизнь мне казалась бы ночью...» («Почему тебя я люблю...») (Перевод подстрочный. – И.К.).

Если свеча в одноименном стихотворении не только «тихо плачет» и «тает», но еще и «*посверкивает огоньком*, мечтая о небе», «гордо *сжигает* свое тело» и т.д., а в стихотворении «Если был бы я свечою...» она «горела бы в твоей ладони», то в стихотворении «Почему тебя я люблю...» способность ее к световым действиям не обозначена: она не горит, не сверкает огоньком, а *тает* во тьме.

Героиня сердца – самая значимая величина для лирического «я», но этого недостаточно, ему важно, чтобы эта значимость простерлась на все мироздание, и в это стремление он несколько своеобразно вовлекает свет (небо) и тьму (ночь) – то и другое обязано померкнуть в соотнесении с «ее» глазами: «*Ельытауэ уи нэм / Уэгур зы ІэпапІэу, / Жэцми чэнжрэ фаджэу / Цыхухэм я фІэц сиҫІынц*» [Гъушҫо 1999: 41]. – «(В том, что) по сравнению с твоими глазами / Zenit подобен пятну, / Когда же ночь, то неглубока (она) и бесцветна / Я уверю людей» (Перевод подстрочный. – И.К.).

Едва ли стоит лишний раз останавливаться на традиционном сравнении глаз любимой со звездами, но в общих светотеневых тенденциях сборника в этом образе читается знак тяготения Зарифа Гучаева к смягченной тьме, а еще органичность его лирического «я» ночному времени. «*Сыту ешхь мо вагъуэр уи нэм... / Мы жэцыбг щэхум и гупсысэр / Уэ уи гупсысэм и кІэкынэц, / Мы жэц гупсысэр уэ уи псысэц. / Сыту ешхь мо вагъуэр уи нэм, – / И куэдц абыи нур къуэлэныр. / Уэ ныпхуэзэхукІэ игу укынэу / Уи хьэл зэхелхьэ жэц гуэрэным...*» («Сыту ешхь мо вагъуэр уи нэм...») [Гъушҫо 1999: 39]. – «Как же похожи эти звезды на твои глаза... / Раздумья этой тихой полночи – то мысли твоей осадок, / Эта мыслящая ночь – твоя сказка. // Как же похожи эти звезды на твои глаза, – / В них тоже множество лучей цветистых. / И с каждой (ее) встречей с тобой, (той) кого она забыть не может, / Перенимает твой нрав сгустившаяся ночь» (Перевод подстрочный. – И.К.). Это не глаза любимой ходят на звезды, а звезды – на ее глаза; мысли, в которые погружена полночь – на самом деле лишь осадок «ее» дум; у «нее» заимствует свой нрав «сгустившаяся ночь». Во всем просматривается служение этого мира «ей», устройство его по «ее» образу и подобию.

Подобное и в стихотворении «Вагъуэзэшиблыр зыщІегъури...» («Взяв в спутники семь звездных братьев...»). Все существует вокруг «нее» и во имя «нее»: «*Щыльэм уи макъ зыдегъазэри / Мазэр аргуэру пльыр пхуеҫІыр, / И гур абыкІэ мызагъуэрэ / Жэцыр вагъуэбкІэ ІуеҫІэр...*» [Гъушҫо 1999: 7]. – «Земля совершает оборот в такт твоему голосу / И вновь луну тебе в дозорные дает, / Не довольствуясь этим / Ночь созвездиями заполняет она...» (Перевод подстрочный. – И.К.). «Она» – в окружении световых персонажей, они служат «ей», оберегая «ее», в том числе от всяческой активности по отношению к ней лирического «я»: «*Уэ дуней псом укхьэхумэри / Си псэр тэлайкІэ мэтыныыр. / Дыгъэм и бзийр уи хьыринэци, / Сыцыбггъэдыхьэм, селыпцІыр. / Сытыр Іэмалу хэсхьыну? – / Гъусэ сыхуейт сыпхуэхьунуи, / Уи жэнэт хэку си псэр схьыну / Ядэркъым, жаІэурэ: “Хьунукъым...”*» [Гъушҫо 1999: 7]. «Ведь тебя оберегает вселенная / И моя душа ненадолго успокаивается. / Солнечные лучи твои качели, / Лишь приближаюсь – меня опаляют. / Каков же способ для меня? / Желая быть с тобой, / Добраться до твоей райской родины / Не позволяют (мне), приговаривая: «Нельзя...» (Перевод подстрочный. – И.К.). В итоге все световые персонажи противостоят ему: луна бьет его своим светом, земля уводит в сторону, солнце нападает своими лучами [Гъушҫо 1999: 8].

Каждое из выявленных соотношений убеждает в том, что при достаточно высокой значимости для Зарифа Гучаева образов тьмы и света, какие-либо находки в плане светотеневой образности для него не важны. Да и судить о находках было бы более обоснованно в ходе сопоставлений со светотеневой образностью в творчестве других авторов, в данном же случае этот вопрос не затрагивался. Речь о том, что выстраивание соотношений света и тьмы сопряжено у Зарифа Гучаева с

выстраиванием его собственной соотнесенности со светом и тьмой, или, другими словами, происходит в соотнесенности с ними его лирического «я». И здесь он отводит себе весьма скромную роль. Он свет, но свет, которому привычнее и комфортней быть в ночи. Свет, который не для всех, он живет в камерном пространстве. Свет не интенсивный, нарастающий, а убывающий – свеча, которой суждено угаснуть или «растаять».

О тьме он говорит нечасто и немного. В основном она играет фоновую роль. Мы указывали, что исключения, когда тьма предстает как нечто враждебное, немногочисленны. Но немаловажно, что тьма, на фоне которой существует лирическое «я», имеет тенденцию к ослаблению, смягчению. Помимо упомянутых исключений, нельзя сказать, что свет и тьма предстают у него в резком контрасте.

Если попытаться сформулировать высказывание, заложенное в светотеневой образности поэзии Зарифа Гучаева, оно окажется примерно таким: «Я» – носитель трепетного света, но не могу соревноваться со светом более высокого ранга (солнце, луна). Я принадлежу ночному миру, и он определяет мои границы.

Список источников

Гъущо 1999 – *Гъущо З.* Шэху уэздэгъэ. Усэхэр, поэмэ. Налшык: Эльбрус, 1999. 92 н. (*Гучаев З.* Свеча. Стихотворения и поэма. Нальчик: Эльбрус, 1999. 92 с.).

Дождикова 2021 – *Дождикова Н.А.* Свет и тьма в художественном мире М. Булгакова // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 33–37. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).28-32](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).28-32)

Захарова, Оляндэр 2015 – *Захарова В.Т., Оляндэр Л.К.* Цвет, свет и тьма в нарративной системе горьковского цикла «По Руси» // «Вестник Мининского университета. 2015. № 4. С. 5.

Кажарова 2008 – *Кажарова И.А.* Образы тьмы и света в повести Джамбулата Кошубаева «Был счастья день» // Научное обозрение. 2008. № 4. С. 72–76.

Кажарова 2023 – *Кажарова И.А.* Образные константы поэзии Зарифа Гучаева // Актуальные вопросы общей и адыгской филологии: материалы Международного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора З.И. Керашевой. Майкоп: АГУ, 2023. С. 195–199.

Кирло 2007 – *Кирло Х.* Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.

Фарино 2004 – *Фарино Е.* Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. 608 с.

References

DOZHDIKOVA N.A. *Svet i t'ma v khudozhestvennom mire M. Bulgakova* [Light and darkness in the artistic world of M. Bulgakov]. IN: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 1 (34). P. 33–37. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).28-32](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).28-32) (In Russian)

Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem [Encyclopedia of signs, signs, emblems]. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Midgard, 2006. – 608 p. (In Russian)

FARINO E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. St. Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2004. 639 p. (In Russian)

G'USHCHIO Z. *Shekhu uezdyg'e. Usekher, poeme* [Candle. Poems and a poem]. Nalshik: Elbrus, 1999. 92 p. (In Kabardino-Circassian)

KAZHAROVA I.A. *Obraznye konstanty poezii Zarifa Guchaeva* [Figurative constants of poetry by Zarif Guchaev]. IN: *Aktual'nye voprosy obshchei i adygskei filologii: materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchenogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora Z.I. Kerashevoi* [Topical issues of general and Adyghe philology: materials of the international

symposium dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Z.I. Kerasheva]. Maikop: AGU, 2023. P. 195–199. (In Russian)

KAZHAROVA I.A. *Obrazy t'my i sveta v povesti Dzhambulata Koshubaeva «Byl schast'ya den'»* [Images of darkness and light in the story of Dzhambulata Koshubaev «There was a happy day»]. IN: Nauchnoe obozrenie. 2008. № 4. P. 72–76. (In Russian)

KIRLO KH. *Slovar' simvolov. 1000 statei o vazhneishikh ponyatiyakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [Dictionary symbols. 1000 articles on the concepts of religion, literature, architecture, history.]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2007. 525 p. (In Russian)

ZAKHAROVA V.T., OLYANDER L.K. *Tsvet, svet i t'ma v narrativnoi sisteme gor'kovskogo tsikla «Po Rusi»* [Color, light and darkness in the narrative system of the Gorky cycle “In Russia”]. IN: Vestnik Mininskogo universiteta. 2015. № 4. P. 5. (In Russian)

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

I.A. Kazharova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 09.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.

Научная статья
УДК 398.2
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-97-105

ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ ЖАНРОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ АДЫГСКОГО (ЧЕРКЕССКОГО) ЭПОСА

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© А.М. Гутов, 2022

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы, на которых строятся принципы жанровой идентификации и этноязыковой атрибуции народного эпоса в фольклоре адыгов (черкесов). Особо обращается внимание на характер художественного отражения действительности в песнях и сказаниях адыгского (черкесского) историко-героического эпоса. При разработке методологических принципов идентификации учитываются такие факторы как преемственная связь с традиционными особенностями типологически старшего вида, т.е. архаических сказаний о фантастических богатырях-нартах, причем указываются принципиальные отличия в характере создания образов в песнях и сказаниях младшего эпоса. Обосновывается важность учета особенностей эволюции жанра (вернее – жанровой разновидности) историко-героического плана. Она прослеживается фактически от стадии его формирования до полного завершения его продуктивного периода в контексте современной культуры. Также отмечается важная роль практической и эстетической функций песен и преданий, что позволяет проследить эволюцию жанра в контексте всей духовной этнической культуры. В связи с этим вопрос об окончательном разрешении всех вопросов, связанных с данной проблемой, не актуализируется в связи с тем, что всякие значимые изменения в общественной жизни способны открывать новые грани, связанные с взаимоотношениями между действительностью и ее отражением в словесном искусстве, в данном случае – в жанре народного эпоса.

Ключевые слова: Народный эпос, эпические жанры, нарратив, художественное отражение действительности, преемственность, функции эпических сказаний, жанровая специфика, идентичность

Для цитирования: Гутов А.М. Проблемы атрибуции жанровых разновидностей адыгского (черкесского) эпоса // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 97–105. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-97-105

Original article

PROBLEMS OF ATTRIBUTION OF GENRE VARIETIES OF THE ADYGHE (CIRCASSIAN) EPIC

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© А.М. Gutov, 2022

Annotation. The article manifests and discusses the basic principles on which the principles of genre identification and ethno-linguistic attribution of the folk epic in the folklore of the Adyghes (Circassians) are built. Particular attention is drawn to the nature of the artistic reflection of reality in the songs and legends of the Adyghes (Circassian) historical and heroic epic. When developing methodological principles for identification, factors such as successive connection with the traditional features of a typologically older species are taken into account, i.e. archaic tales about fantastic heroes-narts, and the fundamental differences in the nature of the creation of images in the songs and tales of the younger epic are indicated. The importance of taking into account the peculiarities of the evolution of the genre (or rather, the genre variety) of the historical-heroic plan is substantiated. It can be traced in fact from the stage of its formation to the complete completion of its productive period in the context of modern culture. The important role of the practical and aesthetic functions of songs and legends is also noted, which makes it possible to trace the evolution of the genre in the context of the entire spiritual ethnic culture. In this regard, the question of the final resolution of all issues related to this problem is not updated due to the fact that any significant changes in public life can open up new facets related to the relationship between reality and its reflection in verbal art, in this case – in the genre of folk epic.

Keywords: Folk epic, epic genres, narrative, artistic reflection of reality, continuity, functions of epic tales, genre specificity, identity

For citation: Gutov A.M. Problems of attribution of genre varieties of the Adyghes (Circassian) epic. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 97–105. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-97-105

Проблема жанровой идентификации разновидностей эпоса имеет свои особенности в фольклоре каждого народа. В одном случае в традиционной этнической культуре могла сложиться поэтическая система, которая способна аккумулятировать произведения, в которых сюжет, тема и основные сюжетобразующие мотивы имеют типологически разные истоки – от мифологии до реальной действительности. Один из красноречивых примеров – эпос южных славян, где то и другое объединяются фактически однородным поэтическим стилем и характером исполнения. При жанровой идентификации вопрос об отношении к действительности может оказаться здесь не самым определяющим: в одном произведении мы имеем художественную интерпретацию мифологических представлений, в другом – того же жанра отражение реальных событий путем их поэтического осмысления [Смирнов Ю.И. 1976: 9–10]. Еще в 1933 г., давая свое толкование эпосу и предлагая классификацию южнославянских эпических песен, Н.И. Кравцов выделил песни *исторические*, т. е. своим происхождением связанные с реальными историческими событиями, и *неисторические*, в числе которых он видит и песни на мифологические сюжеты [Кравцов 1933: 30–31 и далее]. Б.Н. Путилов, рассматривавший эпос славянских народов как единое жанровое образование и находивший веские основания для своей концепции, все же выделял три разновидности эпоса: *фантастико-исторический*, *героико-исторический* и *реально-исторический* [Путилов 1971]. Примечательно, что наряду с употреблением термина «героический эпос», которым охватывается весь материал, он не только выделяет жанровые разновидности, а употребляет понятие «эпос» для обозначения каждой из этих разновидностей.

В фольклоре адыгов картина несколько иная, и по данной причине оказывается уместным употребление терминов *архаический эпос* (как рабочий вариант – *старший эпос*) и *историко-героический* (или *младший*) *эпос*. Давно замечено, что такой принцип разделения обусловлен различиями как в характере отражения действительности, так и в поэтике.

Можно считать, что тема отношения различных жанров фольклора к действительности появилась как проблема не иначе, как одновременно с возникновением самого устного словесного искусства. Ею специально или же в комплексе с другими эстетическими и познавательными проблемами занимались

многие исследователи, а наряду с ними она привлекала внимание поэтов, писателей, философов. Она остается актуальной до настоящего времени и данной теме уделяли внимание многие мыслители и художники как в научных исследованиях, так и в литературных произведениях еще с самых первых этапов зарождения фольклористики как области знаний. В мировой и отечественной литературе и науке отметились своим отношением к данной проблеме многие выдающиеся личности [Жоккьяра 1960; Азадовский 2014].

Методологические принципы исследований получили значительное развитие и обрели разнообразие в XX в. Исследователи, исповедующие марксизм и наиболее последовательные в вопросах отношения искусства к действительности, призывали к изучению фольклора непременно «под социально-политическим углом зрения». В этом плане некоторые из них, нередко впадая в крайность, доводили практику и теорию до вульгаризации, что могло даже дискредитировать те перспективные направления, которые открывал марксистский метод. Все же проблема отношения к действительности всегда оставалась актуальной. Неслучайно даже последовательные приверженцы структурализма и компаративизма, которых нередко в отечественной гуманитаристике упрекают за увлечение формальным анализом, в своих программных выступлениях призывали к изучению предмета с учетом контекста бытования, «в структуре» и взаимосвязях, что непременно предполагает учет корреляции явления с действительностью. В свете сказанного представляются логически мотивированными такие поступки, когда сам В.Я. Пропп публикует вслед за знаковым «формалистическим» исследованием «Морфология волшебной сказки» новый труд под знаковым названием «Исторические корни волшебной сказки» (курсив наш – А.Г.) [Пропп 1936 и 1986]. Уместно в связи с этим упомянуть, что составитель посмертно изданного сборника трудов этого выдающегося ученого посчитал должным дать книге название «Фольклор и действительность» [Пропп 1976]. Зарубежные специалисты также не оставили данную проблему без внимания: резонно было в свое время включение большого раздела под заглавием «Фольклор и его функции в современном обществе» в сборник избранных сочинений крупнейшего американского фольклориста, профессора Алана Дандеса [Дандес 2003: 119–250]. Сам корифей структурализма, Клод Леви-Стросс ратовал за изучение любых антропологических явлений (в том числе мифологии и фольклора) в контексте их функционирования и с учетом эволюции общества [Леви-Стросс 2011].

Названная тема остается актуальной и в XXI столетии, и это отнюдь не по причине недостаточного внимания к ней или из-за отсутствия у исследователей воли для ее окончательного решения. В данном случае следует учитывать редкостную многогранность проблемы, обусловленную функционированием самого явления по принципу живого организма. Важно, что по мере эволюции самого общества и наряду с происходящими в нем стадийными изменениями она имеет свойство адаптироваться и обнаруживать свои новые грани, требующие рассмотрения. Это делает вопрос практически неисчерпаемым, и силовое поле эпоса никогда не выпускает из сферы своего действия ни живых носителей традиции в лице сказителей, ни энтузиастов-собирателей, ни академических ученых.

Уместно будет вспомнить, что с опорой на древнейшие архетипы создавались многие шедевры мировой литературы, возникали теории и концепции, привлекавшие внимание всего культурного сообщества актуальностью содержания и новизной методологических принципов. Надо признать справедливым замечание В.Я. Проппа о том, что «...в фольклоре с появлением нового старое не умирает» [Пропп 1986: 288]. Более того, считаем уместным дать ему расширительное толкование: *в традиционной культуре отмирание старого при появлении чего-либо нового нельзя считать закономерностью*. Совсем необязательно, чтобы старое исчезало с появлением нового, порою оно становится связующим звеном

между прошлым, настоящим и будущим. С каждым этапом эволюции общества она вновь и вновь требует к себе внимания.

Проблеме эпоса народов Кавказа и его отношения к действительности был посвящен целый ряд научных форумов, в том числе и в недавнем прошлом [Эпос единения... 2012; Нартоведение: проблемы... 2016; Нартоведение: историография... 2022]. Скромную лепту на конкретном адыгском материале внес и автор настоящей статьи [Гутов 2018].

Нет надобности доказывать, что изложенное суждение о взаимосвязях фольклора и действительности имеет прямое отношение к закономерностям истории словесного искусства в целом. Из этого логично признать проблему взаимоотношений с действительностью более актуальной в случаях, когда вопрос ставится не о фольклоре в целом, во всем его жанровом многообразии, а о таком жанре как героический эпос, с его ключевой установкой на достоверность повествования. Это независимо от того, что источником мотивов и сюжетов может служить и миф, фабула которого воспринимается амбивалентно с реальностью, и конкретное событие с его непосредственными участниками.

На первый взгляд может представиться очевидным, что поскольку основной опорной базой мотивов и сюжетов архаической разновидности эпоса является система коллективных мифо-фантастических представлений, здесь правомерно ожидать простора для воображения при опосредованном отношении к реальности. В то же время историко-героические циклы возникали в своем большинстве как эмоционально-оценочная *художественно мотивированная реакция* на реальные события с участием реальных лиц, ставших прототипами эпических персонажей. По данной причине песня младшего эпоса бывает порою гораздо более насыщенной поэтическими атрибутами. Объяснить такое явление возможно лишь исходя из учета природы архаического эпоса. Так, надо иметь в виду, что родовой чертой древнейших сказаний является их прочная связь с этнической ментальностью и тем общим генетическим кодом этноса, который заложен в мифоэпических нарративах, и это обстоятельство ставит эпическое повествование на одну доску с правдой фактической, хотя для современного исследователя очевидно, что он не всегда имеет дело с правдой фактической, а с некоей квази-правдой. Генетический код социума формировался в лоне коллективного сознания, он представляет собой производное от верований и основанных на них нарративов изначально сакрального содержания, изложение которого связано с практической целесообразностью. Впоследствии в результате секуляризации в них возобладали эстетические, а также некоторые актуальные практические тенденции. Таковы, например, сохранение квазиисторической памяти, воспитание новых поколений в духе героико-эпических идеалов на примере деяний славных предков, поддержание высокого боевого духа воинов перед сражением и пр. При этом они не утратили генетической связи с исходной системой мифологических верований и сохранили отголоски сакральных атрибутов, входящих в самое ядро повествования. По данной причине для старшего типа эпоса особенно характерны относительная замкнутость, консервативность, своего рода «нулевая валентность». Эпические нарративы, секуляризованные по своей сути, возникают не на основе вольной фантазии, а на базе мифологических представлений как субститутов правды. По своей природе они маркированы данной средой, поэтому практически не способны переходить с легкостью на чужую иноэтническую почву и адаптироваться в ней без радикальных изменений. Следовательно, они, в отличие от некоторых других жанров, не в состоянии стать полноправным духовным достоянием инородной среды. Правда, в редких случаях они трансформируются настолько, что утрачивают родовые признаки, но это непременно отражается на системе мировоззрения, на идейно-тематическом содержании, а с ним на жанровой специфике в целом.

Однако остается не до конца ясным важный, ключевой вопрос. Если в основе народного эпоса предполагаются не явления реальной действительности, а фантастические нарративы, почему эпические памятники, созданные в одной этнокультурной среде, не могут мигрировать в сферу функционирования иной традиции, как это происходит с легкостью с некоторыми другими жанрами, например, со сказкой, пословицами, народной новеллой? Что могло воспрепятствовать эпосу о Гильгамеше, «Махабхарате» и «Рамаеяне» или, гомеровской «Илиаде» распространиться по соседним этническим сообществам, в которых устно-поэтическая, а порою и письменная традиция была достаточно развита? Даже римляне, заимствуя целые пласты древнегреческой культуры, не стали прямо заимствовать мифологию и героические сказания эллинов, несмотря на ее притягательную величественность, выразительность, красоту, даже «нормальность», по определению К. Маркса. «Одиссею» Гомера, произведение в значительной степени авантюрного характера, латиняне попросту перевели на свой язык, как литературное произведение, чем обозначили ее чужеродную природу. Когда же дело коснулось отношения к элементам мифологии и основанным на ней повествованиям о героях, они не перевели таким же образом нарративы и не заимствовали в буквальном смысле, а творчески приспособили всё к собственной исконной системе представлений. Хорошо известно, что римляне могли с легкостью аккумулировать языческий пантеон врагов и со всей чистосердечностью молиться их божествам, стремясь тем самым привлечь на свою сторону сакральных покровителей противника. Но Зевс не просто превратился в Юпитера, Гера в Юнону, Арес в Марса, а Геракл в Геркулеса и пр. За различием имен, за их варьированием стоит выраженная тенденция к творческой ассимиляции чужеродного материала. В области искусства мифо-фольклорная система римлян эпохи эллинизации умело адаптировала и типы героев древнегреческих повествований, и их функции, и сюжетику, и связанную с этим поэтику, часто доводя фактически акты трансплантации до уровня типологических схождений [Тронский 1951: 285–297; Мифы народов... 1982: 384]. Объяснение этому мы считаем нужным искать в том, что эпос сохраняет этногенетический код, то есть квазиисторию этноса, но со всей «маркированной» культурной атрибутикой. Она же у каждого должна быть своей, если между этносами нет генетического родства.

Когда дело касается таких жанров как сказка, негласно понимается, что все рассказываемое не аналог повествования о реальных событиях, и данное обстоятельство предоставляет достаточную свободу фантазии (принцип: «сказка – ложь...») в то время, как мифо-эпическое сказание занимает нишу фактической правды). Что же касается героического эпоса, то при всех очевидных признаках мощного влияния греческого искусства, римское общество вместо аккумуляции поэм Гомера создало собственные эпические произведения, функционально аналогичные греческим, однако основанные на собственном фольклорно-мифологическом, образном и языкотворческом материале. При всей интенсивности диффузии древнегреческих и римских этнокультурных традиций, которые воспринимаются нами как феномен *единой античной цивилизации*, в области эпоса налицо тенденция акцентировать внимание на особенностях, а не на сходствах.

Эпос оказывается своего рода этногенетическим кодом, обозначающим демаркационную линию между чужим и своим, в известной степени обособляющим родоплеменное сообщество и консолидирующим его представлениями об истории этноса наряду с такими факторами, как кровное родство, общий тотем, единый язык. Это вызвано специфическими особенностями жанра. Атрибутивные признаки эпоса – конкретные идейно-эстетические основы циклов, система мифо-эпических представлений, ключевые образы, стиль, поэтика – образуют в совокупности систему, которая относительно замкнута перед всякого рода инфильтрациями извне в среду, признаваемую сакральной. По той же причине она также и сама не предрасположена к миграции в пространство чужой культуры.

Неслучайно, что на Кавказе, где архаические сказания о богатырях-нартах бытуют у целого ряда коренных народов, они не отмечены у их исторических соседей, которые появились в данном ареале в более поздние времена, когда *продуктивный этап эпосотворчества на основе мифологии* был уже пройден. К тому времени формирование ядра героического эпоса близилось к завершению, а встретившиеся друг с другом этнические массивы были кодифицированы ранее сложившимися этнокультурными традициями. Так, несмотря на тот факт, что край расположен на путях миграции разных народов, что призвано благоприятствовать диффузии культур, сказания о нартах не зафиксированы, например, в фольклоре ни одного генетически некавказского народа. В их числе – у тюркоязычных ногайцев или крымских татар, у ираноязычных татов, у русскоязычных казаков. Это – несмотря на то, что они столетиями жили и ныне живут в близком соседстве с коренными кавказцами и вступают с ними в разного рода культурные контакты. За продолжительный период истории народы не только воевали друг с другом, но также связывались хозяйственными, экономическими, политическими, родственными отношениями. Это нашло свое ожидаемое отражение во многих областях материальной и духовной культуры и быта, в том числе и в фольклоре, в таких его жанрах как волшебная сказка, предания, народная афористика, а также музыкальное вокальное, инструментальное и хореографическое искусство, а если взять шире, то народные промыслы, костюм и его аксессуары (неслучайно в русских былинах фигурирует *седельшко черкасское*, в калмыцком фольклоре – *черкесский пояс*, в арсенале приемов дагестанских златокузнецов *черкесский стиль*). Издревле для народов-соседей характерны хозяйственные связи, межэтнические браки, включая и династические. Представители той или иной этнической среды поддерживали дружеские отношения с людьми из другого этноса, некоторые владели языком соседей, порою по воле обстоятельств даже поселялись в иноязычной среде или же принимали у себя инородных поселенцев. Но эпические сказания о нартах как жанр поэзии не проникли в фольклорный обиход за пределами своего традиционного этнокультурного ареала или, если посмотреть с другой стороны, не были восприняты окружением, оказавшимся для него чужеродным по мифо-эпическим характеристикам. В свою очередь, также на кавказской почве не прижился, например, эпос об Эдиге / Едигее, популярный у степных тюркских народов. Очевидно, что ко времени возникновения данного эпического цикла у каждой из сторон уже прочно сложилась собственная мировоззренческая система и основанная на ней самодостаточная эпическая эстетика, что характерно для феодальной стадии эволюции.

Однако, если у народного эпоса чуть ли не полностью отсутствует способность к миграции в чужеродную среду, то логично задаться вопросом: как же оказалось, что ареал традиционного бытования героических сказаний о нартах объединяет представителей индо-иранской (осетины), тюркской (карачаево-балкарцы), иберо-кавказской (абхазо-адыги, вайнахи) языковых семей? Этот вопрос давно не дает покоя как некоторым ученым, так и публицистам. Прежде чем приступить к поискам ответа на этот вопрос, надлежит учесть, что, как давно замечено, роль беспристрастного транслейтера или пассивного реципиента принципиально не свойственна природе носителей архаического героико-эпического сознания. В нашем конкретном случае она не подходит ни одной из названных этноязыковых семей и групп, на что ранее обращалось внимание [Крупнов 1969: 19; Кумаховы 1985: 81–101].

В данном случае суть проблемы заключается не в том, что теория привнесенного характера эпоса будто бы возносит один народ на высоту некоего «культурного донора» и чем-то задевает самолюбие представителей соседних. Попытка объяснения данного явления банальным заимствованием имен и сюжетов, на чем базируются позиции, казалось бы, некоторых весьма солидных авторов, представляется

слишком упрощенной, не говоря уж о том, что это противоречит не просто логике здравого смысла, но также и весьма строгим законам функционирования эпоса как знакового социокультурного феномена. Если говорить о родовых особенностях явления, то, как замечено выше, в фольклоре есть жанры, предоставляющие довольно широкую свободу фантазии исполнителя, позволяющие носителям фольклорной традиции ассимилировать «чужеродные» сюжеты и типы героев, превращая привнесенное явление в полноправное явление собственной словесной культуры. Это происходит в случаях, когда главным является не материал, не правдивость текстовой информации, а исполнительское мастерство, в том числе – коммуникативные способности исполнителя, искусство импровизации, мастерство владения языком, порою умение «складно врать», обеспечивающее занимательность повествования, что призвано доставлять удовольствие слушателям. В данном плане архаический эпос значительно более ограничен исходным принципом: в нем повествование призвано восприниматься как правдивое, если только возникает вопрос отношения содержания к правде фактической. Творческое отношение к содержанию ограничено, и его привязка к этнической традиции со всей ее системой ментальности и мифологических представлений в целом наиболее жесткая.

Вопрос о соответствии нартского космоса этнокультурной атрибутике того или иного народа не однажды муссировался в трудах академических ученых и даже в выступлениях публицистов. К сожалению, до настоящего времени ни те, ни другие не сумели прийти к единому мнению. И основная причина здесь кроется не столько в особой, исключительной сложности задачи, сколько в этноэгоистическом стремлении отдельных авторов. По их мнению, в генетическом плане одна масса обязательно должна быть связана с прославленными цивилизациями древности, даже как можно с большим б[числом. Следовательно, именно им, но никак не каким бы то ни было местным, а значит более «профанным» массивам признается резонным быть достойными статуса единственно возможной среды, унаследовавшей величественный эпос *от безусловно достойных предков*.

Таким не очень благородным образом некоторые современные толкователи истории стремятся не только возвести тот или иной народ в статус прямых наследников исчезнувших великих цивилизаций и тем самым отгородиться от слишком «земных» соседних народов. Видимо, многим радателям за чистоту истории еще предстоит примириться с тем, что в этногенезе аборигенного населения Кавказа принимали участие носители многих языков, разных культурных традиций и даже разных генетических кодов, что отложилось в антропометрических данных, в языке, в морфологических особенностях и даже в современных исследованиях в области этногенетики. Это, как очевидно, явилось одной из причин этноязыковой пестроты на относительно небольшой территории, так как в условиях Кавказа – с его разнообразием рельефа, климатических зон, географического соседства с носителями разных цивилизаций, и всё это на относительно небольшой площади – внешнее влияние не было и не могло быть равномерным. Соответственно энергии воздействия разных сил и в результате происшедшей диффузии определенная среда или приняла язык доминирующей массы вместе со смешением самих их носителей и субстрата, или же сохранила свой собственный и, напротив, сама стала доминирующей. В обоих случаях неизбежны коррективы: сохранение одних атрибутов культуры, утрата других и адаптация третьих. В этом процессе, протяженном во времени и осложнявшемся межэтническими контактами, одним из наиболее устойчивых факторов, восходящим к эпохе древнейшей этноязыковой общности, оставались архаические мифологические представления. В значительной своей части эти константы были запечатлены в повествованиях, которые, низойдя с высокого статуса нарративов с выраженной сакральной функцией, в результате секуляризации приняли форму героических сказаний и приобрели их атрибутивные

функциональные особенности. Есть основания полагать, что архаический «этнокультурный субстрат», вернее совокупность адыго-абхазских, вайнахских, карачаево-балкарских, осетинских сказаний о нартских богатырях и является общим наследием древнего автохтонного населения, который сохранил единую основу разных по языку народов, ныне населяющих Северный Кавказ. Как на более глубокий источник они опираются, по обыкновению, на древнейшую систему мифологических представлений, отдельные сегменты которых донесены до нашего времени в мотивах и сюжетах о языческих покровителях разных сторон бытия.

Когда мы обращаемся к циклам младшего эпоса, большинство проблем этногенетического характера просто снимается благодаря тому, что здесь доминирует фактор непосредственной связи зарождения песни и предания с реальной действительностью. Наряду с этим в нем находит больший простор раскованная поэтическая фантазия песнетворцев, которые как профессиональные сочинители слагают свои произведения осознывая свою деятельность именно как творчество. Данное обстоятельство позволяет объяснить значительно более насыщенную образность поэтического текста песен в сравнении с текстами сказаний архаического эпоса, что, однако, не может быть признаком большей художественной ценности одного относительно другого.

Список источников

Азадовский 2014 – *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.

Гутов 2018 – *Гутов А.М.* Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: КБИГИ – Принт-Центр, 2018. 264 с.

Дандес 2003 – *Дандес Алан.* Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М.: Восточная литература, 2003. 278 с.

Коккьяра 1960 – *Коккьяра Джузеппе.* История фольклористики в Европе. М.: Иностранная литература, 1960. 692 с.

Кравцов 1933 – *Кравцов Н.И.* Сербские юнацкие песни // Сербский эпос. М.–Л.: Academia, 1933 (652 с.). С. 5–204.

Крупнов 1969 – *Крупнов Е.И.* О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 15–29.

Кумаховы 1985 – *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М.: Наука, 1985. 224 с.

Леви-стросс 2011 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: АСТ, 2011. 544 с.
Мифы народов... 1982 – *Мифы народов мира.* В двух томах. Главный редактор С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. 720 с.

Нартоведение: проблемы 2016 – *Нартоведение в XXI веке: проблемы, поиски, решения.* Материалы Междунар. научной конференции. Магас: ИнгНИИ, 2016. 288 с.

Нартоведение: историография 2022 – *Нартоведение в XXI веке: историография, парадигмы, поиски и решения.* Материалы Международного симпозиума... Майкоп: АРИГИ, 2022. 132 с.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд. 2-е. Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с. (Первое издание – Л.: Изд-во ЛГУ, 1946).

Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Главная редакция Восточной литературы / сост., ред. Б.Н. Путилов. М.: Наука, 1976. 328 с.

Путилов 1971 – *Путилов Б.Н.* Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологические исследования. М.: Наука, 1971. 316 с.

Смирнов 1976 – *Смирнов Ю.И.* Песни южных славян // Песни южных славян. М.: Художественная литература, 1976. С. 5–20.

Тронский 1951 – *Тронский И.М.* История античной литературы. Л.: Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения СССР, 1951. 508 с.

Эпос единения 2012 – *Эпос единения и дружбы.* Материалы Международной научной конференции. Нальчик: КБИГИ, 2012. 132 с.

References

- AZADOVSKIJ M.K. *Istoriya russkoj fol'kloristiki* [History of Russian folklore]. M.: Institut russkoj civilizacii, 2014. 1056 p. (In Russian)
- GUTOV A.M. *Problemy` ady`gskogo (cherkesskogo) nartskogo e`posa* [Problems of the Adyghe (Circassian) Nart epic]. Nal'chik: KBIGI – Print-Centr, 2018. 264 p. (In Russian)
- DANDES ALAN. *Fol'klor: semiotika i/ili psihoanaliz* [Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]. M.: Vostochnaya literatura, 2003. 278 p. (In Russian)
- KOKK`YARA DZHUZEPPE. *Istoriya fol'kloristiki v Evrope* [History of folkloristics in Europe]. M.: Inostrannaya literatura, 1960. 692 p. (In Russian)
- KRAVCZOV N.I. *Serbskie yunaczkie pesni* [Serbian youth songs]. IN: Serbskij e`pos. M.–L.: Academia, 1933 (652 s.). P. 5–204. (In Russian)
- KRUPNOV E.I. *O vremeni formirovaniya osnovnogo yadra nartskogo e`posa u narodov Kavkaza* [About the time of formation of the main core of the Nart epic among the peoples of the Caucasus]. IN: Skazaniya o nartax – e`pos narodov Kavkaza. M.: Nauka, 1969. P. 15–29. (In Russian)
- KUMAHOV M.A., KUMAHOVA Z.YU. *Yazyk ady`gskogo fol'klora. Nartskij e`pos* [The language of Adyghe folklore. Nart epic]. M.: Nauka, 1985. 224 p. (In Russian)
- LEVI-STROSS K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. M.: AST, 2011. 544 p. (In Russian)
- Mify` narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. V dvuh tomah. Glavnyj` redaktor S.A. Tokarev. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1982. T. 2. 720 p. (In Russian)
- Nartovedenie v XXI veke: problemy` poiski, resheniya* [Nartology in the 21st century: problems, searches, solutions]. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Magas: IngNII, 2016. 288 p. (In Russian)
- Nartovedenie v XXI veke: istoriografiya, paradigmny`, poiski i resheniya* [Nartology in the 21st century: historiography, paradigms, searches and solutions]. Materialy` Mezhdunarodnogo simpoziuma... Majkop: ARIGI, 2022. 132 p. (In Russian)
- PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of fairy tales]. L.: Izd. 2-e. Izd-vo LGU, 1986. 364 p. (Pervoe izdanie – L.: Izd-vo LGU, 1946). (In Russian)
- PROPP V.YA. *Fol'klor i dejstvitel`nost`* [Folklore and reality]. Glavnaya redakciya Vostochnoj literatury`. Sost., red. B.N. Putilov. M.: Nauka, 1976. 328 p. (In Russian)
- PUTILOV B.N. *Russkij i yuzhnoslavjanskij geroicheskij e`pos* [Russian and South Slavic heroic epic]. Sravnitel`no-tipologicheskie issledovaniya. M.: Nauka, 1971. 316 p. (In Russian)
- SMIRNOV YU.I. *Pesni yuzhny`h slavyan* [Songs of the South Slavs]. IN: *Pesni yuzhny`x slavyan*. M.: 1976, Xudozhestvennaya literatura, 1976. P. 5–20. (In Russian)
- TRONSKIJ I.M. *Istoriya antichnoj literatury`* [History of ancient literature]. L.: Uchebno-pedagogicheskoe izdatel`stvo Ministerstva prosveshheniya SSSR, 1951. 508 p. (In Russian)
- E`pos edineniya i druzhby`* [An epic of unity and friendship]. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Nal'chik: KBIGI, 2012. 132 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.

Научная статья

УДК 398.2

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-106-115

ПЕСНИ, НЕ ИМЕЮЩИЕ ЯСНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

Адам Мухамедович Гутов¹, Ляна Адамовна Гутова²[✉]

^{1 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

²Liana240281@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Гутов, Л.А. Гутова, 2023

Аннотация. Признано, что одной из родовых особенностей адыгского историко-героического эпоса является очевидная или с высокой степенью вероятности выраженная связь событийной основы цикла с действительностью. Однако в системе данного жанрового образования налицо произведения, которые бывает сложно и даже маловероятно связать с конкретными событиями и личностями, которые могли бы оказаться основой их возникновения. При рассмотрении конкретных материалов оказывается, что природа эпических циклов подобного рода неоднородна и для установления общих закономерностей это побуждает обратиться к особенностям каждого из произведений. Устанавливается, что песни и сказания, не имеющие определенной ясной локализации, могут восходить к системе мифологических представлений. Однако в подобных случаях текст подвергается секуляризации, как герои, так и события подчиняются канонам младшего эпоса и по форме функционирования, и по идейно-художественным характеристикам. В других случаях неопределенность связывается с тем, что каузальной основой цикла служит типичная, неоднократно повторяющаяся ситуация, например, гибель героя вследствие предательства близкого лица (Андзор) или борьба за свое право на выбор невесты (Хасанш Шогемоко). Общей закономерностью является освобождение от утилитарной исходной функции и выход на первый план эстетической значимости песни и сказания.

Ключевые слова: Архаический эпос, младший эпос, цикл, песнетворцы-джегуако, секуляризация, систематизация

Для цитирования: Гутов А.М., Гутова Л.А. Песни, не имеющие ясной локализации // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 106–115. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-106-115

Original article

SONGS WITHOUT A CLEAR LOCALIZATION

Adam M. Gutov¹, Lyana A. Gutova²[✉]

^{1 2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

²Liana240281@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Gutov, L.A. Gutova, 2023

Abstract. It is recognized that one of the generic features of the Adyghe historical-heroic epic is an obvious or with a high degree of probability expressed connection between the eventual basis of the cycle and reality. However, in the system of this genre education there are works that can be difficult and even unlikely to be associated with specific events and personalities that could be the basis for their occurrence. When considering specific materials, it turns out that the nature of epic cycles of this kind is heterogeneous, and in order to establish general patterns, this prompts us to turn to the characteristics of each of the works. It is established that songs and tales that do not have a specific clear localization can go back to a system of mythological ideas. However, in such cases, the text is subject to secularization, both heroes and events are subject to the canons of the younger epic both in the form of functioning and in ideological and artistic characteristics. In other cases, uncertainty is associated with the fact that the causal basis of the cycle is a typical, repeatedly repeated situation, for example, the death of a hero due to the betrayal of a loved one (Andzor) or the struggle for one's right to choose a bride (Hasansh Shogemoko). The general pattern is the liberation from the utilitarian original function and the coming to the fore of the aesthetic significance of the song and legend.

Keywords: Archaic epic, younger epic, cycle, Jeguako singers, secularization, systematization

For citation: Gutov A.M., Gutova L.A. Songs without a clear localization. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 106–115. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-106-115

Создание универсальных принципов жанровой систематизации фольклора – задача практически невыполнимая. Одна из важных причин этого заключается в том, что в устном обиходе нередко обнаруживаются произведения, несущие в себе родовые признаки не только какого-то одного, а сразу двух и порою даже большего числа жанров. Иногда получается так, что бывает правомерным отнести одно и то же произведение как к одному жанру, так и к другому. Вместе с тем очевидно и бесспорно, что систематизация фольклорных материалов – проблема актуальная. Поэтому еще В.Я. Пропп признавал, что для жанровой идентификации устно-поэтического произведения приходится руководствоваться не каким-либо одним признаком, насколько бы он ни представлялся важным, а учитывать комплекс особенностей [Пропп 1976: 34–45]. По сути, его позиция специалистами не оспаривается, и вопрос с повестки не снимается [Аникин 2004: 93–115]. Со всей определенностью высказался по данному поводу Ф.М. Селиванов: «Многие же исторические песни внешне оформлялись то как былины, то как плачи, то как лирические песни; испытывали они влияние духовных стихов, легенд, преданий и, зародившись в пределах одной эпохи с балладами, пользовались с ними часто одними средствами» [Селиванов 1973: 66–67]. Приведенное суждение основано на материале русского фольклора, однако оно выражает общеславянскую закономерность.

Если, таким образом, жанровая дефиниция в целом признается занятием довольно сложным, то немногим более доступной для решения оказывается нередко и задача установления границ между типологическими разновидностями в рамках одного и того же жанра. Порою принципиальные различия между стадийными образованиями достигают столь очевидной степени очевидности, что в рабочем порядке каждую из них называют самостоятельным жанром. Так, например, обстоит с адыгским героическим эпосом, в котором исследователи с полным на то основанием выделяют со всей ясностью две разновидности – архаический эпос «Нарты» и историко-героические циклы, иногда называемые просто атрибутивным сочетанием «младший эпос».

Одним из идентифицирующих родовых признаков адыгского младшего, т. е. историко-героического, эпоса считается особый характер отношения к действительности. Если в случае со сказаниями о нартах-богатырях это отсутствие достоверной фактической событийной основы (типичный для нартских сказаний хронотоп дискретного характера), то в песнях и сказаниях историко-героического

плана налицо высокая степень вероятности прямых параллелей между реальностью и ключевыми эпическими событиями и лицами. Это фактически единодушно отмечают многие исследователи фольклора адыгов [Аутлева 2018: 21–45, 219 и т.д.; Налоев 2009: 47–108; Хут 2003: 289–293 и др.]. В соответствии с данным принципом обычно удается установить без особого труда время, место, причины и побудительные мотивы возникновения многих историко-героических песен и преданий, а порою даже имя гипотетического (иногда легендарного, а, возможно и подлинного) поэта-песнетворца, которому традиция приписывает авторство поэтической части цикла. Поэтому одним из родовых признаков жанра и признается непосредственная связь произведений с реальным миром. Данное обстоятельство служит объяснением распространенной практики возникновения многих песен по горячим следам тех или иных знаменательных событий, которым они посвящены. Как отмечает Ф.М. Селиванов относительно характера русских исторических песен, если согласно утверждению А.А. Потебни «...лирика – *presens*, а эпос *perfectum*, то историческая песня – *imperfectum*. Она повествует о прошлом, но это прошлое только что совершилось на наших глазах и еще не закончено...» [Селиванов 1973: 64–65].

Однако вопреки наиболее распространенному в адыгской традиции принципу, некоторые героико-эпические песни не имеют легко установимой реальной событийной основы. Так, например, песня и сказание о старом наезднике Бора Могучем базируется не столько на конкретном ключевом событии, сколько на контаминации ряда универсальных фольклорных нарративов [Народные песни... 1990: 344–347; МыкӀосэрэ жьуагъохэр 1994: 74–79]. Судя по сюжету сказания, в основе появления песни лежит неординарное трагическое событие – убийство героем собственного сына вследствие нелепой случайности или же по чьему-то коварному умыслу. Но личность самого героя не ассоциируется с каким-либо реальным историческим лицом, которое стало его прототипом, как это отмечается в большинстве циклов как характерная особенность историко-героического эпоса. Также не локализуется во времени и пространстве и само событие. Хотя, надо заметить, в топонимике современной Кабардино-Балкарии есть курган, называемый именем Бора Могучего, он расположен вблизи границы между селениями Заюково и Атажукино [Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 188]. Однако такое приурочение не всегда может быть признано убедительным свидетельством достоверности события, описываемого в эпическом сказании. Еще В.Ф. Миллер отмечал наличие многих топонимов, связанных даже с архаическим нартским эпосом как в Осетии, так и в Кабарде, тем самым указывая на ненадежность опоры на подобные факты при этноязыковой идентификации и генезисе всего эпоса [Миллер 2005: 8]. Впоследствии топонимические названия, возводимые к сказаниям о нартах, были во множестве отмечены на относительно обширной территории Северного и Северо-Западного Кавказа, что подтверждает обоснованность суждения русского ученого. Если принять во внимание, что нарты народ эпический, в известной степени виртуальный, и что ключевые сюжеты сказаний о них восходят не к реальности, а к системе мифологических нарративов, несложно заключить, что и «нартская топонимика» – явление вторичного порядка. Такого же характера могут оказаться и некоторые названия, связанные с сюжетами о героях младшего эпоса, хотя, надо признать, степень вероятной связи названия с каким-либо подлинным событием в этом случае, разумеется, на порядок выше, чем в архаическом эпосе. Очевидно одно: здесь мы также не можем со всей уверенностью выводить умозаключения на основе только топонимики.

Причина неопределенности кроется не только в отсутствии письменных или иного рода достоверных свидетельств относительно героя и самого происшествия. Разумеется, например, нельзя исключать вероятности того, что какой-то воин-наездник мог по неведению погубить собственного сына, и что по этому поводу могла

быть сочинена песня. В системе традиционных форм взаимоотношений средневековой Черкесии подобное явление было вполне вероятно. В адыгском песенном фольклоре есть целый цикл песен, исходной практической функцией которых было очищение героя от скверны, это так называемые «очистительные песни» [Налоев 2009: 144–158]. В данном случае также песня не мемориальная, она не призвана фиксировать событие, а функционально ориентирована оправдать героя, одновременно став сублимативным средством его душевного самовыражения, эмоциональной разрядки. В подобном случае она является составной частью ритуала или сетований, или же «очищения» человека от скверны, снятия с него тяжелого психологического стресса и ответственности перед обществом и Богом за тяжкий грех. Казалось бы, такое обстоятельство позволяет предполагать высокую степень вероятности «первоотлчка», реального случая, который стал каузальной основой возникновения песни.

Бесспорно, для возникновения песни побудительный фактор должен быть. Однако дело в том, что фабула сказания, а наряду с нею и фрагменты самой песни содержат столь внушительное число элементов, явно тождественных мировым сюжетным универсалиям, что это позволяет усомниться в достоверности существования у песни реальной исторической основы. В частности, факт убийства отцом своего сына слишком прозрачно напоминает вариант объективации широко известного мирового фольклорного мотива, обычно обозначаемого в фольклористике формулой «бой отца с сыном»; в некоторых деталях он также близок к сказочному сюжету № 939А «неузнанный сын» в «Сравнительном указателе сюжетов» (далее – СУС) [СУС 1979: 240–241]. Его варианты отмечены в древнегреческой мифологии (борьба Зевса с Кроносом, конфликт Эдипа с Лаием), они представлены в персидском своде «Шах-наме» (поединок Рустама с Сухрабом), русском былинном эпосе (поединок Ильи Муромца с Нахвальщиком), в других произведениях мирового фольклора и литературы. Справедливости ради мы не отрицаем вероятности того, что некоторые мотивы сугубо фольклорного, художественного, происхождения могут иногда неожиданно проявляться в реальной действительности, и это можно объяснить тем, что они вошли в устно-поэтическую номенклатуру в результате аккумуляции тех или иных конкретных жизненных явлений, характерных, универсальных для определенной стадии эволюции общества. Но чем сложнее и многообразнее комплекс таких «универсалий» в вариантах сказания, тем, надо полагать, менее вероятна прямая связь сюжета с реальным событием и более возможны контаминации. В данном же сказании органично, искусно сплетается целый ряд так называемых элементарных сюжетов мировой мифологии и эпоса. Таковы, например, указанные мотивы сыноубийства и связанных с этим самоистязаний героя (подобным образом поступают Эдип, Рустам, Илья Муромец), а также следующая за каузальным событием почти авантюрная история женщины, потерявшей сначала мужа, затем одного за другим троих детей и, наконец, ставшей женой собственного сына. Это т.н. эдипов комплекс; в сказках он весьма близок к мотиву 939* «семейная трагедия» [СУС 1979: 241, 238 (№№ 931, 933)].

Уместно будет вспомнить, что за невольным сыноубийством обычно следует упоминание действий, призванных ясно обозначить переживания героя. Рустам уходит от людей и ведет отшельническую жизнь в пустыне, пока обстоятельства не вынуждают его вновь вернуться к жизни. Таким же образом поступает былинный Илья Муромец. Богатырь Урузмаг в осетинском эпосе после нечаянного убийства своего сына (как и в адыгском сказании о Бора) тоже уединяется, подвергает себя мукам, и возвратиться его к жизни удастся только другому герою, который рассказывает свою, намного более драматичную историю [Нарты. Осетинский... 1989: 71–73]. Как и во многих других аналогичных нарративах, в сказании о Бора отец после совершенного нечаянного сыноубийства тоже подвергает себя

суровым самоистязаниям, от которых его избавляет своей поистине драматичной историей женщина, не утратившая твердости духа несмотря на все невзгоды, выпавшие на ее долю. В данном фрагменте важным оказывается то, что сравнение истории двух разных людей позволяет найти путь к разрешению конфликта. Тем самым конкретная форма актуализации мотива страданий, на которые добровольно обрекает себя герой, типологически сближается еще с одной мифо-фольклорной универсалией – поисками (или ожиданием появления) лица, с которым случилось еще худшее (в сказках это плавно перетекает в мотив поисков более удивительного, чудесного). Примечательно, что Бора Могучий подвергает себя истязаниям ровно до тех пор, пока к нему не приходит эта женщина с рассказом о своей более тяжелой судьбе. Существование в осетинском эпосе сюжетной линии с историей более трагического характера, нежели история героя, коррелирует с рассказом старухи из адыгского сказания. Это, как представляется, не может быть случайным, хотя и о прямом заимствовании мы речи не ведем, поскольку формы объективации данного мотива различаются настолько, что ни одной из версий нельзя отказать в самостоятельности.

Закономерно, что, несмотря на «закрученность» сюжета с историей и самого героя, и бедной старухи, события излагаются не в стиле авантюрного повествования, что было бы характерно и уместно для жанра сказки, призванной ориентироваться в значительной степени на занимательность, а в соответствии с канонами стиля героико-эпического повествования, где доминантой является установка на правдивость, познавательность, дидактику. В эпическом нарративе только после фактора веры в правдивость повествования последующими важными ориентирами могут быть признаны такие эстетические понятия как занимательность и красота изложения. Столь сложное, насыщенное типичными деталями сочетание мотивов и образуемых ими сюжетных ходов может быть свидетельством того, что побудительным фактором сложения песни стало, по всей вероятности, не реальное событие, имевшее место в действительности, как это вероятно – иногда даже очевидно – с возникновением большинства циклов младшего эпоса. В ряду таких циклов, например, «Андемиркан», «Каракашкатауская битва», «Братья Ешаноко», «Куркужинская битва», «Ночное нападение» и многие другие, в которых достоверность событийной основы устанавливается привлечением не только устно-поэтических, но и других достоверных источников. В их структуре обычно со всей очевидностью обнаруживается связь с конкретными историческими событиями и личностями, чего нет в рассматриваемом цикле. Зато фантазия носителей традиции вольно объединила в одном повествовании целый комплекс мотивов.

Еще более правомерны сомнения относительно другого цикла, о князе Глежрикопше / Лежероко [Художественный язык фольклора... 1981: 142–151]. Песня была зафиксирована неоднократно, но прозаическое сопровождение ее менее популярно. Согласно имеющимся вариантам сказания, герой принимает участие в войне фантастических созданий, белых духов-джиннов, олицетворяющих доброе начало, и черных, носителей вселенского зла. Прямых параллелей с действительностью в песне и сказании фактически нет, при этом описываемые события преподносятся как вполне достоверные, но никак не вымышленные и сказочные, хотя в текстах налицо явные отголоски мифологических представлений, которые оказываются определяющими в возникновении песни. Как сообщается в прозаическом компоненте цикла, действие происходит в двух параллельных пространственных измерениях – в мире духов-джиннов и в реальной действительности. Пересечения между ними создают особую среду, в которой живут и сам герой, и другие персонажи: в войне между белыми и черными джиннами первым предсказана победа при одном неслыханном условии – они должны привлечь на свою сторону обычного человека, смертного, но обязательно с особыми признаками. Это – безупречная чистота происхождения (княжеское родословие, не замутненное в

семи поколениях), девственность и безгреховность, отсутствие шрамов на теле и т.п. В повествовании доминируют атрибуты реального мира, однако подспудно в тексте присутствует и мир параллельный, фантастический вместе со своими неизменными представителями в лице белых джиннов. Данное обстоятельство играет важную роль как в песенном тексте, так и в сопровождающем его сказании. Связь между действительностью и миром, воссозданным в эпическом цикле, как очевидно, может быть только опосредованной. Эта линия имеет свое продолжение в различных деталях, в совокупности определяющих важные детали сюжета. Прежде всего, обращает на себя внимание актуализация фольклорного мотива «выбор героем вознаграждения». Он присутствует в мифологических нарративах разных народов и популярен в мировом фольклоре, в особенности в волшебных сказках: обычно даритель предлагает герою в качестве вознаграждения за оказанную услугу несметные богатства. Но тот, предупрежденный своим советчиком, настаивает на чем-то ином, с виду малозначительном, однако на самом деле предоставляющим ее обладателю фантастические блага или возможности.

Далее примечателен изменившийся облик героя при его возвращении в родные пенаты. Это еще одна мировая универсалия, также восходящая к мифологии: в системе верований у разных народов мира архаический мотив возвращения героя из загробного мира связан непременно с изменением облика до неузнаваемости. Характерна своей мифологичностью и скорая смерть героя после обретения им прежнего облика. Полное возвращение из загробного мира оказывается невозможным, поэтому человек, обретший свой прежний облик, обречен на немедленный уход из этого мира.

Таким образом, сюжет о князе Тлежрикопше / Лежероко, как и предыдущий, не имеет прямых параллелей с реальной действительностью. В то же время цикл из песни и прозаического сказания структурирован в соответствии с канонами построения циклов историко-героического эпоса: песня протяжного характера, исполняемая солистом в сопровождении музыкального инструмента (что не всегда обязательно) и асемантической хоровой партии. Диссонанс между формой и содержанием, как и в случае с циклом о Бора Могучем, не замечается ни самими исполнителями, ни их аудиторией, поскольку упоминаемые в песне и описываемые в сказании события осознаются не как художественный вымысел, а как явления, реально имевшие место.

Неопределенное состояние относительно возможности установления события, ставшего толчком к созданию песни или существования реального прототипа героя, не становится препятствием для восприятия содержания как реального. Одним из красноречивых примеров этого может служить цикл о наезднике Андзоре Могучем. Вернее, мы имеем не цикл, а «автономно» существующую песню балладного типа, поскольку событийная основа произведения, актуализированная в песне, фактически самодостаточна для функционирования. Сюжет песни, особенно в варианте, исполненном Амирханом Хавпачевым, одним из последних носителей традиции джегуако, довольно определен. Герой выезжает в поход в сопровождении оруженосца, которого всегда считал верным спутником, каковым с долей иронии он представлен певцом. Однако тот при первой возможности тайком приводит оружие и снаряжение героя в непригодность, в результате чего Андзор оказывается беспомощным перед смертными врагами и погибает.

Мотив предательства спутника, вследствие чего рыцарь-наездник попадает в ловушку, распространен в фольклоре многих народов. В адыгском эпосе он известен по многочисленным вариантам сказания об Андемиркане, которого предал бывший друг и побратим, выведя его к врагам, когда герой был без своего боевого коня и оружия [Андемиркан 2019]. В отличие от Андемиркана, с именем которого связан обширный многосюжетный цикл, герой данной песни известен в фольклоре только по данному одному произведению. И, несмотря на то, что в адыгской

среде фамильное и личное имя Андзор довольно распространено до настоящего времени, никаких достоверных свидетельств о данном песенном персонаже не обнаруживается. Это дает основание признать, что имя героя вошло в песенный текст не по конкретному происшествию. Следовательно, и само возникновение песни не связано с реальным событием. Мы имеем еще один вариант данной песни, записанный известным писателем и общественным деятелем первой половины XX в. Т. Борукаевым по памяти и сохранившимся в фонде рукописей акад. Н.Я. Марра [Марр 1932]. В этой записи есть дословные совпадения с текстом А. Хавпачева: это описательная характеристика героя и его вооружения и способ расправы над ним – приведение боевого оружия в непригодность. Песня также не сопровождается прозаическим сказанием, видимо, поскольку текст в информативном плане самодостаточен. Данное обстоятельство позволяет предположить, что традиционное сочетание песни и предания может быть непрочным, когда в плане содержания и художественной законченности песня не очень нуждается в уточнениях и дополнениях. Это тем более примечательно, если события и персонажи песни не имеют в реальной действительности фактической событийной опоры, очевидной с точки зрения носителей традиции.

В данном отношении представляет интерес цикл о Хасанше Шогемоко. Фактически это не цикл в полном смысле данного слова, а песня, сопровождаемая лаконичными пояснениями, так как прозаическая часть цикла весьма фрагментарна и, против обыкновения, не несет большой самостоятельной эстетической функции, как, например, сказание в цикле о Бора Могучем. Сведения о герое и событии носят информативный характер и сводятся к тому, что герой подстерегает свадебную процессию, которая увозит его возлюбленную, отбирает ее и скрывается в зарослях колючего кустарника. Преследователи окружают беглецов, поджигают заросли со всех сторон и вынуждают героя выйти по единственной тропе. Но и там устраивается засада, герой погибает, а невеста закалывается. Обоих хоронят в одной могиле, на которой со временем с двух сторон вырастают два деревца, ветви которых крепко переплетаются. Песня имеет развернутый сюжет, и почти вся информация за исключением некоторых деталей изложена в ней, что и делает необязательным обстоятельное прозаическое сопровождение. В этом можно видеть одну из причин того, что столь остросюжетное произведение не имеет сколько-нибудь надежной локализации ни по месту события, ни по времени, ни по персоналиям. Ее могло не быть изначально, и в таком случае можно предполагать, что песня возникла на основе устных рассказов, содержание которых пришлось по душе песнетворцам. При этом некоторые детали – нападение одинокого всадника на целую процессию, злосчастный стрелок, убивающий героя, самоубийство невесты, символическое переплетение ветвей деревьев на могиле – могли войти, и вероятнее всего вошли, в повествование из общефольклорного арсенала. В пользу такой версии говорит и единственный вариант, представляющий более развернутое повествование. Это публикация в русскоязычном издании «Кабардинский фольклор» 1936 года [Кабардинский фольклор: 171–175]. Текст предания, в котором большая часть деталей, образующих сюжет, представляет аккумуляцию нарративных фольклорных универсалий, некоторые же поступки даже недостаточно мотивированы. Тем самым исходная событийная основа цикла, если таковая и была, настолько тесно смешалась с традиционными стандартами фольклорного повествования, что сюжет утратил свою привязку к конкретному факту. Со временем он превратился в явление, где доминантой стало искусство, что и определяет интерес к произведению.

Приведенными примерами не исчерпываются ни число произведений историко-героического характера с неопределенностью локализации в адыгском фольклоре, ни их разнообразие. Однако их достаточно для того, чтобы сделать некоторые обобщения. Так, правомерно предположить, что в основе песни может быть не только событие, которое «только что совершилось на наших глазах», но и те

нарративы, которые по той или иной причине вызвали живой интерес у народно-профессиональных певцов и песнетворцев джегуако, вдохновили их на создание нового произведения. Так, по всей вероятности, возник цикл о старом наезднике Бора Могучем: трагическое событие – страдания невольного сыноубийцы – преодоление глубоких переживаний по поводу случившегося и возвращение к жизни. Эта цепочка оказалась благодатной основой для возникновения не только песни, но и увлекательного прозаического повествования. Если где-то и произошла роковая случайность, способная стать толчком к созданию песни, то она настолько обросла эпическими клише, что превратилась в один из компонентов сложной цепи событий. Главным же стало не сетование по поводу происшедшего, и даже не только «очищение» путем своеобразного катарсиса, а совокупность факторов – эмоциональная реакция на событие, отражение переживаний героя, занимательность сюжета, житейско-философское умозаключение о том, что в мире всё относительно, и поэтому человек должен стойко переносить самые драматические явления.

Другое обстоятельство, характерное для песен, которые не приурочены к конкретным событиям действительности, это взаимодействие с ирреальными представлениями. Герой Тлежрикопш / Лежероко по своей натуре должен принадлежать к реальному миру, но никаких свидетельств о его подлинном существовании нет, он лицо вымышленное. Однако и предметная атрибутика, и форма бытования песни полностью укладываются в систему условностей историко-героического жанра. Исключение составляет мотив его участия в войне между мифическими существами, с чем связываются основные опорные мотивы цикла. Вполне очевидно, что и в данном случае нет оснований полагать, будто песня была сложена по следам реального происшествя. Налицо связь с системой оккультных представлений и их фактическая секуляризация. В данной связи любопытно заметить, что в адыгском фольклоре есть еще одно произведение – цикл о князе по имени Пшарихижаце [Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1963: 38–39]. Это очевидный результат секуляризации ритуальной охотничьей песни: налицо величальный характер поэтического стиля, свойственный гимническим ритуальным песням, а также близость поэтического языка к языку песен, посвященных богу лесов и дикой природы. При этом манера исполнения и отдельные детали предметной атрибутики явно тяготеют к стилистике героических песен.

Еще одним благодатным обстоятельством, благоприятным для появления песен, которые не поддаются конкретному приурочению к реальным историческим событиям, является типичность ситуации, которая могла стать причиной возникновения произведения. Для суровых нравов средневекового общества, которое не избавилось от канонов патриархального сознания, было характерно волевое решение семейных проблем. Молодым людям приходилось или подчиниться заведенным правилам, или вступать в открытый конфликт. То и другое было одинаково характерно. Данное обстоятельство могло возвести частный случай в разряд типических, поэтому в результате относительно длительного бытования песня, сложенная по конкретному случаю, могла как бы оторваться от исходной основы и стать валентной для разных, но сходных по типу случаев. Это произошло и с песнями о героях Андзоре и Хасанше Шогемоко: ситуации, которым они посвящены, разные, но характер функционирования сходный в том, что первоначальная утилитарная функция (мемориальная, очистительная, величальная и т. п.) отступает на второй план, а главной становится функция эстетическая.

Список источников

Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979 – *Адыгэ уэрэдыжьхэр*. Налшык. Эльбрус, 1979. Н. 224 (Адыгские народные песни. Нальчик: Эльбрус, 1979. 224 с.).

- Адыгэ Гуэрыуатэхэр 1963 – *Адыгэ Гуэрыуатэхэр*. Налшык: Эльбрус, 1963 (Адыгский фольклор. Нальчик: Эльбрус, 1963. На кабард. яз.). 340 с.
- Андемиркан 2019 – *Адыгские историко-героические песни и предания*. Том первый. Андемиркан. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 430 с.
- Аникин 2004 – *Аникин В.П.* Теория фольклора. Курс лекций. М.: КДУ, 2004. 432 с.
- Аутлева 2018 – *Аутлева С.Ш.* Избранные труды. Нальчик: Эльбрус, 2018. 616 с.
- Марр 1932 – Архив Академии наук СССР, <далее зачеркнуто: Ф. 94 (акад. Н.Я. Марра)>. Ф. 800 акад. Н.Я. Марра). Оп. 1. № 1145.
- Миллер 2008 – *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты, исследования. Сост., вступ. Ст., комментарии А.И. Алиевой. М.: Наука, 2008. 998 с.
- МыкӀосэрэ жьуагьохэр 1994 – *МыкӀосэрэ жьуагьохэр*. Адыгэ лӀыхужмэ яхьылӀэггэ ордэхэр, пщыналӀэхэр, гьбзэхэр, къэбархэр. Мыекуапэ: МыутӀэ, 1994. Н. 334. (Немеркнущие звезды. Адыгские народные песни, пщинатли, гьбзы, сказания о героях. Майкоп: Меоты, 1994. 334 с. На адыгейском яз).
- Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус. 2009. 656 с.
- Народные песни 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 488 с.
- Нарты 1989 – *Нарты*. Осетинский героический эпос. Т. 2. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. 4965 с.
- Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 326 с.
- Селиванов 1973 – *Селиванов Ф.М.* О специфике исторической песни // Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. 304 с. С. 64–82.
- Художественный язык... 1981 – *Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев*. Нальчик: Эльбрус, 1981. 153 с.
- Хут 2003 – *Хут Ш.Х.* Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.

References

- Adygskie narodnye pesni* [Adyghe folk songs]. Nal'chik: El'brus, 1979. 224 p. (In Kabardino-Circassian)
- Adygskij fol'klor* [Adyghe folklore]. Nal'chik: El'brus, 1963. 340 p. (In Kabardino-Circassian)
- Adygskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya. Tom pervyj. Andemirkan* [Adyghe historical and heroic songs and legends. Volume one. Andemirkan]. Nal'chik: IGI KBNC RAN, 2019. 430 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)
- ANIKIN V.P. *Teoriya fol'klora* [Theory of folklore]. Kurs lekcij. M.: KDU, 2004. 432 p. (In Russian)
- AUTLEVA S.SH. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Nal'chik: El'brus, 2018. 616 p. (In Russian)
- Arhiv Akademii nauk SSSR* [Archive of the USSR Academy of Sciences]. <dalee zacherknuto: f. 94 (akad. N.YA. Marra)>, f. 800 akad. N.YA. Marra), op. 1, № 1145. (In Russian)
- MILLER V.F. *Fol'klor narodov Severnogo Kavkaza. Teksty, issledovaniya* [Folklore of the peoples of the North Caucasus.]. Sost., vstup. St., kommentarii A.I. Alievoj. M.: Nauka, 2008. 998 p. (In Russian)
- Nemerknushchie zvezdy. Adygskie narodnye pesni, pshchinatli, gybzy, skazaniya o geroyah* [Unfading stars. Adyghe folk songs, pshchinatli, gybzy, tales of heroes]. Majkop: Meoty, 1994. 334 p. (In Adyghe)
- NALOEV Z.M. *Etyudy po istorii kul'tury adygov* [Sketches on the history of Adyghe culture]. Nal'chik: El'brus. 2009. 656 s. (In Russian)
- Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. Т III. Ч. 2. М.: Sovetskij kompozitor, 1990. 488 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)
- Narty. Osetinskij geroicheskij epos* [Narty.Ossetian heroic epic]. Т. 2. М.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1989. 4965 p. (In Russian)
- PROPP V.YA. *Fol'klor i dejstvitel'nost'. Izbrannye stat'i* [Folklore and reality. Selected articles]. М.: Nauka, 1976. 326 p. (In Russian)

SELIVANOV F.M. *O specifikе istoricheskoy pesni* [On the specifics of historical song]. IN: *Specifika fol'klornyh zhanrov*. M.: Nauka, 1973. 304 p. S. 64–82. (In Russian)

Hudozhestvennyy yazyk fol'klora kabardincev i balkarcev [The artistic language of folklore of the Kabardians and Balkars]. Nal'chik: El'brus, 1981. 153 p. (In Russian)

HUT SH.H. *Adygskoe narodnoe iskusstvo slova* [Adyghe folk art of words]. Majkop: Adyghejskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 536 p. (In Russian)

Информация об авторах

А.М. Готов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора;

Л.А. Готова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the authors

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000-40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. **ТИП СТАТЬИ** (научная статья, обзорная статьи, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. **ИНДЕКС УДК** (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. **ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ** на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. **ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)** располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзачного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта[✉].

ПРИМЕР:

Иванович Иванов^{1✉}, Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹✉, Петр Петрович Петров²

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ivanov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.» (**Abstract.**).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «**Ключевые слова:**» (“**Keywords:**”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКНКА [АБКНКА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и

писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б.* (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой.* М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezkhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinjata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
10,7

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 293

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*